

УЭЙН УЭЙБЛ

Меджуторье

СВИДЕТЕЛЬСТВО
ЖАЖДУЩЕЙ ДУШИ

Меджугорье

Свидетельство жаждущей души

Уэйн Уэйбл

Меджуторье

Свидетельство жаждущей души

Перевел
Олесь Божий

"Книжный мир экумены" © 2013

Название оригинала:
Medjugorie — The Message

Перевод на русский язык:
Олесь Божий

Проект обложки:
Уэйн Уэйбл

Copyright by Wayne Weible

ISBN 83-85040-94-3
ISBN 1-65725-009-X (издание оригинальное)

Фотография на обложке взята со снимка распятия, висящего на стене в комнате явлений, на которое смотрели визионеры во время явления. Это изображение появилось только на негативе при проявлении фотопленки.

Wydawnictwo Księży Marianów
ul. Św. Bonifacego, 9
02-754 Warszawa
tel. 40-83-32

*Благословенной Деве Марии,
всегда приводящей нас к Сыну,
и моей жене Терри, без которой
эта книга не была бы написана.*

Предисловие

Помню, как однажды, когда я был еще мальчишкой, мой брат пулей вылетел из дома, невероятно возбужденный. "У нас в доме сидит человек! – прокричал брат. – Он не католик! Он протестант!"

Помню, мне подумалось тогда, что этот человек должен быть совсем иным, чем все мы, и я побежал со всех ног, чтобы успеть его увидеть. До этого времени я не знал ни единого человека, который не был бы католиком. К моему крайнему удивлению, этот человек – этот "протестант" – и выглядел, и вел себя точно так же, как и все мы. Сегодня я вполне могу осознать то давнее событие, как первый, хотя и очень важный шаг в постижении азбучной сути учения Иисуса Христа. Эти непосредственные, ребяческие наблюдения заставили меня открыть одну из глубочайших Божиих истин: Бог сотворил всех людей равными.

Знакомство и дружба с Уэйном Уэйблом помогли мне возрасти в понимании братства всех человеческих существ на всей земле. А еще помогли мне вполне пережить окружающую меня красоту мира. Время совместной молитвы, трудов и бесед с Уэйном проростило во мне убежденность в том, что Бог никогда не кромсал наши человеческие взаимосвязи и не разлучал нас. Все происходило так, как будто бы я заново, с новой глубиной услышал слова, сказанные с креста Иисусом Его Матери: "Жено! се, сын Твой!" /Ин.19:26./.

Постижение этого произошло во время бесед, которые велись в Меджугорье. Когда Божия рука указывает пути Его народу, народ обращается, и, как следствие, люди проявляют по отношению друг к другу гораздо более высокую степень взаимопонимания. Каждый, кто вслушивается в Слово Божие сердцем, приходит к полному осознанию истины о себе самом и в самом себе возобновляет связь неба и земли. И тогда исчезают все страхи и беспокойства.

Эта книга отнюдь не представляет собой попытку вывести суждение о событиях в Меджугорье. Скорее всего, она является свидетельством веры и обращения множества людей, покорившихся водительству Святого Духа.

Иеромонах Светозар Крайевич, Францисканец.

Пролог

Первые слова, из которых впоследствии должна была вырасти вся книжка, были записаны мною у подножья креста, воздвигнутого на горе Крижевац, что в окрестностях Меджугорья, маленького селеньца в Югославии. Собственно, так оно и должно быть. Здесь, в этом совершенно особенном месте, я четко осознал реальность и полноту значения дара, каким одарил нас Бог, посылая нам Своего Сына.

Крест – это универсальный символ Иисуса Христа, зримый знак, напоминающий нам о Его смерти, благодаря которой мы можем утешаться покоем и обретаем надежду на жизнь вечную. В этом, собственно говоря, и заключается суть главных призывов в откровениях Пресвятой Девы Марии в Меджугорье: Она вновь приглашает нас примириться с Богом через единение с Иисусом. Начало этого – в возвращении на Его путь – на Крестный Путь.

С июня 1981 года призывы к обращению и примирению с Богом были многократно подтверждаемы Пресвятой Девой Марией при Ее явлениях в шкорму не известной деревушке. Здесь, в Меджугорье, Небесная Владычица открывает Себя взору шестерых молодых людей, живущих в открытой долине под сенью креста, воздвигнутого на вершине горы Крижевац. По их свидетельству, Мать Иисуса приходит, пламенно умоляя об одном: человечество должно отвориться от всего, что заражено смертоносной чумой греха, и заново воссоединиться со Христом.

Это чрезвычайное явление породило резонанс среди людей всего мира. Уже миллионы в ответ на призыв Богородицы начали вновь жить по-Божески, и миллионы постоянно посещают эту местность. Знамение креста чудесным образом обновилось в мире, в котором повсеместные технологии уведут нас сторону от всего, в чем явлена сущность Божественной благодати.

Крест на горе Крижевац весит пятнадцать тош; высота его – одиннадцать метрфв. Это бетонный монолит, гордо вознесшийся в паввышей точке горного плато, охватешного кольцом Меджугорья. Он виден издалека, а потому и стал, паверпос, знаком этой святой земли. Собственно, так оно и должно быть.

В 1933 году местные жители, пся с собой ведра воды и цемента, карабкались па крутой, камешистый, поросший колочим кустарником склоп. Таково было их рспение: в тысячу девятисотую годовщину казни па Голгофе поставить памятник, вдохновлепный их собственной верой. Этот замысел был им столь дорог, чо даже само название горы тогда изменилось с "Сиповач" па "Крижевац", т.е. "Крестная Гора". Совершение такого, в полном смысле слова, героического дела проливает свет па происхождение той благодати, какою ныне стали являения Дсвы Марии.

Крест па Крижеваце не пазовель красным. В течение многих лет будучи подвержепым воздействию сурового климата, он постарел, окраска его потускнела, па краях цемент осыпался мелкими кусочками. Однако его красота – вовсе не во внешнем виде. Крижевац глубоко запечатлен в памяти и сердцах людей, приезжающих в Меджугорье. Он сделался памятником духовного опыта, проливающего в душу такую красоту, по сравнению с которой меркнут все красоты Земли! Почти что каждый пилигрим, дрибывающий в Меджугорье, карабкается по камешистой тропочке, ведушей к подножью креста. Взбираться вверх тяжело, поскольку путь далеко не близкий – около полутора километров в гору. Несмотря па это, люди идут целыми группами: молодые и старые, здоровые и больные. Даже те, которым и падорванное здоровье обычно не дает совершать серьезные физические усилия, находят в себе резерв возможностей, чтобы дойти до вершины.

И все они горячо молятся, выпрашивая исцеления – физического или духовного, а часто и того, и другого вместе. Рассказывают о человеке с ампутированными ногами, который вскарабкался па гору с помощью одних только своих рук. Когда он достиг цели, то был совершенно изможденным, багровым от усилий, но сияющим, торжествующим победу. Можно услышать и о другом мужчине, па вид далеко не богатырского телосложения и довольно пцилом, который часто восходит па гору, пся па руках к подножью креста свою парализованную жену. Сэтим удивительным крестом связано множество подобного рода историй. Для людей, приезжающих сюда со всего мира, все эти рассказы – словно благовопный слей веры, падро возмвасмый для обращения и примирения с Богом и ближними, источник того, чего следует искать в происходящих здесь сверхъестественных явлениях.

Для людей, измучившихся от духовного голода, крест на горе Крижевац служит подспорьем, чтобы вновь перепестись на Голгофу и узреть Иисуса в тяжелый час Его смертных мучений. Этот горький час навсегда остается часом триумфальной победы Иисуса. Это момент исполнения Нового Божиего Завета с людьми, обетования, срывающего замки с дверей в жизнь вечную при помощи единственного ключа – смерти Сына Божиего.

Миллионы людей вновь и вновь приезжают в Меджугорье, чтобы услышать здесь о завете, обновляемом посланиями, которые Дева Мария передает нам от Своего Сына. Я – один из миллионов. Потому и написал я эту книжку, как свидетельство жаждущей души, нашедшей на дороге ко Кресту с горы Крижевац живую воду посланий Матери Божией, посланий мира и любви.

Уэйн Уэйбл.

*Ненависть разделяет, никого и ничего
не видя... А потому действуй с любовью
в том месте, где ты живешь...*

1.

Посланник

Был чудесный майский полдень. Мы приближались к ирландской деревушке, как будто перенесенной сюда с рекламной картинки. Стекла автомобиля были опущены, и сквозь них к нам врвался свежий воздух, доставляя несказанное удовольствие. С обеих сторон дороги тянулись невысокие каменные ограды, оберегающие зеленые поля. Часто мелькали сложенные из валунов, крытые соломой избушки, простоявшие на этой земле не менее триста лет. В иные моменты начинало казаться, что здесь, в графстве Допедаль, бег времени остановился.

Мы въехали на верхушку холма и тут же вынуждены были неожиданно затормозить: вдоль дороги юная пастушка не спеша гнала свою овечью отару. Мысленно я обрадовался тому, что сегодня я не сижу за рулем автомобиля.

Наш шофер, Вера Мак-Федден, сохраняла нерушимое спокойствие. Она заехала за мною в Латтеркенни на своей маленькой британской легковушке, прихватив с собой двух подруг, которые теперь сидели позади нас. Мы ехали в костел, расположенный в Дерри: этим вечером там ожидали моего выступления. Сидя на переднем сидении с левой стороны, я пытался приучить себя к тому, что руль находится справа: это рождало во мне странное ощущение, хотя и давало возможность вполне насладиться открывавшимися перед нашим взором ландшафтами этого самого северного ирландского графства.

— Какая невероятно зеленая трава! — сказал я.

— О, это вовсе не удивительно, ведь здесь так часто идут дожди! — с улыбкой ответила мне Вера. — Ныпче удивительно хорошая погода, — добавила она, как всегда выговаривая слова с сильным южным акцентом. — Здесь так редко светит солнце!

Я улыбнулся и кивнул, хотя с трудом разбирался в том, что она говорила.

Это было уже второе за этот год путешествие по Ирландии, а потому я на собственном опыте успел убедиться, насколько типичны в этих краях бесконечные дожди.

Последний поворот – и улыбки опадают с наших лиц. Дорогу преграждает очередное препятствие: стоящий поперек деревянный барьер, выкрашенный в красную и белую полоску и обозначающий находящийся здесь британский пограничный контрольный пункт на рубеже Северной Ирландии.

Перед пограничным шлагбаумом стояло двое солдат в полевых мушкетах, вооруженных карабинами, приведенными в полную боевую готовность. Я был поражен, испуган и достаточно сильно разнервничался. С другой стороны шлагбаума, на поросшей травой обочине отдыхала группа солдат в точно таком же обмундировании. Они неспешно переговаривались, курили, по оружию держали наготове.

Вера затормозила. Один из солдат подошел к ней. Она протянула ему удостоверение, он безмолвно прицепил документ. Прошло несколько томительных мгновений, затем последовал кивок головой в сторону солдата, стоящего на страже у шлагбаума, и тот освободил наш проезд. В то время, как мы медленно проезжали через проверочный пункт в Северную Ирландию, я осознал, что за все прошедшее время никто не сказал ни слова.

Не проехали мы еще и километра, как Вера вынуждена была съехать на левую обочину, а мимо нас с громохачем проехала колонна британских бронетранспортеров. Неожиданно краем глаза я заметил, что задние дверцы салона нашего автомобиля приоткрыты, а британские солдаты через них беспрерывно держат нас на прицеле. Впервые в жизни я испытал, что значит, когда твоя жизнь повисла на мушке карабина. Колонна прибавила ходу и скрылась за ближайшим поворотом. Во мне все буквально кипело от ярости.

– Что происходит? – спросил я свою спутницу.

Вера ничего не ответила, поскольку в очередной раз съезжала на обочину, чтобы вновь пропустить вперед еще одну колонну броневиков. И опять задние двери машины были приоткрыты, и опять в проеме нависли над нами угрожающие дула автоматов. Вскоре и эта колонна исчезла за поворотом.

– Что здесь происходит? – воскликнул я, как молнией пропзненный недоброй мыслью и похолодевший от испуга: похоже, здесь заваривается какая-то кровавая каша...

– Они вечно ездят двоечными колоннами, – объяснила Вера. – Таким образом им легче избежать нападения из засады...

– Но ведь в нашем автомобиле только лишь один мирный штатские! Никто

из нас не испытывает по отношению к ним никакой враждебности! Во все это невозможно поверить!

Вера пожала плечами.

— Мы — христиане-католики, — ответила она, указывая на четки Св.Розария, висевшие около зеркала. — А вы едете с нами, и потому они решили, что и вы принадлежите к Католической Церкви, — она тяжело вздохнула. — Не следует упрекать их: слишком часто друзья-соратники британских военных погибают от взрывов сброшенных бомб и от пуль террористов.

Именно в этот момент я во всей глубине осознал ужас трагедии Северной Ирландии: террористы-католики убивают солдат оккупационной британской армии, а вместе с ними и других ни в чем не повинных протестантов; террористы-протестанты убивают, в свою очередь, ни в чем не повинных христиан-католиков, и тем самым льют масло в огонь междоусобицы. Вот уже сколько поколений подряд не меняется эта ситуация и ничто не указывает на приближение хотя бы какой-нибудь возможности изменений. Здесь глубоко укоренилась несправедливость и стала своего рода жуткой традицией. И с одной, и с другой стороны в детях воспитывают ту же самую враждебность, какая была и у их отцов.

— Разве можно так жить? — громко и растерянно спросил я, поглощенный всеми этими несчастливыми мыслями.

Не отрывая взгляда от бегущей перед нами дороги, Вера тихо ответила мне:

— Я не знаю более трагического места на Земле, чем эти шесть графств Северной Ирландии. Быть может, это из-за того, что я лично знаю нескольких юных вдов и семьи, носящие траур; детей, которые никогда уже не вскарабкаются на руки к своим отцам, — она резко потрянула головой, как бы отгоняя прочь горькие видения. — С каждой стороны есть столько христиан, и мы молимся, молимся, молимся... а здесь ничего не меняется. Иногда я спрашиваю себя: а слышит ли нас Бог? — она резко обернулась ко мне. — Быть может, с Божией помощью ваше воззвание сегодня сможет что-то изменить?!

Повисла напряженная тишина. Я глядел на дивные ландшафты, контрастирующие своей красотой с отчаянным человеческим безобразием. "Воззвание", с которым я сюда приехал, происходило из откровений Пресвятой Девы Марии, Матери Иисуса Христа, которые Она передала группе юных хорватов, живущих в затерявшейся среди гор Югославии деревушке Меджугорье. Основная часть этих откровений содержит слова о мире и любви, и эти слова, разлетаясь по всему миру, притягивают к Богу миллионы людей. Нынешним

вечером протестант-лютеранин взойдет на амвон католического костела, чтобы благовествовать о явлении, которое все считают частью католической религиозности. И это будет происходить в самом центре страны, раздираемой усобицами между этими исповеданиями – протестантским и католическим.

Может ли меджугорский призыв хоть как-то повлиять на конфликт, продолжающийся вот уже более чем восемьсот лет? Может ли откровение из Меджугорья стать хотя бы каплей мира и спокойствия, пролитой на эту, дышащую жаром вражды и ненависти, землю? Без сомнения, именно так! Бог заботится о нас и слышит все наши молитвы. Сегодня вечером я буду говорить обо всем, что доказывает это, и о ... надежде.

Исподволь я иронически усмехнулся над самим собой: не так давно я сам не находил для себя никакой надежды, а теперь песу чрезвычайное послание надежды людям той страны, где эта надежда давно уже потеряна. В памяти вновь возникла цепочка событий, приведших меня в этот край... Все началось три года тому назад, в один из октябрьских полдней: я сидел в нижней части нашего дома в Миртль-Бич в Южной Каролине... Как далек я был тогда от каких-либо мыслей о растерзанном и кровоточащем сердце Северной Ирландии...

*Я пришла, чтобы сообщить вам:
Бог существует и любит вас...*

2.

У истоков

Я глянул на лежащую около моих колен видеокассету. С нетерпением ожидая, когда же наконец Терри уложит детей спать, я уже целиком и полностью жил предвкушением возможности посмотреть с нею вместе этот фильм. Немного раньше я прочитал книжку, попавшую ко мне вместе с видеокассетой, а потому некоторые najważнейшие сведения уже запечатлелись в моей памяти: походило на то, что в малосеньком горном селеньице в Югославии начиная с июня 1981 года группы местных подростков ежевечерне является Богородица.

Ежевечерне... Могло ли это быть правдой? Быть может, все это – только мистификация, коллективная галлюцинация или нездоровый мираж, плод не в меру разыгравшейся фантазии обманутых суеверных людей? Или все же в этой деревушке, названии которой и выговоришь-то не сразу, действительно происходит феноменальное религиозное чудо? Во всяком случае, этой темы мне будет вполне достаточно для хорошей объемистой статьи в газету, печатающую мои материалы еженедельно.

– Терри, когда же ты уже все закончишь! – выкрикнул я, видя, что моя жена все никак не может завершить свои семейные обязанности: из детской комнаты доносился голос нашего пятилетнего Кешнеди, который, как всегда, когда нужно отправляться спать, начинает кашочить:

– Припеси попить!

К счастью, его годовалая сестра Реббека уже заснула.

– Я обещала рассказать ему сказку, – ответила мне Терри. – Подожди минуту, я сейчас приду.

"Подождать придется еще не меньше, чем двадцать "минуточек", – подумал я про себя. О да, Терри была по-настоящему любящей, заботливой матерью. На

мгновение я задумался: понимает ли Кеннеди, какое это счастье – иметь такую мать. Безусловно, и для меня это огромное счастье. Моя жена – это самый лучший из всех даров, преподнесенных мне жизнью. В свое время я пережил трагический развод после четырнадцати лет совместной жизни. От первого брака у меня было четверо детей. Терри я повстречал уже тогда, когда все надежды были утрачены и казалось, что выхода из эмоциональной депрессии и беспроектного жизненного мрака совсем нет.

Терри тоже чрезвычайно интересовало все происходящее в этой далекой деревушке, хотя и несколько иначе, чем меня. По ее рассуждению, если там происходило что-то настоящее, что-то, могущее изменить мир, то все это может отразиться и на наших детях...

Об этом чуде мы впервые услышали на лекции в воскресной школе при лютеранской кирхе. Я вел там два класса взрослых и время от времени поручал своим ученикам свободные темы для самостоятельной работы. Традиционные лютеранские темы были достаточно искусственными и неуклюжими. Класс, в большинстве своем состоящий из молодых людей и холостяков, требовал как можно большего разнообразия. Именно этому классу в конце октября 1985 года я предложил необычное задание: собрать газетные вырезки и разного рода иные материалы, касающиеся чудес, происходящих в современном мире.

Многие из учеников оказались вполне в силах справиться с этим заданием, и потому неудивительно, что при обсуждении возникла оживленная дискуссия. Когда страсти накалились до предела, сквозь шум и гам донеслась реплика, брошенная Бекки Гинлей, подругой Терри: "У меня есть очень хороший пример: вы слышали о том, что происходит в Югославии? Там есть деревушка, где, вроде бы, шестерым малышам является Дева Мария. Говорят, что все это происходит уже в течение четырех лет".

Все, кто сидел в классе, молча уставились на нее. Бекки тоже торжествующе молчала, довольная тем, что ее информация пробудила ответную реакцию среди соучеников – а они были явно заинтересованы!

Если говорить обо мне, то слово "заинтересованность" было бы слишком мягким определением. У меня в газете есть своя колонка, хотя доставать материал, чтобы ее еженедельно заполнять, вовсе нелегко: круг ярких и интересных тем достаточно узок. Я почувствовал журналистским нутром, что в воздухе витает нечто подходящее. Приближались Рождественские праздники – время для религиозных тем идеальное. Большинство людей задумываются о Богородице только лишь в Рождественский период, когда всюду выставлены на всеобщее обозрение праздничные макеты Вифлеемских яслей, являющих

взору традиционную сусальную сцену, где Она преклоняет колени в пещерке около новорожденного Иисуса. Нужно признаться, что я и сам в другое время на такие темы не размышлял.

– Где ты об этом слышала? – спросил я Бекки.

– От подружки-католички, – ответила она.

– А при чем тут католики?

– Так ведь все происходит именно в Католической Церкви.

– Серьезно? Она глянула на меня, отклонив голову несколько вбок.

– Ты что же, никогда не слышал ни о Фатиме, ни о Лурде?

– Нет, я...

Но как раз в этот момент прозвенел звонок: лекции окончились и все ринулись к дверям.

– На следующей неделе поговорим об этом немного подробнее, согласны?

– крикнул я вслед уходящим. Спешно разыскав Терри, я попросил ее разведать, есть ли у Бекки еще какая-нибудь информация на эту тему. Бекки направлялась в сторону детского сада, чтобы забрать домой своих близнецов, и мы ринулись за нею.

– Бекки, подожди, – крикнула Терри. – Где мы можем узнать что-нибудь еще об этом явлении?

Бекки глянула на часы и прикусила губу. После нескольких мгновений раздумья она спросила:

– Ты знакома с Мери Джеффкоет?

– Конечно. Мери входит в состав городского совета, перед этим была сотрудницей госпиталя, а мы познакомились с ней на почве газетной работы.

– Собственно говоря, именно Мери сообщила мне обо всех этих событиях, – выпалила Бекки, оборачиваясь к нам, но не переставая двигаться по своему маршруту. – У Мери сможете выспросить больше, она наверняка располагает достаточной информацией.

– А она откуда обо всем знает? спросил я, в свою очередь как бы размышляя вслух.

– У нее, кажется, имеются видеокассеты, кое-какие книжки... Простите, я должна уже бежать. Позвони мне, – она махнула нам рукой, развернулась на каблуках и почти бегом направилась в сторону детского сада.

По дороге домой и после, вплоть до позднего вечера, мы с Терри обсуждали возникшую тему мистических откровений. О, это был прекрасный материал для великолепной рождественской статьи! Мысленно я уже начал ее писать... В то время, как мы в суете и неразберихе текущих дел готовились встретить

праздник Божиего Рождества – чуда, совершившегося около двух тысячелетий тому назад, в югославской деревеньке совершается чудо современности... У меня было лишь одно опасение: не повредит ли такая странная религиозная тема моему имени трезвого журналиста? Вечером Терри позвонила Мери Джеффкоет.

"Завтра после работы я подброшу вам кассету", – сообщила она Терри. И добавила к нашей радости и удовольствию: "Книжку тоже дам прочесть". Весь следующий день меня колотила лихорадка журналистского любопытства. Я хотел заполучить эту книгу как можно скорее. Попросту не хватало сил дожидаться, когда же она, наконец, попадет ко мне в руки. То же самое происходило и с Терри. Мы даже поспорили между собой, кто будет читать первым, – ну совсем как дети малые! Когда наконец-то настал мой черед, я проглотил книгу буквально за два часа. Она не была слишком объемной – каких-нибудь девяносто восемь страниц, не больше. Авторами были католический священник о.Роберт Фаричи и монахиня мать Люпия Роней. Их рассказ был о первых днях откровений в Меджугорье.

В центральной части Югославии, в гористой Герцеговине, всего лишь в часе езды от побережья Адриатического моря расположена деревушка, такая маленькая, что на большинстве карт ее и искать нечего: она там не обозначена. Найдете ее лишь на картах, изданных после 25 июня 1981 года. На них будет четко указано местоположение этого маленького селения пастухов и пахарей, заселенного едва ли более чем четырьмя хорватскими семьями. В тот июньский день, незадолго до захода солнца произошло чрезвычайное событие, навсегда изменившее ход истории всей деревушки и ее окрестностей, а может быть, и всего мира. Иванка Ивакович, пятнадцатилетняя девушка, и ее подруга Мариана Драгичевич, шестнадцати лет, после окончания работы в поле прогуливались по каменистой тропке, змейкой уползавшей вверх от окраины их деревни Бияковицы, лежавшей у подножья горы, называемой Подбрдо. Когда они уже возвращались домой, Иванка глянула перед собой и потрясенно замерла: на горе виднелась сияющая фигура женщины, охваченная ярким искристым свечением.

– Марьяшка, гляди, это Госпа (т.е. Наша Владычица)! – воскликнула девушка, не осознавая, что говорит.

– Отстань, – ответила с пренебрежением подруга, не потрудившаяся даже взглянуть в ту сторону. – Чего ради Госпа стала бы появляться именно перед нами?

Сказала – и пошла себе дальше.

Иванка, удивительно возбуждающая, умоляла поверить ей: она на самом деле видела, она не обманывала... В это время они подошли к дому Милки Павлович, девочки тринадцати лет, которая как раз вышла, чтобы загнать в кошары вернувшихся с пастбища овец. Иванка стала умолять своих подруг увидеть то же, что и она.

Вскоре к ним присоединилась семнадцатилетняя Вицка Иванкович, их верная подруга, искавшая их весь вечер. Когда она издала увидела, как возбужденно машут они ей руками, то поспешила и присоединилась к девочкам. Когда те крикнули ей, что видят Богородицу, Вицка так перепугалась, что не пожелала даже глядеть в указанную сторону и побежала прочь, обиженная тем, что ее подруги позволяют себе надсмехаться над такой святыней, как Матерь Божия.

Однако любопытство взяло верх, и она вернулась. По дороге прихватила с собой двух парней, вертевшихся у ограды соседнего сада, в рубах которых были набиты яблоки, – шестнадцатилетнего Ивана Драгицевича и Ивана Иванковича. Нужно заметить, что никто из детей не состоял в родстве, просто многие семейства в деревне имели одни и те же фамилии. Младший Иван по дороге сбежал, а старший остался и увидел нечто, что позднее он описал, как "что-то вращающееся и совсем белое".

Вицка, вернувшись, очень четко пронаблюдала явление и в описании была чрезвычайно точна. Она утверждает, что видела силуэт женщины, одетой в серебристо-серое платье, темноволосой, с бледным лицом, державшей на руках младенца и подававшей ей знак подойти ближе... Но все они были так перепуганы, что и пошевелиться не могли. (Это единственный случай, кроме Рождества, когда явившаяся Дева держала на руках младенца).

Дети были потрясены: одни начали плакать, другие – молиться. Они стояли там до самых сумерек, пока не ступила мгла. Возвратившись домой, они рассказали обо всем своим родителям – и получили в ответ поток насмешек, а вдобавок – хорошую головомойку, поскольку старшие боялись, что дети прослышат среди соседей полоумными врунами. Сестра Вицки весь вечер дразнила ее: "А летающая тарелка вам на голову не падала?"

На следующий день после окончания полевых работ дети почувствовали внутренний импульс, как бы зовущий их пойти на склон горы, хотя и не все они могли это сделать. Мать Милки не поверила дочери и забрала ее в тот день на дальнее поле. Поэтому когда девочка почувствовала своего рода внутренний приказ идти на место, где было видение, оказалось, что расстояние до него

слишком велико. Таким образом, когда остальные дети прибежали за Милкой, ее старшая семнадцатилетняя сестра Мария сказала, что Милки нет дома. Однако в доме был Яков Чоле, двоюродный брат Милки и Марии, которому едва исполнилось десять лет. По совету Марии он решил пойти вместе со всеми. Иван Иванович, старший всех на несколько лет, решил, что наблюдение "видения" – это развлечение для малолеток, и идти со всей компанией не пожелал. Уже через несколько дней его отношение ко всему происходящему коренным образом переменялось, и он ужасно жалел о том, что в тот день не пошел со всеми друзьями. Второй Иван решил идти: ему было стыдно, что накануне, перепугавшись, он сбежал. На некотором расстоянии от детей следовала группа односельчан, которых выгнало из домов любопытство и желание узнать, кокова доля правды во всех этих разговорах о появлении в их местах Богородицы...

Вскоре после того, как часы показали 18.00, вновь появился силуэт женщины. Жестом Она поманила детей к себе, решительно и определенно повелевая им приблизиться. На этот раз дети подчинились. С невообразимой скоростью они вбежали на гору и, приблизившись к Женщине, преклонили колени. Некоторые из тех, кто следовал за детьми, издали наблюдая за ними, хотели бежать следом, но их бег был слишком медленным. Когда же они добрались до нужного места, то увидели, как все впоследствии единогласно утверждали, шестерых коленопреклоненных детей, глядящих на нечто, находящееся несколько выше. По прошествии некоторого времени дети начали произносить слова Молитвы Господней, поскольку, как позднее объяснила это Вицка, "никто не знал, что в этом случае нужно было делать". На следующий день встреча продлилась около пятнадцати минут, и именно тогда Та, Которая им явилась, открыла, что Она – Благословенная Дева Мария.

Возвратясь домой, дети вновь были встречены шутками и прибаутками, однако уже не такими злыми и обидными, как прежде, поскольку теперь свидетельствовали не только они, но и бывшие вместе с ними односельчане. Теперь уже было ясно, что случившееся – это не плод буйной подростковой фантазии, никак не розыгрыш и не насмешливая выдумка. Совершенно уверенно можно было сказать – и так теперь думали все, – что шестеро подростков не подшучивают над тем, что для них было безусловно свято, и уж коль скоро они говорили, что видели нечто, то значит видели, даже если никто другой этого не видел.

Известие о происходящем в мгновение ока разлетелось по междуторийскому приходу, в состав которого входит пять небольших деревень. На следующий

день к полудню на склоне горы вместе с детьми собралось около пяти тысяч людей. Сходились они со всех сторон, некоторые пришли даже из Любиска, а некоторые – из самого города Мостар, расположенного в получасе езды автомобилем от Междугорья.

На третий день на горе появился яркий свет, луч которого привел шестерых ребят на место очередной встречи с Госпой. Все остальные видели свет, но не видели, что происходило с детьми. На этот раз среди них была и Милка: ее мать, выслушав рассказ Марии обо всем, что произошло на второй день, поняла, что младшая дочь говорила правду, а потому не препятствовала больше дочери, равнявшейся на встречу с Госпой. К сожалению, ни в этот день, ни в какой-либо другой – никогда уже Милка не смогла увидеть Госпу.

А тем временем шестерка, немного осмелевшая за прошедшие дни, начала задавать вопросы: "Почему Ты пришла в нашу деревню? И почему именно к нам? Чего ты хочешь от людей?"

– Я пришла сюда, поскольку здесь много самоотверженных верующих, – ответила Она. – Пришла, чтобы сказать вам: Бог существует и любит вас. И пусть все остальные, не видящие Меня, верят также, как и вы.

Яков рассказывал об этом немного иначе. По его словам, поводом для Ее пришествия была необходимость установления мира и всеобщего примирения. Думаю, сам факт того, что шестеро юных визионеров не повторяли одно и то же слово в слово, делает всю ситуацию гораздо более правдоподобной, к тому же, если принять во внимание свойственное подросткам упрямое стремление к личной независимости в суждениях, было бы очень подозрительным, если бы рассказы оказались совершенно одинаковыми.

На четвертый день сигнал тревоги дошел до районных властей в близлежащем Цетлоке. Ситуация переставала быть контролируемой. Милиция забрала всех шестерых, и они были сурово допрошены, а после осмотрены врачами. Медицинская комиссия сошлась во мнении, что все подростки абсолютно нормальны. Обеспокоенные власти сейчас же послали за иеромонахом-францисканцем, священником междугорийского костела Св.Иакова, отцом Иозо Зовко, который только-только вернулся из Загреба, где проводил серию духовных упражнений. Ему были даны соответствующие указания на предмет того, что все встречи на горных склонах должны быть прекращены и что он лично отвечает за все... В конце концов, Югославия – коммунистическая страна, а потому, по официальным заявлениям, Бог не существует! Югославская коммунистическая система, в соответствии с заявлением районных властей, является "просвещенной и прогрессивной", поэтому сборище с целью

удовлетворения религиозных нужд были бы терпимы, если бы проводились в костеле, в определенный день и в определенное время. "Но самопроизвольные и массовые скопления у подножия горы, – внушали священнику районные коммунистические властители, – решительно ни в какие рамки не лезут!"

Отец Йозо уверил печальников, что и сам он не меньше, чем власти, обеспокоен сепарационными событиями, произошедшими в его отсутствие. Он не сказал при этом, что к тому времени им уже была проведена долгая встреча с подростками, при которой он взял на себя роль далеко не адвокатскую. Прислушиваясь к рассказам ребят, он сосредоточивал внимание на том, чтобы поймать их на какой-нибудь погрешности, ошибке или несоответствии. По слухам, некая личность из группы привозила из дальнего города наркотики. Мириана уже имела постоянное место жительства в Сараево, а в Меджугорье проводила лишь капикулярное время. Поэтому духовный пастырь опасался, что молодые люди галлюцинировали под воздействием наркотиков, а, предав огласке свои галлюцинации, устроили сами себе ловушку и теперь уже были вынуждены продолжать свою игру.

Другой священник, отец Зринко Цувало, во время своих импровизированных допросов относился к детям еще более сурово. Он оказывал на них давление, опасаясь, что все сообщаемое ими – это одна огромная ложь. Временные эмоциональные неприятности, переживаемые детьми при этих допросах, справедливо казались ему мизерными по сравнению с тем невосполнимым ущербом, который мог бы быть нанесен людям села, Церкви и христианской вере в Югославию, если бы сообщение детей оказалось обманом. Поэтому священник-францисканец опрашивал их многократно, всех вместе и каждого в отдельности. Не скрывая своего скептицизма и подозрительности, он целенаправленно пытался спровоцировать у них противоречивые ответы.

Третий францисканский священник, совсем недавно приехавший в Меджугорье именно из-за происходящих событий, предлагал еще более радикальное решение: подвергнуть детей экзорцизмам – изгнанию дьявола.

Все это натолкнулось на решительное сопротивление со стороны остальных священников. Они воспротивились неоправданной суровости и жестокости. Быть может, дети и не без вины, но наверняка не страдают сатанинской одержимостью... После личной встречи со всей шестеркой новоприбывший священник принял это мнение и отказался от мысли об экзорцизмах.

Таким образом, священники, сознавая гигантскую ответственность, возложенную на их плечи, действовали с крайней осторожностью. Ни в чем нет никакого лицемерия: люди, власти и Церковь внимательно вглядываются и исследуют...

Во все это время шестеро подростков упрямо настаивают и непоколебимо держатся своих свидетельств. Во время очередного послеполуночного явления районные власти из Цетлока послали врача Даринку Гламузину, чтобы она лично пронаблюдала все происходящее у подножья горы. Доктор Гламузина, убежденная атеистка, работница "Скорой помощи", конечно же должна была возвратиться с отчетом такого рода, который бы позволил тотчас же законно положить конец всей этой затянувшейся истории.

Солнце клонилось к горизонту. Весь склон горы был усеян людьми – со всех сторон прибывали тысячи. Толпа разделила юных визионеров и разбросала в разные стороны, они потеряли друг друга из вида. Все это очень напоминало цирк. Марию Павлович сопровождал отец Зринко, одетый в штатское, чтобы не быть узнанным властями (впервые один из местных священников пришел на горный склон). Вдруг девушка увидела невероятный свет и побежала в его сторону. По-видимому, все остальные дети увидели то же самое, поскольку вскоре они присоединились к пей и начали молиться.

По признанию свидетелей, находившихся в непосредственной близости, дети в определенный момент прервали молитву. Их восторженные взгляды сосредоточились на образе чего-то, видимого только им. Со стороны казалось, что время от времени они по очереди задают вопросы, после чего следовала пауза и можно было понять, что каждый получает удовлетворяющий его ответ. Один из вопросов звучал так: "Должны ли мы что-то сказать священникам?" – "Скажите им, чтобы верили крепко и защищали веру", – таков был ответ, который дети пересказали позднее.

Свидетели говорят, что, когда явление окончилось, доктор Гламузина стремительными шагами ушла прочь и весь ее вид говорил о том, что она пережила подлинный шок. Она отказалась писать какой бы то ни было рапорт и впоследствии не принимала никакого участия в официальных наблюдениях за визиоперами. Один из ясновидящих сообщил, что доктор Гламузина бездумно спросила, можно ли дотронуться до Той, которую дети как-будто бы видели. Вопрос этот был передан ими Пресвятой Деве. "Пускай она подойдет, всегда ведь будут такие, как Фома неверующий", – дала свой ответ Госпа.

На пятый день выпадало воскресенье, однако отец Йозо, так же скептически настроенный, не упоминал в своей проповеди о событиях, разыгравшихся на горе Подбрдо. Вместо этого он подчеркнул, какое значение имеет сохранение верности традиционным формам веры. Если даже предположить, что, заняв такую позицию, он пытался охладить пыл своих прихожан, то нужно признать, что его усилия остались незамеченными: вечером на взгорье собралось немало

больше людей, чем обычно. Создавалось впечатление, сто собрались там буквально все женщины, мужчины и дети, живущие в радиусе восемнадцати километров от Меджугорья.

Явление началось где-то около 18.40. Место появлений Госпы всегда будет меняться, но время останется достаточно постоянным. Впоследствии, во время одного из многочисленных опросов юные визионеры сообщили, что среди различных вопросов был задан и такой: "Возлюбленная Госпожа, почему Ты не появишься в костеле так, чтобы каждый мог тебя видеть?" Ее ответ был в точности таким, как тот, который некогда дал Ее Сын: "Благословенны не видевшие, но уверовавшие..."

Утром в понедельник в Цетлюке было собрано срочное совещание районного начальства. Появились первые донесения о чудесных исцелениях: начал ходить парализованный ребенок, прозрел слепой, исцелено было множество разных людей. Ситуация становилась критической. Власти опасались, что распространение известий обо всех этих чрезвычайных явлениях начнет притягивать в селение неконтролируемые толпы народа. За ясновидящими еще раз была выслана милиция, но на этот раз их безо всякого разбирательства упрятали в психиатрическую больницу города Мостар. Районное начальство твердо надеялось на то, что паверпяка выяснится, из-за чего у подростков появляются галлюцинации, либо каков характер их психического заболевания. Врачи-психиатры очень быстро, в свою очередь, определили, что дети совершенно здоровы, и отослали их обратно домой.

В тот день после полудня на дорогах, ведущих в Меджугорье, образовалась автомобильная пробка протяженностью в несколько километров. На изгорье теснились гигантские толпы людей. Когда пришли визионеры, толпа начала напирать на них; испуганные происходящим местные крестьяне, по совету Маришко Иванковича, жившего по соседству с Марией Павлович, стали цепью, взявшись за руки, и только благодаря их живому "спасательному кругу" молодые ясновидящие могли безопасно молиться. За эти дни у них установился обычай начинать молитву Молитвой Господней и Богородичной молитвой "Радуйся, Мария..." Во время чтения одной из этих молитв появилось видение. На этот раз один из заданных вопросов звучал так: "Как долго ты будешь нам являться?" Ответ изумлял: "Так долго, как вы того захотите".

На следующий утро из города приехали на автомобиле две женщины,

известные общественники, и предложили детям немного покататься. Молодые люди их знали, с радостью откликнулись на приглашение и достаточно приятно провели вместе этот день. Приближалось обычное время явлений. Визионеры почувствовали беспокойство и пожелали возвратиться на взгорье. Однако общественники в ответ насмешливо улыбались и продолжали ехать дальше, как будто бы ничего не понимали. Подростки догадались, что происходит, и пригрозили, что если автомобиль не остановится, то они выскочат из него на ходу. Перепуганные дамы моментально свернули на обочину. Машина остановилась, и тотчас же все, в том числе и городские общественные деятели, увидели светящийся шар, падающий на них сверху. Дети преклонили колени на краю дороги и через некоторое время начали беседовать с Той, Которая им явилась. Общественные деятели возвратились домой, до глубины души потрясенные увиденным сиянием и столь близко от них произошедшим явлением. Днем позднее они подали заявления, в которых отказывались продолжать работу в органах власти, а еще через некоторое время вообще покинули территорию района.

Власти же занимали жесткую позицию: никаких встреч со сверхъестественными существами на склонах гор этого района не будет и быть не может! А если уж ясновидящим хочется валять дурака, пусть делают это в костеле. Юные видящие должны исчезнуть с глаз долой и не дурочить людей. Терпеть сложившуюся ситуацию больше никто не будет. В качестве аргумента для отчетов начальству приводили тот факт, что люди весь вечер проводят на взгорье вместо того, чтобы заниматься полезной домашней работой. Эти мистические фокусы парализовывают жизнь всего округа!.. Вывод властей был однозначным: если дети не станут слушать приказов районного начальства, то за такое непослушание жестоко расплатятся их семьи. А молодые люди знали, что в коммунистической стране, где власти распоряжаются всем – и возможностью работать, и жильем – такие угрозы не были пустыми словами.

Однако уже на следующий день начальство изменило свое решение: все эти глупости – такое официальное название было у явлений – должны прекратиться немедленно. В Меджугорье был выслан парад милиции с приказом арестовать ясновидящих. Для детей наступил период мрачного кошмара. Люди доносили милиционерам, что видели детей-ясновидящих то в поле, то в селе, то неподалеку от костела. Но когда блюстители порядка добивались до указанного места, детей там уже не было. Ничего удивительного: молодые люди просто еще не научились играть в "прятки"! Они все время переходили от одного места к другому, путая за собою следы... В конце концов они добрались до костела.

Отец Иозо преклопил колени перед престолом собора Св.Иакова. Со всех сторон его охватывал полумрак и гулкая тишина храма. Священник молил Господа о даре мудрости и распознавания. Бог не оставлял в одиночестве ни Авраама, ни Моисея в годину их испытаний, открывая им Свою волю и руководя ими. И теперь отец Иозо вопрошал небо: что делать? Среди тишины пустого костела явственно прозвучали слова: " Выйди отсюда и защити детей".

Обеспокоенный столь ясно услышанными словами, священник поднялся с колен и побежал к дверям черного хода. Отворив их, он увидел группу теснящихся детей. " Отче, помоги нам! Пожалуйста, помоги нам!"— умоляли они его со слезами на глазах.

Не раздумывая долго, отец Иозо быстро отвел их в дом при костеле. Милицию пужно было ждать с минуты на минуту. Предупредив пежданых гостей, чтобы они сидели тихо, он вышел ожидать представителей власти на крыльце дома. Так и есть: по направлению к священническому дому уже бежало трое милиционеров.

— Быстрешко, гражданин, отвечайте: детей здесь не видели? — окликнули они его, с трудом переводя дыхание.

— Пробежали, — кивнул головой священник, внутренне сжавшись и сознавая, что будет защищать детей, чего бы это ни стоило. Но милиционеры не стали ни о чем спрашивать, а ринулись в сторону Бяковиц — хутора, где жили все шестеро ясновидящих. Отец Иозо подождал, пока они скроются из глаз, и возвратился в дом, чтобы хоть немного успокоить изволнованных и измученных ребят, усадить их за стол и как следует накормить.

В этот день явление произошло после полудня в самом костеле, в присутствии людей, собравшихся со всех концов села по просьбе священника. И если до сих пор у отца Иозо были какие-то сомнения относительно подлинности откровений, то теперь все оказалось решенным однозначно: потрясенный, он увидел Деву Марию с такою же ясностью, как и дети. Имевши с этого времени он сделался пламенным сторошиком и защитником явлений, за что расплатился полуторагодовалым тюремным заключением и каторжными работами из-за отказа закрыть костел — власти требовали этого для того, чтобы прервать череду феноменальных происшествий.

Отец Иозо решил, что люди должны получить все самое ценное: на 18.00 было назначено служение Евхаристической Литургии, а отца Зринко настоятель попросил предварить богослужение молитвами Святого Розария. Когда он вошел в костел, там не было где яблоку упасть. Люди теснились вплоть до самого алтаря. И вот тогда-то священник, прежде так скептически относив-

шийся к явлениям, поскольку видел в них нездоровую погоню за сенсационными событиями, в то время как участие в обычных богослужениях, исповедь и причащения не вызывали особого энтузиазма, теперь с трудом – из-за тесноты от сошедшихся в костел людей – вознес руки к небу в молитве и возгласил: "Господь с вами". Да и люди, собравшиеся на Мессу, уже не были безразличными наблюдателями – они всем сердцем отвечали своему пастырю, преображенные ожиданием чуда, и это было лишь началом преображения жизней тысяч людей во всем мире... Эта Месса положила начало всей дальнейшей ежедневной практике. Явления происходили всюду в тех местах, где на тот момент находились дети. Отец Йозо разрешил им встретиться в маленькой ризнице справа от алтаря. Крестьяне, которые обыкновенно трудятся до самых сумерек, начали сходитьсь в костел уже в 17.00. Был прочитан весь Розарий, все три части, затем была совершена Святая Месса, призошли многочисленные исцеления. Люди провели в костеле не менее трех часов.

Таким было начало обращения Меджугорья.

Основой вести, с которой Небесная Владычица пришла в Меджугорье, был призыв к обращению. Она говорила о том, что к обращению человека приводят молитва, пост и покаяние. Таков путь преображения сердца, путь к обретению внутреннего мира. И люди Меджугорья приняли на себя труд жизни в соответствии с этими указаниями.

Счастье и святость не продолжались вечно: 18 августа священник был арестован и обвинен в распространении клеветнических измышлений, поскольку во время проповеди он позволил себе сказать несколько фраз, комментировавших евангельские чтения, которые были расценены как антиправительственная пропаганда. Власти открыто перешли к гонениям. Они надеялись, что таким образом им удастся положить конец явлениям и прекратить многолюдные собрания, возникшие по этому поводу. Для отца Йозо все это не было неожиданностью: когда ему был предъявлен ордер на арест, он был уже вполне готов. Однако ни он сам, ни прихожане не ожидали того, что случилось позднее. Костел подвергся хулиганскому нападению, литургические предметы были осквернены и разбросаны. Вслед за этим костел был закрыт властями.

Со звоныцы ударили колокола. Вопреки всем распоряжениям костел заполнили люди, игнорировавшие запрет на вхождение внутрь костела. При виде нанесенного ущерба и разрушений все онемело. Стояла мертвая тишина. Отец Зринко подошел к престолу и сообщил собравшимся об аресте отца Йозо, хотя большинство людей об этом уже знало. Чувства бурили в душе

священника и голос его срывался: "... это был самый трудный из всех дней прожитой мною жизни". Со всех сторон слышались сдавленные рыдания. Началась Месса. Люди пробовали петь, но слова застревали в горле. Так было и тогда, когда пришло время молитвы "Отче наш": отец Зринко должен был несколько раз повторить строфу "... как и мы прощаем должникам нашим", пока услышал ответ молящихся.

После Мессы, по обычаю, люди во главе с ясновидящими начали совершать семикратно повторяемые молитвы "Отче наш", "Радуйся, Мария" и "Слава Отцу, и Сыну, и Святому Духу". Неожиданно дети прервали молитвы и убежали в ризницу при алтаре. Священник сообщил прихожанам: "Наша Владычица призвала их к себе".

В костеле повисла тишина. Все взгляды устремились в сторону дверей малой ризницы. Потом из нее вышел самый младший из всей шестерки, Яков, а вслед за ним и другие; Яков подошел к микрофону и сказал: "Наша Владычица призвала нас хранить мир. Сказала нам, к тому же, чтобы мы передали вам: никто не должен бояться и все должны радоваться. Она сказала, что будет хранить отца Йозо во все трудные минуты его жизни".

Когда прошел первый шок, последовал взрыв радости, и все начали петь гимны с удивительным энтузиазмом. Общая молитва вскоре окончилась, но многие не хотели уходить...

Я оторвал глаза от книги и встряхнул головой: все это казалось мне таким удивительным! Годы журналистской учебы приучили меня к скепсису и холодной рассудочной оцелке. Я привык обращать внимание лишь на одни сухие факты. Явления же продолжались в течение четырех лет. К тому же все началось с малограмотных подростков. Могли ли они притворяться так долго? А впрочем, если дело лишь в том, чтобы написать очередную статью в газету, то какое мне дело до всей подоплеки?

– Чего ты ждешь? Бери кассету, посмотри это чудо из чудес! – сказала мне с улыбкой Терри, мигновение тому назад вошедшая в комнату.

Я встал и вложил кассету в видеомаягнитофон...

*Ты – сын мой, и Я желаю,
чтобы ты исполнил волю моего Сына...*

3.

Послание

Фильм начинался с панорамы взгорья, раскинувшегося за костелом Святого Иакова; именно здесь, на ближайшей вершине находится большой бетонный крест. Через некоторое время зазвучала песня – это хорваты мелодично и распевно славили Бога во время Святой Мессы; видеокамера в это время показывала костел с двумя башнями, толпу людей, теснящуюся у входа. Католический священник из Соединенных Штатов брал интервью у пилигримов из Франции, Италии, Германии и других стран. Он вел беседы с юными парами, с семьями и подростками, спрашивая их, по какому поводу они приехали в Меджугорье и что здесь нашли. Все это продолжалось минут пятнадцать. Затем на экране возникла шестерка молодых людей, которые невольно стали ясновидящими и посредниками при передаче призывов содержащихся в откровениях.

В полном соответствии тому, что утверждал отец Фарици в своей книжке, все шестеро выглядели нормальными, вполне здоровыми подростками. Инстинктивно я начал отмечать в своей памяти некоторые факты: каждый из визионеров производил впечатление достаточно гармонично развитой личности, вполне счастливой и спокойной. Внешне они были достаточно симпатичными, впрочем, не более, чем все остальные молодые люди в их возрасте. Фильм создавался в этом году, спустя четыре года после начала описываемых в книге событий, и в это время первый ажиотаж успел прекратиться. Ежевечерние откровения сделались чем-то вполне обыденным, утихли преследования со стороны властей, которые открыли для себя в происходящем даже определенного рода пользу из-за обильного паломства многочисленных богатых туристов.

Когда видеокамера показала крупным планом ясновидящих перед самым началом очередного явления, моя обычная журналистская беспристрастность

покинула меня. Я ошарашенно встряхивал головой, то и дело повторяя: "Это невероятно!" Однако в своем сердце я почувствовал, что все это – чистая правда. Тогда как же оказалось возможным то, что уже в течение столь долгого времени происходят вещи совершенно удивительные, а в этой стране никто о них ничего не знает?

Молодые люди начали молиться. Неожиданно они прервались буквально на полуслове и пали на колени. Вицка улыбалась и говорила с кем-то – это было видно абсолютно четко, хотя при этом из ее уст не вырвалось ни единого звука. Точно так же беседовал и Иван, но при этом его губы двигались не синхронно с губами Вицки. Мария с почтительным вниманием вглядывалась вверх. Все они глядели в одну и ту же сторону, совершенно не замечая толпящихся вокруг них людей и раздражающего мигания фотовспышек, молниеносно высвечивающих их лица.

Я совершенно растворился в созерцании этого невиданного зрелища, как вдруг до меня дошло странное ощущение: мне показалось, что кто-то говорит, обращаясь ко мне! И голос этот был совершенно необычным. Он звучал как бы изнутри меня. Трудно в это поверить, но я был убежден, что это голос Пресвятой Девы Марии.

Я почувствовал, как деревянеет все мое тело. У меня возникло впечатление, что вся комната куда-то исчезла, а остались только я и изображение на телеэкране. А внутри меня рос и крепчал голос: "Ты – Мой сын, и Я желаю, чтобы ты исполнял волю Моего Сына..."

Дыхание мое замерло. Я метнул взгляд в сторону Терри, пытаясь угадать: быть может, и она что-то слышит? Однако она смотрела телевизор с неподдельным интересом, но совершенно спокойно. И я понял, что эта удивительная ситуация приключилась лишь со мной одним. Сердце мое билось в груди, как тяжкий молот о наковальню: казалось, вот-вот – и я потеряю сознание. А внутри меня продолжал звучать голос: "Пиши о событиях в Меджугорье, это станет твоей жизненной миссией. Если решишься выбрать этот удел, прекратишь заниматься своей нынешней работой".

Я не помню, что там было дальше в видеофильме. Но когда он уже закончился и мы с Терри сидели друг рядом с другом, переживая увиденное, я ошарашенно глядел на нее, мучительно размышляя: должен ли я сообщить ей о том, что со мной случилось? Поверит ли она мне?

"Это было очень интересно. Еще интереснее, чем книжка, – сказала в конце концов моя жена. – Это удивительно, но я вполне во все это верю".

Я был в состоянии лишь кивнуть головой ей в ответ. Терри смотрела на

меня, ожидая более существенной реакции. Затем, обратив внимание на странное выражение моего лица, она спросила:

– Что с тобой происходит?

– Терри, я знаю, что это похоже на безумие, но Она со мной говорила...

– Кто?

– Богородица. Она говорила со мной. Она хочет, чтобы я стал провозвестником Ее откровений...

– Мне явно не хватало слов, чтобы четко выразить произошедшее.

Жена в течение нескольких минут изумленно вглядывалась в меня.

– Тебе не кажется, что ты немного пересолил с такой своей реакцией? – выдавила она из себя в конце кощов.

– Терри, я говорю тебе, что это было! – Я не сердился на нее, но был ужасно разочарован из-за того, что она мне не поверила. – Я не знаю, как это произошло и зачем, но это произошло, и я готов в том присягнуть!

Она улыбнулась и попыталась превратить все в шутку.

– Прими двойную таблетку аспирина и ложись в постель: утром тебе будет лучше.

– Сама ложись, – ответил я ей сердито, упрямо покрутив головой. – Я и так не смогу заснуть.

Терри подпрыгнула, подошла ко мне и обняла меня. Она поняла, что в любом случае, даже если не принимать во внимание произошедшее со мной событие и то, произошло ли оно со мной вообще, – в любом случае фильм произвел на меня глубокое впечатление.

– Не беспокойся. Если то, что произошло с тобой – реальность, ты очень скоро получишь тому подтверждение. Я иду спать.

Довольно долгое время я сидел в одиночестве, глядя на темный экран телевизора и размышляя о том, что произошло. По прошествии некоторого времени я решил взять ситуацию в свои руки. Моя предыдущая жизнь совершенно не подготовила меня к такого рода переживаниям. Я видел во всем случившемся только две возможности: либо я сошел с ума, либо получил откровение от Бога через Богоматерь.

Нарушило ли это мое психическое равновесие? Жизнь моя, как и всегда, была полна стрессов – но ведь я к этому вполне привык! Уже десять лет, как мы были владельцами и директорами нескольких газет и издательства. Из-за необходимости соблюдать сроки, из-за конкуренции, проблем с сотрудниками жизнь была полна крайнего напряжения. Кроме того, я никогда еще не чувствовал себя более здоровым, чем нынче.

Гораздо труднее мне было размышлять о другого рода возможности... Иисус Христос неожиданно сделался реальной действительностью – настоящим Иисусом из плоти и костей, живым – тогда, раньше... и теперь! А Его Мать, являющаяся молодым людям в Югославии... говорила со мною.

И когда все это вполне дошло до моего сознания, я упал на колени и начал молиться. Я еще никогда так не молился, еще никогда в жизни...

*Прошу вас, начните жить
в любви Божией... Я хочу препроводить вас всех
к всесовершенной святости...*

4.

Ты – Мой сын...

Я не знаю, сколько прошло времени, пока я, стоя на коленях, повторял: "Боже мой, Боже мой, почему именно я?"

У меня нет достаточной подготовки, я ничего не знаю ни об откровениях, ни о Католической Церкви. О Богородице я знаю только то, что Ей выпал жребий стать Матерью Иисуса Христа. Почему же Она избрала именно меня для распространения призывов, принесенных Ею в деревушку под названием Меджуторье?

Я чувствовал, насколько недостоин того, чтобы дерзнуть участвовать в чем-либо настолько святом. Ощущение своей неполноценности происходило не из смирения: оно было следствием трезвого и болезненного признания собственной ответственности за все зло, совершенное в моей жизни. Чувство вины, возникшее во мне при разводе, вновь захлестнуло меня и жгло, как соль свежую рану.

Вопреки этим мрачным мыслям меня не покидало чувство любви Божией. Я ощущал, как "нечто" убеждает меня в том, что хотя я и не в состоянии с любовью воспринять себя в целостности, однако Бог полностью принимает меня именно таким, каков я есть.

Я вспомнил все то, чему учила меня религия и чему я сам учил других в воскресной школе. Иисус умер на кресте ради того, чтобы искупить преступления всех нас. Наш же долг – лишь в том, чтобы попросить прощения за все совершенное искренним и смиренным сердцем. Но одно дело слышать об этом или преподавать, а совсем другое – пережить истину на собственном опыте. Я почуствовал себя совсем как тот ребенок, которого строго наказали, но затем обняли и с любовью приласкали.

Долго, долго я стоял на коленях – просто стоял без слов молитвы и

размышлений, поскольку был слишком утомлен, чтобы что-либо делать. Потом поднялся, поставил кассету еще раз и рухнул на диван перед телевизором.

На этот раз меня захлестнул поток мыслей, обращенных напрямую к моему сердцу, минуя интеллект. Я не стал размышлять как и почему все это произошло именно со мной, знаю только, что так случилось – и этого мне достаточно.

Когда фильм дошел до места перед самым началом откровения, призыв, услышанный мною прежде, повторился. Я знал теперь, что моя обязанность – сделать нечто большее, чем только лишь писать о Меджугорье. И нечто большее, чем только лишь жить в соответствии с призывами любви и внутреннего примирения. С этого момента Меджугорье сделалось самой моей жизнью.

Я был измучен, но и слишком возбужден для того, чтобы легко заснуть. Поудобнее устроившись в кресле, я начал вспоминать все наиболее серьезные события моей жизни. Развод, безусловно, был самым трагическим переживанием. Как можно было допустить такую глупость: жениться так рано, а после позволить, чтобы семья, давшая миру четверых прекрасных детей, распалась? Это событие как заноза засела в моей памяти трагедией ненависти и отчуждения. Трудно поверить, что именно со мной случилось все это...

Средняя школа мне надоела, я отказался ходить на уроки после окончания десятого класса и поступил на службу в военно-морской флот. По окончании срока службы я поехал в Северную Каролину проводить сестру, которая незадолго перед этим вышла замуж. У меня не было намерения затягивать свой визит, поскольку мое следующее путешествие в Темп в Аризоне к моему приятелю-сослуживцу, по моим планам, должно было окончиться поступлением в Университет штата Аризона.

Однако же в Аризону я не попал. По дороге туда я встретил девушку, баптистку по вероисповеданию, и завязал с ней отношения. Это был первый в моей жизни серьезный контакт с девушкой, и я был убежден в том, что если я сейчас же не женюсь, то такого шанса у меня никогда уже не будет. Девушка эта была уроженкой маленького фабричного городка, робкая и набожная. В молитвенный дом она ходила достаточно регулярно. Я начал вместе с ней посещать молитвенные собрания у баптистов, хотя и был воспитан в лютеранской семье. Честно говоря, мне было совершенно безразлично, на чьих собраниях мне молиться, равно как и то, молиться ли и ходить ли на чьи-либо собрания вообще. Через год мы стали супругами. В один из воскресных дней, вскоре после нашего бракосочетания, я вдруг почувствовал острое желание

посвятить свою жизнь Богу. Я не отдавал себе отчета в том, почему именно хочу этого. Быть может, причиной всему были постоянные призывы к обращению и покаянию, составляющие солидную часть баптистских молений; а может быть, меня к этому побудила особенно удачная воскресная проповедь. Я знал, что обязан изменить свою жизнь. После этого мое отношение к молитвенным собраниям изменилось: я начал серьезно относиться к богослужениям, регулярно посещая их в каждое воскресенье и среду.

Кроме регулярного участия в жизни общины, в нашем браке трудно было отыскать что-то по-настоящему хорошее, поскольку между мной и моей женой было слишком много различий. Наши отношения уже с первых недель после свадьбы оказались охлажденными, и с каждым разом эта холодность возрастала. Мне не хотелось все же утратить даже той мизерной частички любви и ощущения уюта, которые пока еще сохранялись.

Несколько месяцев позднее, в очередной раз побывав в гостях у ее родителей, я обнаружил в домашнем почтовом ящике уведомление о том, что меня приняли в Университет штата Южная Каролина, куда я подал документы главным образом по совету одного из родственников моей жены, который изучал там фармакологию. Нужно сказать, что я подал документы, не имея никакой надежды на возможность поступления, а лишь для того, чтобы освободиться от навязчивости со стороны родни.

Теперь же, когда я сделался студентом, то ожидал начала учебного года с большим нетерпением. Меня всегда тянуло писать, и поэтому было принято решение обучаться на факультете журналистики. Первое время я был слишком возбужден, чтобы по-настоящему оценить, какие трудности ожидают меня в ближайшие четыре года. Когда же занятия уже начались, меня известили, что моя жена беременела. Таким образом я должен был начать работать на два фронта. Четыре года спустя, когда у нас было уже трое детей, я получил долгожданный диплом, но при этом моя семейная жизнь была в плачевном состоянии.

Первая моя журналистская работа была связана с региональным издательским концерном. Здесь я работал, по отпадью не в качестве журналиста. Меня усадили за стол в отделе специальных объявлений. Какое это было разочарование! Но за эту работу гораздо лучше платили, и я, имея троих детей и ожидая четверого, не имел другого выбора. Оказалось, тем не менее, что работа эта была дана мне от Бога: я очень легко входил в курс дела и вскоре получил должность руководителя отдела. И хотя с моим желанием писать пришлось пока попрощаться, но по крайней мере, ко мне пришел успех.

В 1971 году в моей жизни произошли огромные изменения. Концерн, в котором я работал, закупил три небольших региональных еженедельника в приморском курортном городе Миртль-Бич. Мне было поручено запустить на полные обороты самый крупный из них и привести этот еженедельник в такое состояние, чтобы можно было выпускать его ежедневно. В случае, если бы мне это удалось, я мог бы стать полноправным издателем этой газеты. Предложение было мною принято.

Моя жена не разделяла моего энтузиазма. До этого времени мы жили всего лишь немногим более часа езды от дома ее родителей, а потому сама мысль о переезде на двести пятьдесят километров в сторону от мамы с папой и потере возможности постоянно и близко контактировать с ними была для нее невыносима. Я решил так: буду жить в Миртль-Бич в течение всей недели, а два выходных дня буду проводить в кругу семьи. Отношения с женой ухудшались день ото дня. Вечером в каждый воскресный день я выезжал из дома, провожаемый плачем детей. Работать мне приходилось по 15-17 часов ежедневно. Поэтому я возвращался домой в пятницу полностью опустошенным. Уже все вокруг – конечно же, кроме меня – ясно видели, что наш брак скоро окончится разводом. Я не был счастливым мужем, но при этом никак не желал расставаться с женой, исходя из соображений о благе хотя бы наших детей. Вопреки этому все произошло иначе. А когда все окончательно рухнуло, я был настолько внутренне растерзан и настолько зол на людей, и прежде всего на верующих, что даже описать трудно. Как же мог Всевышний Бог допустить, чтобы вся эта грязь выпала именно на папу долло? Ведь я же старался быть добрым человеком и точно так же воспитывал своих детей. Вот и получил за это "паграду". Озлобившись, я перестал посещать молитвенные собрания; более того, дал обещание, что поги моей больше не будет ни в каком храме.

В это грозное время я познакомился с Терри Харрис. Несмотря на то, что она была младше меня, во многих отношениях ее жизненная позиция была более зрелой. Обычно в общении с людьми она была очень смелой, но в моем присутствии делалась свободнее, раскованнее и спокойнее. У нее был достаточно уравновешенный характер и достаточный запас здравого рассудка. С первых шагов нашего знакомства начало оправдывать себя правило о том, что противоположности всегда взаимно притягиваются. И при всем при том я до сих пор недоумеваю: что она могла во мне пайти?.. Быть может, мои проблемы?..

В то время роман с Терри был самым последним из всего, чего я тогда желал. Это не был период, удобный для возникновения каких-либо серьезных

отношений. Интуитивно я ощущал, что если мы будем вместе, то "хлопоты" будут неизбежными. Тем не менее мы начали встречаться, и оказалось, что предчувствия мои были вполне оправданы. Однако дружба с Терри на тот момент была единственной радостью в моей жизни. Моя личная жизнь настолько пошла вкривь и вкось, что я уже и газетой руководить не мог. Эта ситуация была уже известна в Колумбии. Генеральный директор приехал в Миртль-Бич для того, чтобы побеседовать со мной. Результат беседы: дирекция благодарит меня за десять лет хорошей работы, но бизнес есть бизнес, а газета перестала быть такой, какой она должна быть. Мне пообещали, что еще в течение трех месяцев я буду получать кредиты, но за это время я должен буду подыскать себе другое место работы.

Найти работу – это очень нелегкое дело для тридцатисемилетнего мужчины, к тому же сломенного разводом. Сперва я еще был настроен оптимистически, поскольку на моем счету в банке имелась достаточно крупная сумма. Вскоре, однако же, оказалось, что существует достаточно серьезная проблема: мне везде отвечали, что для человека, имеющего такое высокое положение и квалификацию, работы не найдется. Я отказался от высоких амбиций, но все было напрасно. Однажды утром, проходя по улице мимо человека, продающего газеты, я поймал его жалостливый взгляд и понял, что достиг дна: мое увольнение с поста главы издательства должно было остаться тайной, и тем не менее этот человек знал об этом. А если он об этом знал, то легко было догадаться, что и все остальные знали об этом точно так же. Вечером, после очередного дня безрезультатных поисков работы, я неподвижно сидел на стуле в номере гостиницы и наблюдал, как со всех сторон наползает на меня кромешный мрак. Это был один из самых ужасных дней в моей жизни.

Терри знала о том, что происходит. Она советовала мне воспользоваться услугами посреднического агентства, возила меня в соседние города на своем автомобиле, поскольку мой служебный автомобиль был для меня уже недоступен, а банк, который еще так недавно выдал мне в кредит огромную сумму для постройки дома в Миртль-Бич, теперь не решался без предоставления гарантий дать мне в долг восемьсот долларов на покупку старенького "Фольксвагена"...

30 июня 1974 года я в последний раз получил зарплату. Большая ее часть ушла на алименты. Всего лишь через неделю мне позволили из агентства. Представитель государственной телефонной информационной службы с центром в штате Теннесси хотел знать, интересует ли меня работа, связанная с продажей объявлений в телефонном каталоге "Желтые страницы". Я ответил утвердительно и повторил то же самое на предварительном собеседовании через несколько дней.

Меня информировали о том, что моя работа будет состоять в собирании заказов, и что я сам должен буду оплачивать дорожные расходы. Эти условия мною были приняты; я ответил, что могу быть сборщиком заказов. Всеми силами я старался скрыть, насколько мне при этом пришлось разнервничаться: ведь до сих пор я никогда ничего подобного не делал. Однако мне нужна была работа – какая угодно. В ответ мне пообещали, что окончательное известие по приему на работу мне пришлют в течение недели.

Я поблагодарил за уделенное мне время и подумал, что, скорее всего, никогда уже больше не увижу этого человека. Стучилось иначе. Он позволил мне в следующую субботу и предложил выйти на работу.

Теперь уже автомобиль был мне совершенно необходим. Терри согласилась стать моим гарантом. Мне это не понравилось, но другого выхода не было. Итак, после двухнедельных обучающих курсов я наконец-то начал работать. Прошло два дня. У меня не было ни одного заказа. Хуже того: один из клиентов решил не возобновлять контракт, а это означало, что я имею на своем счете минус тридцать пять долларов.

"Я не справлюсь с этим", – повторял я неустойно. Однако теперь я был уже не одинок: телефонный звонок к Терри – и мне сообщено, что по, ее мнению, нужно набраться терпения и выдержки, поскольку дело требует для реализации несколько большего времени. Терри была убеждена, что я занимаюсь самоедством и злосю на себя из-за того, что так легко опускаю руки. Действительно, уже на следующий день я вышел на работу и начал собирать заказы в ошеломляющем количестве. Похожая ситуация возобновилась и на следующий день. До пятницы я заработал на собирании заказов более пятисот долларов. На следующей неделе я заработал восемьсот долларов, а через полгода сделался одним из лучших агентов в фирме. С чувством несказанного удовольствия я сходил в банк, чтобы выплатить долг за автомобиль, а заодно попросить о новом кредите на покупку нового автомобиля. В известном смысле автомобиль стал для меня символом окончания наиболее отчаянного периода в моей жизни и знаком возвращения к нормальной жизни. Преисполненный заново отвоеванным у судьбы чувством собственного достоинства, я спросил Терри, согласится ли она выйти за меня замуж. Свадьба состоялась в мае 1976 года.

Несколько месяцев спустя, собирая заказы в Северной Каролине, я заметил на столике в ресторане небольшой еженедельник. Это была газета, состоявшая, в основном, из объявлений, между которыми теснились местные новости; газетка распространялась даром. Как только я вернулся в Миртль-Бич, сразу же сказал об этом Терри.

– Ты знаешь, я всегда хотел записаться журналисткой; а в этой газетке я мог бы иметь свою собственную колонку...

– Ты что, с ума сошел? – воскликнула она.

– Я смогу вести ее, – защищался я. – Сама видишь, заказы собирать у меня вполне получается и ...

– Теперь, когда твоя жизнь немного стабилизировалась и ты начал неплохо зарабатывать, тебя снова потянуло рисковать...

– Ну, я уже побывал один раз на самом дне, так что больше бояться уже нечего. Удача будет с нами! – Я был убежден, что, действуя вместе, мы добьемся успеха.

Но Терри продолжала оставаться настроенной скептически и боязливо. В конце концов я уговорил ее поехать со мной к хозяину еженедельника. Как только он услышал профессиональный разговор о величине колонок, верстке, условиях и сроках, то сразу же утратил свой скепсис и насмешливый тон. После некоторых стараний его удалось уговорить.

В феврале 1977 года я оставил работу агента по сбору заказов и начал подготовительную работу по изданию нового еженедельника "Приобретения в Хорри". Хорри – это район, в котором мы жили. После ряда проб и ошибок был выпущен в свет первый номер, и здесь меня ждала первая приятная неожиданность: моя колонка оказалась чем-то значительно большим, нежели развлечением на досуге для издателя. Во время этих первых недель именно моя колонка неоднократно спасала еженедельник.

Со временем люди начали ожидать появления очередного номера, останавливали меня на улице, чтобы сказать, что моя колонка сделалась их излюбленным чтением. Наши кланеты вскоре воочию убедились, что помещать объявления в нашей газете означает получить несомненную и скорую пользу. Да, все сложилось именно так, как я и надеялся: вместе с Терри мы составили изумительный дуэт. Под конец следующего года мы смогли окончательно выбраться из долгов.

В 1980 году произошло несколько серьезных событий, из которых важнейшим было рождение нашего сына. Мы дали ему имя Кеннеди. Наше дело успешно развивалось. Мы начали издавать еще одну газетку, затем третью и четвертую. В 1982 году, видя, как растут цены на печать, мы решили приобрести собственный печатный станок и печатать свою продукцию собственными силами. В связи с этим мы опять вынуждены были влезть в долги, но я был совершенно уверен, что мы выплатим их в самое ближайшее время. На тот момент общий тираж нашей печатной продукции составлял 55000

экземпляров, распространявшихся в радиусе ста километров от Миртль-Бич. В нашем предприятии участвовало уже тридцать пять рабочих. Однако все время нам недоставало наличных денег.

На стене моего кабинета теперь висело множество дипломов. Меня приняли в члены нескольких клубов и выбрали председателем регионального союза издателей реклам и объявлений. Вполне в соответствии с общепринятыми критериями, к сорока пяти годам я достиг стабильного успеха.

Жизнь радовала – и в гораздо большей степени, чем я надеялся и ожидал. В один из воскресных дней мы с Терри сидели в нашем саду, и она напомнила о том, что давно пора окрестить нашего двухлетнего сына. Ее предложение меня несколько удивило. Захваченный врасплох, я пропустил ее слова мимо ушей и ничего ей не ответил, надеясь, что и она обо всем этом вскоре забудет. Терри, однако же, настаивала на своем, и я решил поговорить с ней об этом серьезно.

"Я не собираюсь вновь присоединяться к какому-либо вероисповеданию только затем, чтобы окрестить Кешпеди. Я не верю в это и думаю, что такой поступок был бы чистой воды ханжеством. До смертного часа я по горло сыт всеми религиозными общинами и молитвенными домами!"

Жена отреагировала на мой эмоциональный взрыв очень спокойно и продолжала упрямо настаивать на своем: "Мы должны принадлежать к какому-нибудь вероисповеданию хотя бы ради блага нашего ребенка. Он же, когда вырастет и станет вполне сознательным, сам сделает свой выбор".

Она ответила мне со спокойной сдержанностью, а это всегда выбивало меня из равновесия.

В конце концов я вынужден был согласиться. "Согласен, согласен, – кричал я, сердито размахивая руками. – Будем ходить на все эти молитвы и собрания, но только до тех пор, пока не окрестят ребенка. После этого – все!"

В каких-нибудь полутора километрах от дома Терри отыскала лютеранскую кирху с прекрасно организованными группами для дошкольников. Решив, что для Кешпеди эта ситуация будет идеальной, она приняла решение, что мы будем ходить именно туда, хотя при этом она и понятия не имела о том, происходит ли она сама из лютеранской семьи или нет. Теперь нужно было организовать встречу с пастором.

В пятницу по окончании ужина кто-то позвонил в дверь. Это был пастор Вильям Вингард из лютеранской кирхи Св. Филиппа. С ним была и его жена. Они пришли к нам всего лишь на минутку, надеясь, что убедят нас посещать их кирху.

Я был взбешен. В нашей семье существовало нерушимое правило, гласящее, что, независимо от обстоятельств, в течение выходных дней мы не говорили о бизнесе и что оставляли свободным от всех дел вечер пятницы. Это было очень хорошее правило, и мне кажется, что часто именно благодаря ему нам удавалось не сойти с ума от перенапряжения. И теперь наш покой оказался нарушенным, да еще из-за религиозных проблем!

В этот вечер чета Вингардов разворошила осиное гнездо! По истечении неполных десяти минут разговора в дверях я дал им понять, что не намерен ходить в их кирху ни теперь, ни когда-либо в будущем. С моей точки зрения, их визит – это лишь, прощупывание, бессмысленно потерянное для нас время. Хотя нужно признаться, что вопреки всему мне очень понравился этот человек и его деликатная настойчивость. И вот... Моим собственным ушам не хотелось верить в то, что они слышат именно то, что говорит мой язык, а именно: что при всем том я, в общем-то согласен зайти в кирху три-четыре раза, если это так необходимо для того, чтобы окрестить моего сына. "И на том конец, – припечатал я. – Не думайте, что я когда-нибудь изменю свое мнение".

В довершение всего Терри начала упрямо добиваться, чтобы я перед богослужением пошел вместе с ней в воскресную школу для взрослых. В следующее воскресенье все опять повторилось. Почти никто не пытался заговорить со мной, а я, оглянувшись, подумал, что в мире молитвенных домов все осталось без изменений, и все так же сходятся ханжи и суеверные люди на свои собрания.

На третий раз я высказался во время дискуссии, возникшей в классе, а после окончания встречи несколько человек сообщили мне о том, что они любят читать мою колонку. Я подумал, что слишком уж поспешил со своим суровым приговором по отношению к ним. Потом две женщины из нашего класса спросили, не захочу ли я прочесть в классе несколько лекций. Разве достало бы у меня сил отказать? Мое "эго" – мое "Я" – не могло позволить мне отказаться от этого предложения. Через довольно короткое время я начал регулярно проводить занятия и сделался членом многих комитетов. Когда пастор Винград спросил меня, может ли он поместить мою фамилию на листке кандидатов в приходской совет, я согласился. И, к собственному изумлению, был туда избран.

Вполне спокойно, своеобразно и в подходящее время я признал, что возвращение к религиозной жизни было благом. Все это, в свою очередь, было следствием желания моей жены окрестить нашего ребенка.

В воскресенье (трудно поверить в то, что все это произошло всего лишь

несколько дней тому назад), преподавая в воскресной школе, я впервые услышал о Меджугорье... Когда наконец-то я лег спать и начал засыпать, в моем сердце все еще звучали слова: "Ты – Мой сын, и Я хочу, чтобы ты исполнил волю Моего Сына..."

*Пиши о Меджугорье. Если ты решишься на это,
обретешь свою жизненную миссию...*

5.

Пиши о Меджугорье...

Неожиданно я проснулся. Шея затекла и болела из-за неудобной позы, которую я принял, лежа на диване. Я глянул на часы и увидел, что приближается шестой час утра. Встряхнув головой, я пошел в спальню и начал готовиться к выходу на работу. Вскоре поднялась и Терри. Она металась туда-сюда, готовила кофе, будила детей. Я вошел в кухню, чтобы помочь ей.

– Терри, что мне с этим делать?

Терри поняла, что со вчерашнего вечера ничего не изменилось. Я все так же был свято убежден в том, что Пресвятая Дева Мария одарила меня особым призванием.

– Хорошо, – вздохнула она. – Езжай туда, напиши об этом и поставь точку на всей этой истории.

Когда я пришел на работу, то налил себе чашку кофе и предупредил Дениз, нашу секретаршу, что не буду отвечать на телефонные звонки. Я не желал, чтобы мне кто-либо мешал. Закрыл на ключ двери своего кабинета. Бегло просмотрел свои заметки, оставленные в блокноте при прочтении книги и при просмотре фильма, вложил чистый лист в машинку.

Прошло два часа, а я все так же сидел, уставившись в пустой лист бумаги. Но это, как всегда, отпущь не повергало меня в панику: у меня была целая куча времени, в случае необходимости – целых два дня. Проблема заключалась не в том, о чем писать, а как раз наоборот: слишком многое пужило было высказать. Я не знал, с чего следует начать. Уверен был лишь в одном: я не буду публиковать в печати информацию о том, что получил от Девы Марии специальное откровение. Статья должна быть скрупулезно объективной, иначе люди подумают, что я "вешаю им лапшу на уши". Я был убежден в том, что откровение было мной на самом деле получено, но мне не хотелось потерять

читательского мнения о себе, как о добропорядочном журналисте, что могло бы произойти в том случае, если я сообщил бы о своем мистическом опыте в печати.

Я в очередной раз просмотрел книжку отца Фариши. Нечего и думать о том, чтобы поместить всю информацию в одной колонке! Прошел еще час: я начал описывать панораму Меджугорья. Через некоторое время я просмотрел написанное, порвал листки, скомкал и выбросил в корзину. И это мне тоже не понравилось. Понемногу я начал впадать в панику. Такие кризисные ситуации, когда, приступив к писанию, ощущаешь, что голова совершенно пуста, со мной не раз случались – но не до такой же степени! Я сидел сиднем и не мог написать ни единой фразы. Время шло, и вдруг, совершенно неожиданно, я услышал в своем сердце подсказку: "Больше молись и больше читай".

Сердце екнуло у меня в груди. Но в этот раз шок был не таким сильным. Не без колебаний я вынужден был согласиться с фактом того, что все эти усилия, по сути дела, – направлены на исполнение предначинанной мне миссии: писать о событиях в Меджугорье. Если начать рассказывать обо всех этих событиях сразу, то написанное займет намного больше, чем одну колонку газетного текста. При этом я уже вполне осознавал, что, к сожалению, не успею написать первой колонки даже на будущую неделю. Выскочив из кабинета, я направился в отдел производства. Руководитель отдела выжидающе взглянул на меня.

– Послушай, Смитти, – сказал я, – на будущую неделю моей колонки не будет, так что можешь дать на освободившееся место любой другой материал.

Руководитель отдела попытался запротестовать, но я прервал его.

– Похоже на то, что в следующий выпуск я тоже ничего не напишу, – сказал я и вышел прочь прежде, чем он успел мне что-то ответить.

Зная, что на какой либо-другой теме я уже не смогу сосредоточиться, позвонил по телефону Мери Джеффрикет в надежде, что она знает, где можно раздобыть недостающую информацию. Она дала мне координаты человека по имени Джим Стоффель, проживающего в Северном Миртл-Бич. Этот парень вместе со своей женой собирался поехать в Меджугорье где-то около первого ноября.

– У Джима есть еще кое-какие книги о Меджугорье, и если у тебя есть желание, то я могу отдолжить тебе одну из них, – добавила Мери.

– Спасибо Мери, я был бы очень благодарен, – ответил я.

Я почувствовал себя несколько лучше. Потом со смущенным послушанием полученному откровению склонил голову и помолвился вслух: – Господи, я не

знаю, что со мной происходит, и не знаю, зачем все это, но я буду очень стараться...

Самочувствие мое было страпное, но хорошее. Я был пастроен решительно. Понадобится пару недель почитать книжки – ну что же, я буду их читать.

Вечером Мери подбросила очередную книжку, и я тотчас же взялся за чтение. Автором был о.Джозеф Пеллетьер, католический священник, который ранее уже написал несколько книг о явлениях Богоматери в Фатиме. Он с мельчайшими подробностями описывал все события в Меджугорье, глядя на них глазами человека, исследовавшего и другие явления Пресвятой Девы. Я с головой погрузился в текст и прочел книжку за два дня.

Теперь мною выделено одно единственное желание: как можно больше узнать о феномене откровений. В телефонной книге я попытался найти координаты книжного центра Католической Церкви, однако, к моему удивлению, оказалось, что в Южной Каролине такого нет и в помине. Ближайший такого рода книжный магазин паходился в Чарлотте, в Северной Каролине, на расстоянии 200 км от моего нынешнего дома. Но ведь я должен ехать на будущей неделе в Чарлотте по линии деловых контактов!..

В этом книжном магазине, принадлежавшем Католической Церкви, я отыскал историю всех явлений Девы Марии, начиная с семнадцатого века. К своей великой радости я обнаружил здесь и другие книги на тему Меджугорья, а среди них – и принадлежавшую перу отца Светозара Краплевича, хорватского католического священника, непосредственно участвовавшего в событиях в Меджугорье. Я начал читать историческое описание явлений Пресвятой Богородицы и потрясенно обнаружил, что они происходят уже в течение тысячи девятисот лет в таких уголочках земли, о которых я, может быть, и слышал, но на которые никогда не обращал особого внимания. В мексиканской Гвадалупе Божия Мать явилась в 1531 году пятнадцатилетней подпанке из племени ацтеков по имени Джун Диего. В 1858 году Она явилась в Лурде маленькой французенке Бернардетте. Позднее, уже в начале нашего столетия, Дева Мария вступила в общение с тремя детьми из деревушки Фатима в Португалии. Известны и многие другие явления Богоматери: в Клок в Ирландии, в Гарабальде в Испании...

Я отложил книгу в сторону и глубоко задумался. То, что произошло в Меджугорье, – это вовсе не новость и не сенсация. Однако же сразу бросилось в глаза одно отличие этого меджугорского явления: еще никогда и нигде до сих пор Дева Мария не являлась одновременно такому большому количеству видящих в течение такого долгого периода.

Книга отца Светозара Крайевича оказалась значительно лучше многих других книг о Меджугорье. И при этом она не была только очередным описанием подробностей, относящимся к первым дням откровений. Книга, скорее, открывала их глубину, превосходно описывала те переживания, которые пробуждаются у каждого, кто лично сопереживал с этим чудом. Стилль книги был простым и непосредственным. Одновременно автор заставлял читателя время от времени останавливаться, чтобы поразмышлять и понять до конца, что же все-таки происходит в далекой деревушке. На обложке была помещена очень краткая информация о францисканском перомонахе отце Светозаре, но, вопреки этой краткости, после прочтения книги я почувствовал, что этот человек мне знаком и близок, и, более того, очень любим мною. В конце концов я ощутил внутренний импульс, сигнализирувавший мне о том, что подготовительный период закончился и я вполне могу начинать писать о Меджугорье. Поиски мои заняли большую часть ноября, но я и не думал жалеть о затраченном мною времени. Относительно же журналистской работы решение мое было таково: принимая во внимание глубину исторических корней феноменального явления, необходимо будет распределить весь имеющийся у меня материал на четыре статьи, которые могли бы быть опубликованы в декабре. Мне все-таки хотелось связать эти события с Рождеством. Я прибежал к себе в рабочий кабинет, и вновь, как когда-то, поручил Дениз следить за тем, чтобы мне ни в коем случае не мешали. Вставил чистый лист в пишущую машинку и, остро чувствуя необходимость молитвы, прошептал: "Боже мой, благодарю Тебя за все. Прошу Тебя, помоги мне исполнить необходимое".

Когда я начал писать первую статью, мысли лились потоком, а пальцы сами собой порхали по клавиатуре пишущей машинки.

Чудо в Меджугорье (1)

Откровения

4 декабря 1985 года.

В ближайшие четыре недели я постараюсь как можно более точно рассказать о том, что произошло в маленьком селении в горах центральной части Герцеговины. Эти события носят необычайный характер, а потому я отдаю себе отчет в том, что многие отнесутся к ним в достаточной мере скептически. Вполне понятно (и каждый должен это принять во внимание), что если бы я предполагал ложность всего, происходящего там, то не стал бы

писать об этом, тем более сознавая, что факт принадлежности жителей описываемого района к Католической Церкви, по всей вероятности будет способствовать еще большему отстранению со стороны читателей, принадлежащих к другим вероисповеданиям. Уже в самом начале я хотел бы заявить, что ни в коем случае не собираюсь обращать кого-либо в лоно католицизма, поскольку и сам не являюсь католиком. В мои цели не входит также задача заставить кого-то поверить в Бога. Такие вопросы каждый должен решать наедине с самим собой, опираясь на получаемую информацию и в соответствии с внутренней потребностью собственной души. Думаю, однако же, что в период Рождественских праздников было бы очень вовремя предложить для размышления некоторые мысли и факты.

...Прошло уже четыре с половиной года, как Меджугорье – деревушка, затерянная в горах центральной части Герцеговины – сделалась знаменитой и начала притягивать к себе внимание людей всего мира из-за сообщений о почти что ежедневных явлениях Матери Иисуса шестерым подросткам. В настоящее время, когда я пишу эти слова, явления происходят с неизменным постоянством ежедневно. Вопреки усилиям местных властей подвергнуть осмеянию происходящее, затруднить доступ в эти места, здесь все же успели побывать миллионы людей, и поток их не прекращается – неустанно прибывают все новые и новые тысячи пилигримов, желающих собственными глазами увидеть, что же здесь на самом деле происходит.

По словам детей, называемых ясновидцами или визионерами, послания Пресвятой Девы просты и непосредственны. Она является визионерам, чтобы через них сообщить миру о безусловной необходимости обратиться к Божий путь, примириться с Богом и со всеми людьми.

Каждому ясновидящему передано десять сообщений, "тайн", касающихся того, что должно случиться в ближайшем будущем. Эти пророчества должны оказаться зримым знаком того, что откровения из Меджугорья истинны, а потому необходимо обратиться к Богу. Когда Дева Мария перестанет являться людям – об этих сроках известно только ясновидцам – в Меджугорье Ею будет павечно установлен знак. Все это приведет ко множеству исцелений и обращений во время короткого периода, предшествующего исполнению пророчеств.

К обращению приходят через молитву и пост – так говорят об этом видящие. Начиная с 24 июня 1981 года, когда начались явления, визионеры проводят ежедневно в молитве в общей сложности шесть часов. Трижды в течение недели постятся на хлебе и воде.

Принимая во внимание тот скептицизм, с которым некоторые подходят к этим событиям, стоит подчеркнуть различия в возрасте детей. Когда начались явления, самому младшему из детей было десять лет, другому – пятнадцать, еще одному было шестнадцать лет, а самый старший возраст – семнадцать. Четверо подростков – девушки, а двое из них – юноши.

Кто же такие те, кому является Матерь Божия? Это совершенно нормальные, обычные юноши и девушки. Все они обладают своим собственным характером, личными особенностями, типичными для их возраста. Все они обладают способностями и каким-нибудь особым интеллектом, за исключением разве что Мирианы Драгичевич. Ей шестнадцать лет, и она – студентка университета в Сараево, где в настоящее время проживает ее семья.

Мария Павлович – самая старшая из всей группы. Она среднего роста, худенькая и наиболее ласковая и одухотворенная из всех. Хочет стать монахиней.

Викка Иванкович: ей шестнадцать лет и она тоже хочет стать монахиней. У нее резкие черты лица, очень выразительные и отражающие все ее впечатления глаза. Пожалуй, что из всей группы она наиболее симпатична, и при этом удивительно естественна.

Иванка Иванкович, самая младшая из четырех девушек, единственная, которая планирует для себя замужество. Она к тому же самая красивая из всех, но при этом – типичный подросток, хотя и чрезвычайно верующая.

Иван Драгичевич, старший из юношей, хочет стать священником. Несколько робкий, всегда серьезный, задумчивый.

Самый младший и самый подвижный – это тринадцатилетний мальчик по имени Яков Цоле. Когда начались откровения, ему едва лишь исполнилось десять лет. Совершенно нормальный ребенок, такой же, как все мальчики в тринадцать лет.

Если начать задумываться над истинностью явлений, то присутствие этого юного мальчика становится особенно важным. Если мы сравним его со всеми другими детьми, его сверстниками, – нашими собственными или теми, что бегают по улице, – совершенно невероятным окажется, чтобы кто-нибудь из них захотел бы проводить два с половиной часа на молитве в костеле, зимой и летом, при плохой и при хорошей погоде, четыре года подряд, и все только ради того, чтобы сделать вид, что он видит святые Божьи знаки. А потому, если сопоставить между собой возраст, особенности характеров визионеров и постоянную регулярность явлений, в результате получаем веский довод в пользу того, что происходит там нечто из ряда вон выходящее.

Так много можно было бы говорить о Меджугорье! Я думаю, что сегодняш- ний фрагмент лучше всего сможет подытожить отрывок, помещенный ниже. Это – часть сообщения, посланного Папе Римскому по просьбе Богородицы, – именно так утверждали дети-ясповидащие. Мириана попросила записать это сообщение отца Томислава Власича, который фактически изначально связал с происходящими явлениями. Вот отрывок из этого сообщения:

Как утверждает Мириана, во время явления, состоявшегося 25 декабря 1982 года, Пресвятая Владычица доверила ей десятую, последнюю тайну, открывая при этом даты, когда каждая из тайн должна исполниться. Богоматерь открыла Мириане множество фактов, касающихся будущего, – намного больше, чем всем другим ясповидающим. Из этого мы приводим то, что Мириана сообщила во время разговора, состоявшегося 5 ноября 1983 года. Пересказываю все своими словами, не приводя точных цитат.

Мириана сказала, что прежде, чем человечество получит зримый знак, оно получит три предостережения. Мириана будет свидетелем этого. За три дня перед каждым из предостережений она должна будет сообщить об этом священнику, которого сама изберет для себя в качестве доверенного лица. Свидетельство Мирианы явится подтверждением откровений и побудит мир к обращению и к покаянию. После этих предостережений человечество получит видимый знак, который будет явлен в Меджугорье, в месте откровений. Этот знак будет подтверждением истинности происходящего и призывом к покаянию.

Девятая и десятая тайны очень важны. Они касаются покаяния за грехи мира. Избежать кары невозможно, поскольку вряд ли произойдет обращение абсолютно всего мира. Однако наказание может быть облегчено: произойти же это смягчение может только благодаря усильной молитве и покаянию.

Мириана сказала, что зло, которое угрожало всему миру в содержании седьмой тайны, оказалось отмененным именно благодаря молитвам и постам: "Вы позабыли, что с помощью молитвы и поста имеете возможность прекращать войны и даже приостанавливать действия законов природы".

После первого предостережения в скором времени наступит очередное. Следовательно, людям будет дано время, чтобы покаяться.

Весь этот период – это время благодати и обращения. После явления зримого знака те, кто еще останется в живых, будут иметь немного времени для обращения. И потому Благословенная Дева призывает к как можно более быстрому обращению и покаянию. Призыв к молитве и покаянию должен служить средством, отодвигающим угрозу войны и – самое главное – спасающим людские души.

По свидетельству Мирианы, мы вплотную приближаемся к событиям, предреченным Богородицей. А потому Дева Мария, обращаясь ко всему человечеству, усиленно призывает: "Обращайтесь к Богу как можно скорее. Откройте Богу свои сердца".

Отец Власич во время интервью, взятого в августе 1983 года, дал несколько дополнительных сведений, касающихся тайн: – Сообщают (визионеры), что когда исполнятся тайны, доверенные им Владычицей нашей Богородицей, жизнь на земле преобразится; после окончания всех событий люди будут верить так же, как было изначально. При этом неизвестно, что будет преображено, как это произойдет, и не будет известно, пока все тайны не откроются.

Эти несколько слов достаточно много говорят о Меджугорье. Если же говорить об их подлинности, каждый из нас должен сам вынести об этом свое решение, размышляя об услышанном в сердце своем...

Я расправил плечи и потянулся. Прошло два часа – точно столько же, сколько ушло на бесплодные мучения две недели тому назад. Но тогда, уставившись на чистый лист бумаги, я сидел в состоянии абсолютного творческого бессилия. Мне казалось, что прошедшие два часа были намного короче, так быстро они промелькнули; никогда еще до сих пор не приходилось мне писать так легко и свободно.

Передавая статью в отдел производства, я предостерег Смитти, что как эта колонка, так и последующие будут намного длиннее всех тех, что были написаны много раньше. Сказал, закрыл за собой дверь кабинета и поехал домой.

*Всегда молился, и тогда Я дам тебе радость такую же,
как та, которой одаряет Меня Господь.*

6.

События развиваются стремительно...

Я ехал домой, и по дороге мне в голову приходили различные мысли о возможных отрицательных последствиях писательства о подобного рода необычайных событиях религиозного характера. Как это повлияет на общественное мнение обо мне как о журналисте-профессионале? Захочет ли хотя бы кто-то поверить мне? Поразительно, как быстро я перешел от состояния эйфории, вызванной творческим полетом при создании первой колонки газетного текста, к состоянию всеохватывающего сомнения. Были ли у меня вообще какие-либо основания, – спрашивал я сам себя – прикасаться к такой теме? К тому времени, когда я добрался до дома, в душе уже царил полная и унылая уверенность в том, что совершена ошибка. Серая действительность будущей погасила высокое духовное напряжение, которое я переживал со времени получения откровения. Я сел на диван рядом с Терри и высказал ей, как сильно опасаясь публиковать все то, над чем с такой самоотдачей работал в течение всего прошлого месяца.

Терри, как и всегда, мгновенно отыскала нужный ответ:

– Послушай, ведь ты же писал вполне объективно и с полной убежденностью в том, что ты призван писать об этом. Так будь же до конца послушен своему призванию. Поверь, никто над этим смеяться не будет. Это очень интересная история, а мне к тому же очень нравится то, как ты все описал, – говоря это, она легонько ударила рукой листы с текстом, привезенные ей мною для проверки.

Таким образом, я все-таки решился опубликовать свою статью. В течение трех дней, пока газета была в печати, я неоднократно менял свое мнение. Но когда все экземпляры уже были отпечатаны, я вынужден был смириться со свершившимся фактом.

В этот период в воскресной школе я строго придерживался традиционных лютеранских тем. О Меджугорье не было упомянуто ни разу. Лишь в тот самый день, когда мною было получено откровение, я сказал Бекки Гивлей, что события эти взволновали меня до глубины души. И ни слова больше, никаких подробностей.

С некоторого времени я подружился с пастором Вингардом и с еще одним пастором, Диком Альбертом, так что у меня была возможность поговорить об этом деле еще и с ними. Однако даже им я не говорил об откровении, которое было получено мной от Пресвятой Девы Марии. Билли Вингард отверг "явление" сразу же, вследствие явного "католицизма", приводя в качестве довода положения лютеранского богословия. Он обрушил на мою голову информацию обо всех проблемах Католической Церкви, которые в свое время привели к возникновению реформатского движения и вызвали к жизни протестантизм; припомнил по дороге и "поклонение Марии"... Со своей стороны, пастор Альберт, хотя и с неслыханной осторожностью, заинтересовался этим феноменом. Он согласился прийти в католический костел в Северном Миртл-Бич на лекцию Джима и Розы Стоффель, которые только только что возвратились из Меджугорья. Перед самым началом лекции Терри и я встретились с пастором Альбертом, Бекки Гивлей и Мери Джеффкоэт. Я был радостно возбужден и очень доволен тем, что пастор все-таки пришел, и на радостях высказал ему, насколько сам я сильно верю в явление Девы Марии.

— Мне бы тоже хотелось в это верить, — ответил он, взвешивая каждое слово, — однако, честно говоря, я был бы в большей степени убежден, если бы существовали какие-нибудь конкретные доводы, например, фотографии.

Представьте себе степень моего удивления, когда во время лекции Джим пустил по залу фотографию гигантского бетонного креста, установленного на вершине горы, издымающейся за костелом Меджугорья. Сбоку от креста можно было увидеть туманный силуэт, явно похожий на облик женщины, с лицом, как бы спрятанным под покровом, и руками, сложенными для молитвы! Мне говорили, что эти фотографии сделал некий человек, посетивший Меджугорье. Лишь после проявления пленки он обратил внимание на этот удивительный образочек.

Украдкой я поглядывал за реакцией пастора Альберта, когда фотография оказалась у него в руках. "Совсем нет четкости. Резкость не та", — сказал он. Глядя на реакцию пастора, я понял, что нелегко ему будет склонять людей поверить в нечто более невероятное, чем этот снимок. А кто поверит мне, когда я скажу, что Мария обращалась ко мне и поручила благовествование призывов из Меджугорья как мою жизненную миссию?

Весь следующий день во время работы я был обеспокоен этой проблемой. Во вторник было еще хуже. Утром, напрямик проследовав в свой кабинет, я взял в руки свежий экземпляр только что изданной газеты. Развернув газету на странице, где была помещена моя статья, я пробежал по ней глазами. Текст показался мне ужасающе перенасыщенным религиозностью, но времени сделать какие-либо изменения уже не было вовсе. Ничего не поделаешь: все, что должно было свершиться, оказалось неизбежным. В три часа пополудни газета будет отнесена на почту, а на следующий день с утра будет развезена по подписчикам.

Утро 4 декабря 1985 года выдался погожим, хотя мне это показалось издательством, если принять во внимание состояние моих чувств.

– Дениз, – походя бросил я секретарше, поворачивая ключ в дверном замке своего кабинета, – сейчас пачнут звонить телефоны.

Действительно, несколькими минутами позже Дениз связалась с моим кабинетом и сказала: "К вам первый звонок. Кто-то из Лейк-Сити. Этот парень говорит так невнятно: то ли смеется, то ли плачет... Что ему нужно, я понять не могу! Он непременно хочет говорить лично с вами".

– Потрясающе! – буркнул я.

– Держитесь, шеф, – ответила она со смехом. – Мне кажется, что это далеко не последний телефонный звонок такого рода!

Дениз отключилась, а я, глубоко вздохнув, поднял телефонную трубку.

– Алло!

– Я говорю с Уэйпом Уэйблом? С тем, который написал статью о Меджугорье?

– Да!

– Слава Богу! Благодарю за вас Бога! И пусть Господь вас благословляет!

В полном изумлении я слушал еще некоторое время, как он говорит благодарственные слова такого же рода. Под конец он прервался, чтобы перевести дыхание, а после начал говорить уже спокойнее:

– Меня зовут Скоцци. Отец Сильвестр Скоцци. Я – один из ста американских священников, побывавших в Меджугорье в октябре прошлого года. Все, что там происходит, произвело на меня такое сильное впечатление, что после возвращения я ринулся посещать самые крупные газеты, телецентры и радиостанции в нашей части Южной Каролины, пытаясь убедить их дать людям хоть какую-то информацию, однако никто не желал браться за эту тему. Совершенно никто! А сегодня утром я вынимаю корреспонденцию из почто-

вого ящика и обнаруживаю вашу газету со статьей о Меджугорье – Было слышно, как он судорожно перевел дыхание. – Прошу прощения, по вы даже представить себе не можете, что все это для меня значит!

Я растерялся, не зная, что ему ответить. Переживания, подобные его состоянию, начали захлестывать мою душу...

– Простите меня, – вновь послышался голос па противоположном конце телефонного провода, где мой собеседник, похоже, вновь обрел контроль над собою. – Вы, наверное, думаете, что я сумасшедший, но это совсем не так. Я – не сумасшедший, я – итальянец!

Мы оба дружно расхохотались.

– Нет, Нет! – удалось мне сказать сквозь смех. – Я не думаю, чтобы вы были сумасшедшим. Я, попросту говоря, застигнут врасплох всем тем, что вы мне сказали. Я совершенно не ожидал подобного рода реакции...

Мы разговаривали еще долго. Главным образом говорил он. Так мне стало известно, что мой собеседник вместе с другими священниками присутствовал в подземной крипте костела именно тогда, когда Божья Мать явилась визионерам и передала им специальное послание, предназначенное именно священникам. Отец Скоцци, несомненно, был "марийным" священником, т.е. без остатка посвятившим себя Богородице. Он посетил, пожалуй, все святилища, в которых за последние пятьсот лет происходили Ее явления. Мы договорились о том, что встретимся и проведем более продолжительную беседу.

Я положил телефонную трубку, запер на ключ дверь моего кабинета и долго еще сидел за письменным столом, чувствуя, как градом катятся слезы по моим щекам. Теперь я вполне уже понимал, что все тексты должны быть мною опубликованы. У меня возникло впечатление, что тот же самый тихий голос, который я уже однажды слышал, вновь обратился ко мне с коротким и ласковым вопросом: "Убедился?"

Когда я вошел в кабинет Терри, чтобы рассказать ей об этом телефонном звонке, горло мое все еще было перехвачено сдавленным плачем.

– Что произошло? – вскрикнула она при виде меня.

– Это из-за моей колонки. Был телефонный звонок... – мой голос сорвался. Однако я все же смог взять верх над эмоциями. Рассказал ей об отце Скоцци. – И теперь уже мне не важно, что будет потом, – завершил я. – Стоило это сделать.

Лицо Терри расплылось в улыбке:

– Прекрасно!

– Поступило еще три звонка, – сообщила мне Дениз, когда я возвратился к себе в кабинет. – Люди просят доставить им дополнительные экземпляры. Я не знаю, что им отвечать.

– Силы небесные! Так вышлите им побольше экземпляров! – улыбаясь ответил я. – Что это нам будет стоить? Лишь конверт и марка!

Было множество телефонных звонков: с поздравлениями, вопросами и просьбами о продолжении. Когда пополудни я пошел в банк, все служащие разом начали говорить со мной о том, как поправилось им все, происходящее в маленькой деревушке.

– Вы знаете, у нас нет никаких сомнений в том, что все это – от Бога, – сказал мне один из них.

– Вы католик? – спросил я у него.

– Какое там! Мы все здесь баптисты, – замахал он руками. Я рассмеялся. Никогда не мог ожидать ничего подобного. До конца дня я принял еще целую серию телефонных звонков. А потом пошел письма...

Обычно я откладывал написание статьи на последнюю минуту, то есть на четверг, но на этот раз меня прижали со всех сторон, и я решился дать текст своей колонки на один день раньше. На этот раз я написал сперва план, в котором пункт за пунктом зафиксировал все, что хотел написать. Однако, когда я окончил создание своегоopusа и перечитал его, то, безжалостно разорвав, скомкал и кинул в корзину. После этого я кратко помолвился, прося повести мою мысль нужным путем... Некоторое время я замечал отсутствие внутреннего "контакта". Затем взял в руки книгу отца Светозара. Люди спрашивали о том, что же все-таки было сообщено визионерам. Почему бы мне не написать именно об этом?.. Мои пальцы вновь забегали по клавишам пишущей машинки в совершенно безумном темпе...

Чудо в Меджугорье (2)

Разговор с Марией, Матерью Иисуса...

11 декабря 1985 года.

Это уже вторая статья из задуманной мною серии, состоящей из четырех частей. Серия подготовлена мною к Рождеству. Заинтересованность, вызванная первой статьей, была попросту гигантской, а реакция читателей – вполне положительной. Принимая во внимание сверхъестественный характер описываемых религиозных событий, позволю себе повторить некоторые темы, затронутые мною в предыдущей статье.

Прежде всего нужно сказать, что сам я чувствую: в Меджугорье происходит нечто чрезвычайное, имеющее значение для жизни каждого человека независимо от его религиозной принадлежности. Именно поэтому я хочу привести здесь несколько фрагментов из бесед Пресвятой Девы Марии, приводимых исповидающимися подростками из Югославии.

На четвертый день от начала явления, т.е. от 24 июня 1981 года, Иванка спросила Владычицу о Ее имени. В ответ услышала слова: "Я – Благословенная Дева Мария". После этого Вицка сказала: "Если Ты на самом деле Владычица наша Богородица, то останься с нами; если нет – покинь нас!" Владычица улыбнулась на это – и осталась.

Вицка спросила: "Зачем Ты пришла?" – "Я пришла, – ответила ей Госпа, – поскольку здесь много самоотверженных верующих. Хочу быть вместе с вами, помочь вам обратиться и примирить каждого с Богом.

Через некоторое время, спускаясь с горы, на которой произошло первое явление, Мария увидела Владычицу. Оторвавшись от спутников, девушка подбежала к ней и преклонила колени. Сама она так вспоминает об этом: "Наша Владычица стояла перед крестом со слезами на глазах. Несколько раз Она повторяла: "Мир, мир, мир, помиритесь между собою".

29 июня попросили об исцелении мальчика неполных трех лет, который был немым и не мог ходить. Видящие попросили Деву Марию, чтобы Она его исцелила. Яков повторил Ее ответ: "Пусть его родители уверуют в то, что он будет исцелен". Вечером по дороге домой семья мальчика задержалась на несколько минут в придорожной таверне. В какой-то момент ребенок хлопнул ладонью о стол и четко сказал: "Хочу пить". С этого времени он начал нормально говорить и ходить. Дева Мария многим другим людям дала совет, чтобы, припослав просьбы об исцелениях, они усиленно практиковали молитву и пост. Согласно множеству свидетельств, таким образом было совершенно немало исцелений. Госпа – так на местном наречии звучат слова "Владычица наша" – однажды сказала видящим: "Я не могу исцелять, это может сделать лишь Сам Бог. Я же пужаюсь в вашей помощи, в ваших молитвах и вашей самоотдаче".

Продолжая говорить об обращении, Богоматерь признала: "Единственное слово, которое я хочу вам оставить, звучит так: ОБРАЩЕНИЕ. Обращение всего мира. Будьте готовы ко всему и обращайтесь. Отбросьте все, что мешает в обращении".

О молитве и вере Она сказала так: "Пусть все (люди, живущие в Меджугорье, и приезжие – все, кто услышит о Меджугорье) верят так, как если

бы видели воочию. Верьте непоколебимо. Многие верующие не молятся, без молитвы нет живой веры".

Когда по просьбе священника дети спросили: к кому люди должны молиться – Иисусу или Ей, – Госпа ответила: "Молитесь Иисусу. Я – Его Мать и представляющую о вас. Все молитвы направляются к Иисусу. Я вам только лишь помощница. И Я буду о вас молиться, но при этом не все зависит от одной лишь Меня. Многое зависит от ваших усилий и от усилий всех молящихся".

Когда Она была спрошена о том, почему Она является в Меджугорье, Дева Мария объяснила: "Я по-особенному избрала этот приход. Хочу вас защитить и паучить любви. Хочу, чтобы вы всецело обратились, чтобы пилигримы обретали здесь истинный источник для внутренней перемены". Во время этого разговора Дева Мария просила, чтобы как можно чаще читался отрывок из Евангелия от Матфея, глава 6, стихи 24-34.

Во время специальной святой недели 1984 года Пресвятая Дева обратилась с просьбой ко всему приходу через ясновидящую Елену: "Вознесите руки ваши и откройте сердца ваши. Ныне, в момент воскресения, Иисус желает одарить вас по-особенному. Этот дар таков: с великой легкостью вы пройдете через годичу испытаний. Мы будем с вами и, если вы примете нас, мы укажем вам путь исхода. Не думайте: Святой Год уже окончился, печего молиться дальше. Совершенно наоборот, усилие вашу молитву, поскольку Святой Год только лишь наступает". Елена утверждает, что после этих слов ей был явлен Воскресший Иисус. Из Его раи па людей струились потоки яркого света. Иисус сказа: "Примите Мою благодать и скажите всему миру, что только через Меня они достигнут счастья".

И вот уже мои последние замечания, относящиеся ко второй части задуманной мною серии статей: нынче весь меджугорийский приход – конечно же, не без многочисленных исключений – ежедневно участвует в Святой Мессе. Евхаристическая Литургия обычно длится более трех часов. Таким образом наибольшим и вполне доказанным чудом Меджугорья является чудо обращения целого селения, которое, по современным меркам, и без того было верующим.

На этот раз я уже был подготовлен к живой реакции читателей. Везде, куда бы я ни пошел, люди говорили о моих статьях. Многие не прочли первой статьи, выпрашивали экземпляр газеты с этим текстом. Просили об очередных двух номерах газеты с обоими статьями, желая переслать их друзьям и знакомым.

Все последующие две недели я буквально парил над землей от радости.

*Поститесь: этим вы принесете Мне радость
и достигните исполнения всех намерений Божиих...*

7.

Все быстрее...

На этот раз я даже не подумал о том, чтобы подождать с написанием третьей статьи до пятницы. Мне было нелегко удерживать себя даже до четверга! Многие задавали мне различные вопросы, поэтому я решил дать возможность самим ясновидящим ответить на них. Пожалуй, наилучшими страницами в книге отца Светозара можно было бы назвать те, где приведено интервью, взятое у детей им самим вместе с другим священником, отцом Томиславом Власичем. В третьей статье мне хотелось поместить две беседы, которые ответили бы на многие вопросы, которые задавали мне в письмах.

Чудо в Меджугорье (3)

Беседа с ясновидящими

18 декабря 1985 года.

Трудно поверить, что прошло уже две недели с момента начальной публикации этого цикла, достаточно необычного по своему содержанию, касающегося сообщений об откровениях Благословенной Девы Марии, Матери Божией, являющейся группе молодых людей в Хорватии. Это была одна из наиболее трудных тем из всех, когда-либо поднятых мною, и, вместе с тем, именно она принесла мне наибольшее удовлетворение, поскольку у меня было убеждение, что я делаю нечто особенно ценное. Как журналист, я хотел, чтобы читатели нашли для себя в этих статьях максимум объективной информации; как частное лицо, хотел "заразить" каждого читателя вдохновением, побуждающим к обновлению и укреплению связи с Богом и со всеми людьми. Именно с этой целью я публикую эти статьи в преддверии Рождества Божиего.

На этой неделе я хочу предложить читателям отрывки из двух бесед с ясновидящими подростками.

Отец Власич: Мириана, мы с тобой не виделись некоторое время, а потому мне бы хотелось, чтобы ты рассказала мне об огкровешиях Богоматери. Меня особенно интересует все то, что связало лично с тобой.

Мириана: Вот уже восемнадцать месяцев, как я наблюдаю Пресвятую Деву, и думаю, что за это время я успела Ее неплохо узнать. Я ощущаю, что Она любит меня материнской любовью, а потому я могла бы спросить все, о чем угодно, если мне пужно было бы об этом знать. Я просила Ее о том, чтобы Она объяснила мне некоторые моменты, касающиеся Неба, чистилища и ада, поскольку они мне были не очень ясны. К примеру, я спросила, как же может быть Бог таким безжалостным, чтобы повергать людей в ад, где они будут люто страдать во веки вечные. Я думала так: если кто-нибудь совершит преступление, то попадает в тюрьму, однако через какое-то время выходит из нее и получает прощение. Но ведь в ад попадают навсегда? Владычица сказала мне, что души, которые низвергаются в ад, еще при жизни прекратили по-доброму мыслить о Боге и хулили Его с каждым разом все отчаяннее. А потому они уже при жизни сделались собственностью преисподней и не пожелали из ада освободиться.

После Она сказала мне, что и у чистилища есть как бы разные уровни: те, что наиболее близки аду, и те, что все ближе к Небу. Владычица сказала мне, что большинство людей думают, что в Помпальный День множество душ попадет из чистилища на Небо; однако наибольшее число душ совершает этот переход в день Божиего Рождества.

Отец Власич: Ты спрашивала, почему Бог допустил существование ада?

Мириана: Нет, но позднее я разговаривала со своей теткой, которая начала говорить со мной о бесконечном милосердии Божием. Я пообещала ей, что скажу Владычицу папу, как же Бог мог...

Отец Власич: Если следовать твоим словам, то все разъясняется очень просто: люди противостоят Богу при жизни на земле, а после смерти, продолжая свое существование, противостоят Богу в преисподней, не так ли?

Мириана: Я думаю, что если кто-то попадает в ад... Что, если бы они стали молиться о своем собственном спасении? Разве Бог мог бы быть настолько безжалостным, чтобы не услышать такие их молитвы? Пресвятая Дева объяснила мне это. Люди в аду не молятся, а только лишь непрерывно обвиняют во всем Бога. Они – составная часть ада и приучены к нему. Обливают Бога своей злобой и сами же от этого страдают, но не желают обратиться к Богу с молитвой любви.

Отец Власич: Обращаются ли они к Нему с просьбой о спасении?

Мириана: О пет в преисподней они зжигаются пенавистью еще больше...

Отец Власич: Если еще раз вернуться к проблемам, связанным с чистилищем, то у меня был бы вопрос: ты сказала, что души, которым молитва не была совершенно чужда, иной раз получают позволение на контакт с людьми на земле и что молитвы живых людей приносят им пользу?

Мириана: Да. Молитвы, совершаемые на земле с мыслью о душах усопших, которые в свое время недостаточно молились о собственном спасении, помогают, душам, которые, оказавшись в чистилище, вопиют о спасении.

Отец Власич: Открыла ли тебе Небесная Владычица, как много людей попадает пылче в ад?

Мириана: Недавно я спросила Ее об этом, и Она ответила мне, что на сегодняшний день большая часть людских душ попадает в чистилище, после - в ад, и только немногие входят напрямую в Небо.

Отец Власич: В Небеса попадают немногие?

Мириана: Да. Немногие, Более того, крайне малое число душ сразу же входит в Небеса.

Отец Власич: Ты спрашивала, что нужно для того, чтобы человеческая душа напрямую попала на Небо?

Мириана: Нет, по мне, кажется, все об этом знаем. Бог ищет не каких-нибудь сверх-верующих, но прежде всего тех, которые с почтением относятся к дарованной им вере и живут мирно, без злобы, бесчинств и лжи.

Отец Власич: Это твоя собственная интерпретация, твое собственное понимание существа дела?

Мириана: Да. После бесед с Владычицей нашей я пришла к следующему выводу: совершенно никто не обязан совершать чудеса или потрясать первых окружающих из ряда воп выходящими формами покаяния; вполне достаточно вести простую, но мирную и спокойную жизнь.

Отец Власич: Говорила ли тебе сама Богоматерь что-нибудь о Небе, аде и чистилище?

Мириана: Нет, Владычица Небесная больше говорила со мной о том, чтобы я передала людям некоторые Ее практические наставления в вере: многие из людей на сегодняшний день составляют для себя суждения о вере, наблюдая за жизнью священников. И если священник не свят, они приходят к выводу, что Бога нет. Богородица сказала мне: "В костел ходят прежде всего для того, чтобы молиться и услышать из уст священников Слово Божье." Необходимо объяснить все это людям, поскольку слишком многие отворачиваются от веры, соблазняясь стилем жизни священников.

Ныне, как и в давние времена, по словам Пресвятой Девы диавол ведет спор с Богом и обижает людей в том, что они верят в Бога только тогда, когда у них все хорошо складывается. А когда приходит лихая година, перестают верить. Тогда-то люди начинают обижать Бога во всем либо ведут себя так, как если бы Его не существовало. Бог позволил диаволу выбрать один век, в котором дано будет усилиться сатанинской власти над миром, и диавол выбрал двадцатый век. И вот ныне, можно заметить это повсюду, люди одержимы массовым беспокойством и неудовольствием. Никто не в состоянии терпимо относиться к другому человеку, все стали друг для друга невыносимы. Это состояние, как сказала мне Пресвятая Владычица, и есть состоянием осатонения.

Отец Власич: Подобное состояние происходит из того, что люди находятся под влиянием диавола. Однако же это не означает того, что диаволу определено пребывать в душах людских?

Мириана: Нет, нет! Диавол не вселился в них! Но они оказались под воздействием диавола. Хотя в некоторых диавол вселяется. Однако Дева Мария говорит, что возможно всему этому воспрепятствовать, хотя бы до некоторой степени, практикуя совместную молитву в группах и в семьях. Она подчеркивает что молитва в семье на сегодняшний день наиболее необходима. Каждая семья обязана иметь в доме хотя бы одну освященную вещь, связанную с Божьим культом, а кроме того следует приглашать священников для регулярного очищения и освящения дома. Кроме того, подчеркивается, что много вреда приносят различного рода отклонения среди религиозных людей, особенно в малых городках и селах, — например здесь в Меджугорье все еще существует рознь между сербами, т.е. сербскими православными, и мусульманами. Такое разделение не приносит добра, наоборот, оно является явным злом. Царица Небесная всегда подчеркивала, что существует единый Бог, а между людьми существуют противоестественные разделения. Не может быть подлинной веры и истинного христианства без глубокого уважения к религиозным убеждениям других людей. Тот, кто насмехается или глумится над иными религиями, не может верить в единого Бога.

Отец Власич: Что же получается? Если религия мусульман - хороша, то какова же роль Иисуса Христа?

Мириана: Об этом мы не говорили. Богородица единственно неприязненно высказалась о любого рода религиозных междуусобицах, особенно в малых местечках. Она сказала, что религия каждого человека должна быть восприимчива с уважением. Но и собственная, естественно, точно так же.

Отец Власич: Скажи мне, где же диавол особенно силен в наше время? Через кого или через что он больше всего себя являет?

Мириана: Более всего через людей со слабым характером, через тех, кто внутренне раздвоен. Такие люди существуют везде и диаволу легче всего вселиться именно в них. Он покушается также и на жизнь личностей, обладающих особенно сильной верой, к примеру, на монашествующих сестер. Он больше стараний прилагает для того, чтобы сбить с пути того, кто по-настоящему верит, чем того, кто не верит вообще. Как это объяснить? Я думаю, что вам, отче, лучше, чем кому-либо другому известны некоторые ситуации, приключившиеся со мной. Вот и получается, что сатана пробует притянуть к себе как можно большее число верующих.

Отец Власич: Можно ли ожидать того, что кто-нибудь из вас сообщит, как перед появлением великого знака будут явлены три тайны, а после оставшиеся тайны будут открываться поочередно? Есть ли в этом вообще какая-то доля правды?

Мириана: Не совсем все это так, но очень близко. Прежде всего будут открыты некоторые тайны, но только некоторые. С этого времени люди будут вполне убеждены в том, что здесь являлась именно Царица Небесная. После того знаки будут прочтаны и поняты. Когда Яков сказал о том, что первый из них будет наибольшим, он имел в виду то, что речь при этом идет о людях высших слоев общества. Именно они в первую очередь поймут, что этот знак относится к предоставленной свыше возможности раскаяться и обратиться. Они устремятся вверх, начнут молиться и получают прощение. Когда я спросила Владычицу папу о судьбе неверующих, Она ответила мне: " Нужно много молиться о них, но и они тоже должны начать молиться. " Когда не так давно я вновь спросила об этом же, Она ответила: " Пусть они обращаются, когда пробьет благоприятный для них час. " Не сказала при этом, должны ли мы о них молиться...

Отец Власич: Можешь ли сказать что-нибудь более конкретное раньше того времени, которое определено Царицей Небесной?

Мириана: Нет.

Отец Власич: Что еще говорила Владычица? Можем ли мы подготовиться к тому, что нас ожидает?

Мириана: Да, конечно можем! Пресвятая Дева сообщила, что люди должны духовно подготовить себя, быть внимательными и ни в коем случае не поддаваться панике. Прежде всего мир должен воцариться в душе. Точно так же все должны быть готовы принять пахнущую участь – смерть. Уже сегодня

следует начать просить Бога дать нам силу и не бояться. Да, принять Бога и все, что должно наступить. Смерть ни для кого не бывает легкой, однако если мы крепко держимся веры, то нас, по крайней мере, не покидают надежда и мир душевный. А если люди будут всецело отданы Богу, то и Он их примет.

Отец Власич: Означает ли это необходимость всецелой внутренней перемены - обращения и посвящения себя Богу?

Мириана: Да.

Отец Власич: После получения десяти тайн, после восемнадцати месяцев общения с Богоматерью что бы ты хотела сказать людям? Что им надлежит делать? Что ты можешь сказать священникам, Римскому Папе, епископам, не раскрывая при этом содержания тайн? Чего хочет от нас Царица Небесная?

Мириана: Прежде всего я хочу рассказать о том, что недавно было со мной, а потом...

Отец Власич: Хорошо.

Мириана: За два дня до наступления Рождества Пресвятая Дева сказала мне, что в Рождественский сочельник явится мне в последний раз. Я не могла в это поверить. На Рождество Она была со мной сорок пять минут, и все это время мы говорили о многих важных вещах. Мы как бы подытоживали все то, что уже было между нами сказано. От имени всех людей я спросила: что нам делать? И тогда я получила драгоценный дар: Она сказала мне, что до конца моей жизни будет являться мне в день моего рождения. Независимо от являемости знака – и от многого другого – пообещала, что будет являться мне всегда, когда случится что-либо особенно горькое. Не какие-то будничные хлопоты, но нечто на самом деле печальное. Тогда Она придет мне на помощь. Теперь же я должна буду жить без непосредственного переживания Ее физического присутствия, без Ее ежедневных посещений. И я говорю теперь, обращаясь ко всем людям: "Обратитесь!" – так, как Она мне это заповедала. Обратитесь, пока еще есть время! Не оставляйте Бога и веру! Откажитесь от всего, но только не от Бога!

Отец Власич: Что угрожает человечеству в наибольшей степени? Откуда происходит эта угроза?

Мириана: Из безбожия. На сегодняшний день верят лишь очень немногие. К примеру, Владычица наша сказала мне, что вера в Германии, Швейцарии и Австрии крайне ослабела. В этих странах люди стараются походить на своих священников, и, если священник не дает хорошего примера, люди отходят от веры, решая, что и Бога нет. Когда я была в Асконе, то слышала там о священнике, которому какой-то богач отписал весь свой капитал, чтобы на эти

деньги был построен комфортабельный дом для одиноких стариков; однако священник употребил эти деньги на постройку комфортабельного отеля. И это сделалось поводом к тому, что фактически все жители городка отреклись от веры, поскольку решили так: если возможным оказалось такое безобразие, когда священник строит доходный отель вопреки последней воле умершего человека, то нет смысла верить в Бога. Люди должны понять, что религиозные обязанности требуют от них не копания в подробностях личной жизни священников, но открытости к тому, что через этих священников сообщается людям о Боге, о Божием Слове.

Отец Влаcich: Ты хотела бы добавить еще что-нибудь к сказанному?

Мириана: Да. Кроме всего, Божия Мать сказала мне кое-что о мне самой. Дала мне несколько советов относительно различных дел. А потом сказала: Иди с миром!

Отец Влаcich: Говорила ли она с тобой об остальных видящих и о дальнейших откровениях?

Мириана: Сказала мне, что я отличаюсь от них большей...зрелостью, а потому я должна помогать им, проводить с ними больше времени, больше разговаривать с ними. Это должно в равной степени помочь как им, так и мне. Мы должны всегда находить общий язык между собой и держаться вместе - в единстве.

Отец Влаcich: Она не намекала на то, что могут быть еще какие-то откровения – индивидуальные либо групповые?

Мириана: Мне кажется, что когда кто-то из нас получит все десять тайн, то Дева Мария перестанет после этого являться этому человеку.

РАЗГОВОР ОТЦА СВЕТОЗАРА С ИВАНКОЙ ИВАНКОВИЧ.

Отец Светозар: Иванка, ты в тот день была на долгой прогулке вместе с Мирпаной. Как случилось, что вы оказались вместе?

Иванка: Мы давно завели обычай вместе ходить на прогулки. Мы были сперва у меня дома, а после решили прогуляться.

Отец Светозар: А кто еще, кроме Мирпаны, был тогда с тобою?

Иванка: Сперва были только я и Мирпана. А когда мы уже возвращались домой, то Милка, сестра Марии, попросила, чтобы мы помогли ей загнать во двор овец, вернувшихся с пастбища.

Отец Светозар: Вы вдвоем пошли помогать Милке с овцами?

Иванка: В самом начале я прогуливалась с одной лишь Мирпаной. Когда мы возвращались, я случайно глянула вверх и увидела слугу Девы Марии,

четкий и светлый. Я сказала Мириане: "Гляди, это Владычица наша!" Мириана па мои слова только рукой махнула, как будто я шутки шутила, и сказала: "Не думаю, чтобы Царица Небесная явилась именно нам!" Мы двинулись дальше в сторону села. Мириана даже мельком не глянула в ту сторону, куда я указывала. Когда мы проходили мимо дома, где живет Милка, то встретили ее, и она нам сказала: "Помогите мне загнать овец". А потом, уже втроем, мы вернулись назад. И втроем увидели Пресвятую Деву. Мы упали на колени и начали молиться. А потом мы пошли загонять овец. А потом еще были с нами Випка, Иван и другие.

Отец Светозар: В тот первый день ты видела Деву Марию дважды?

Иванка: Да. Первый раз, когда мы возвращались в село вместе с Мирианой, а второй раз, когда мы с Милкой пошли за овцами.

Отец Светозар: И кто же первый увидел Богоматерь?

Иванка: Я.

Отец Светозар: И что ты сказала, когда увидела Ее?

Иванка: Я сказала: "Мириана, смотри, это Владычица наша!"

Отец Светозар: И что же ты сделала потом? Куда вы пошли?

Иванка: Мы пошли к Милке. Мы остановились перед ее домом, а она попросила, чтобы мы помогли ей загнать овец. А потом мы все втроем пошли за овцами. Когда мы обходили гору, я снова увидела Пресвятую Деву, на этот раз с младенцем Иисусом на руках. Мириана и Милка глянули и тоже увидели Царницу Небесную.

Отец Светозар: А какое значение имел для тебя тот факт, что ты видишь Деву Марию?

Иванка: Огромное!

Отец Светозар: Когда вы говорите с Богоматерью во время явления, никто не слышит голосов. Почему так?

Иванка: Но мы говорим вслух, точно так же, как и сейчас!

Отец Светозар: Скажем так: вы разговариваете с Царицей Небесной больше мысленно, то есть понимает ли Она то, что ты обращаешься к Ней в мысленной речи, или же ты говоришь с Ней тихошепочко, шепотом? Или же ваш разговор обладает чудесными свойствами, превосходящими наши возможности слышать и воспринимать?

Иванка: Я еще раз повторяю, мы разговариваем с Ней нормальными голосами, так же, как и сейчас. Я слышу Ее голос и слова вполне обычно.

Отец Светозар: Во время своих видений обращалась ли ты к Ней с просьбами за других?

Иванка: Да, так было вначале. Я просила за мальчика Дашу.

Отец Светозар: И что же ответила Пресвятая Дева?

Иванка: То же самое, что и всегда: "Вам помогут лишь крепкая вера и молитва".

Отец Светозар: Что это значит: сильная вера и молитва? Молитва о чем?

Иванка: Молитва об исцелении.

Отец Светозар: Ты просила о ком-нибудь из своей семьи, из числа тех, кто уже умер?

Иванка: Да. Недавно я просила о своей маме.

Отец Светозар: И что же ответила Владычица паша?

Иванка: Она сказала, что мама с Нею, и что я должна хорошо себя вести и не беспокоиться.

Отец Светозар: Ты сильно переживала смерть мамы, и похоже на то, что Дева Мария пришла тебя утешить.

Иванка: Не знаю, но я не думаю, чтобы это было именно так. Мы ведь спрашивали Ее, почему Она является именно нам. На это Она нам ответила, что не всегда отыскивает лучших людей.

Отец Светозар: Кому Дева Мария обращает свои призывы?

Иванка: Всему миру.

Отец Светозар: И что же это за призывы?

Иванка: Мир, внутренняя перемена – обращение, пост, покаяние, молитва.

Отец Светозар: Что же из этого самое важное?

Иванка: Мир (покой).

Отец Светозар: Почему же именно мир?

Иванка: Когда во всем мире царит мир, возможно осуществление любых добрых намерений.

Отец Светозар: Здесь было сказано о молитве. Скажи мне честно, как ты сама молишься?

Иванка: Когда просыпаюсь утром, семь раз читаю "Отче паш" и затем "Верую в Бога...". В полдень я совершаю молитву "Ангел Господень". Вечером я снова семикратно прочитываю "Отче паш" и "Верую...". И ко всему этому добавляю молитву по четкам Святого Розария. Кроме того, каждый вечер, когда вся семья собирается в доме, мы совместно совершаем вечернюю молитву.

Отец Светозар: Говорят, что Небесная Владычица уговаривает вас принять монашество...

Иванка: Она сказала, что хотела бы, чтобы мы приняли монашество, но только те из нас, кто на самом деле чувствует в себе призвание к этому. Она

не желает, чтобы кто-нибудь, совершая ложный выбор, приписал стыд и позор вере и Церкви.

Отец Светозар: Я верю, что каждому из вас предоставлена полная свобода жизненного выбора. А ты сама уже приняла решение, уже знаешь, что будешь делать в дальнейшем?

Иванка: По правде говоря, в настоящее время я не испытываю особого желания принимать монашество. Я могу вполне жить подлинно христианской жизнью в такой же степени, как и любая монахиня, если буду воспитывать своих...

Отец Светозар: ...и зная при этом все то, что ты знаешь о том будущем, которое ожидает всех нас. Скажи мне, пожалуйста, собирается ли Пресвятая Дева Меджугорийская еще больше связать с собою весь мир?

Иванка: Думаю, что это так.

Отец Светозар: И " великий знак " должен оказать в этом помощь?

Иванка: Да, когда приблизится пужное время. Тогда огромное количество уверовавших придет в лоно Церкви.

Отец Светозар: Знак появится вскоре или пужно еще подождать?

Иванка: Он появится в свое время.

Отец Светозар: Иванка, ты не бойшься того, что не будешь в силах исполнить все, ожидаемое от тебя Пресвятой Девой?

Иванка: Чего мне бояться, если Бог со мной? Бог даст мне пужные силы.

Отец Светозар: Ты сообщалась людям послания Царицы Небесной, но некоторые не верят тебе. Что ты предпочитаешь делать в таких случаях?

Иванка: Молюсь о них, чтобы Господь пролил свет в их сердца.

Отец Светозар: Можешь ли ты сделать что-нибудь еще?

Иванка: Я стараюсь их убедить. Но ведь они, к тому же, сами убедятся, когда...

Отец Светозар: Я верю в это, но ведь до наступления этого времени люди не будут находить себе места от беспокойства. Трудно ждать этот день. Что же, по-твоему, в этом случае должны делать люди?

Иванка: Молиться, чтобы Бог дал им силу все претерпеть.

Отец Светозар: Существуют также, которые противостоят Небесной Владычице. Что бы ты им сказала?

Иванка: Говорю им: " Покайтесь и обратитесь! Бог существует! " И только это.

Отец Светозар: Могут ли те, кто противится Пресвятой Деве, помешать Ей осуществлять Божии намерения относительно мира?

Иванка: Отче, вы опять имеете в виду великий знак?

Отец Светозар: Да.

Иванка: Нет, не могут. Их оружие и средства устрашения не будут в состоянии этот знак уничтожить.

Отец Светозар: Могут ли эти люди принести вред душам людей и намерениям Пресвятой Девы относительно человечества?

Иванка: Нет.

Отец Светозар: Означает ли это, что Царица Небесная сильнее, чем они все?

Иванка: В общем-то, да. Но все решает Иисус – Бог, а не Божия Матерь.

Отец Светозар: Поподробнее, пожалуйста.

Иванка: Я думаю, что Она послала сюда Богом. Когда мы просили Ее дать нам знамение, думаю, что Она обратилась к Иисусу, чтобы Он дал нам знамение. И тогда же Она пообещала нам явить это знамение в свое время...

Отец Светозар: Это означает, что Она не может действовать самостоятельно?

Иванка: Я тоже так думаю.

Отец Светозар: Достаточно важно, как, впрочем, ты и говорила уже многократно, чтобы все люди доброй воли, независимо от вероисповедания, не отворачивались друг от друга. Расскажи мне что-нибудь еще на эту тему. Каково по этому поводу мнение Девы Марии?

Иванка: Дева Мария сказала нам, что на земле религии разделены между собой, однако Ее Сыи готов принять к Себе человека любой религии.

Отец Светозар: Означает ли это, что всем людям без исключения суждено быть в Небе?

Иванка: Да, если они его заслужат.

Отец Светозар: ...хотя многие из них вообще никогда не слышали о Иисусе?

Иванка: Иисус об этом знает, а я – нет. Богородица сказала, что, в сущности, все религии похожи, хотя люди и разделились между собой по религиозной принадлежности, а, вследствие этого, сделались врагами.

Отец Светозар: Иванка, я благодарю тебя за эту беседу и за твое свидетельство.

Я вышел из машинки последней, восьмую страницу текста. Вдохнул. Сметти получит инфаркт при виде такого объема статьи!

"Это еще что, решил написать книгу? – воскликнул он, глядя на

страницы, которые я держал в руках. – Здесь содержания больше, чем на целую газетную страницу!"

Для Смитти моя колонка – это вечные хлопоты. Ему подавай газету, состоящую из одних лишь объявлений и реклам, и чтоб новостями в ней и не пахло.

– Напечатай это, – сказал ему я, улыбаясь. – Я ведь написал все это на день раньше. Ты должен быть вполне доволен. Не беспокойся ни о чем.

– А что если в последний момент нам подбросят еще несколько объявлений?

Обычно мы отказывались от публикации моей колонки, если пужно было поместить текст объявления, заказанный каким-нибудь клиентом за соответствующую плату.

– Нет, – ответил я. – На этот раз такого не будет. Печатай это.

Я повернулся к выходу, но тут припомнил одну деталь: мы получили более сорока просьб о предоставлении дополнительных экземпляров газеты.

– Смитти! Оставь место для небольшого примечания. Оно будет касаться тех, кто просит дополнительные экземпляры: пусть они присылают при этом нам конверты с марками. Завтра подбрось мне одну копию.

Когда я покидал отдел, Смитти мотал головой из стороны в сторону и что-то невыразительно мычал себе под нос. В этот день я лег спать вполне счастливым.

*Если хочешь быть счастливым,
проводи жизнь простую и смиренную,
доверяя Богу вести себя...*

8.

Отец Скоцци.

Утром в среду я не был в редакции и, следовательно, не мог принимать телефонных звонков. В тот день я поехал в расположенный на расстоянии десяти километров от нас городок Лейк Сити, где мне нужно было провести отца Скоцци.

После опубликования второй статьи он вновь позвонил мне и спросил, когда я смогу его посетить. По моим планам, четвертая статья о Меджугорье должна была состоять из интервью, взятых у людей, живущих в нашей местности, которые побывали в Хорватии. С удовольствием я согласился поэтому выслушать и его историю. Хотя и без того у меня было большое желание познакомиться с этим нетипичным священником-итальянцем.

Мне пришлось немного помучаться, пока я наконец-то смог отыскать его дом, что, впрочем, со мной случается довольно часто. Собственно говоря, это он сам меня нащел. Я ездил туда-сюда по поселку, стараясь понять, что же все-таки я понаписывал в блокноте во время нашего телефонного разговора. В какое-то мгновение я поднял глаза и увидел, что нахожусь под нужным мне домом. Я поднялся по лестнице, двери распахнулись и в них появился улыбающийся великан – в меру упитанный, мощного телосложения мужчина, которому на вид можно было дать лет пятьдесят, в очках с толстыми стеклами, совершенно непричесанный. Он был одет в старенькую рубашку, потертые брюки и совершенно разбитые ботинки. Короче, он выглядел именно так, как я себе это представлял на основании впечатлений от наших телефонных разговоров. Когда я шагнул в двери, он заключил меня в объятия, как будто мы уже сто лет были знакомы, и сказал: "Я приготовил кофе. Мы можем спокойно поговорить".

Именно так мы и сделали. Я узнал, что мой гостеприимный хозяин является настоятелем двух миссионерских костелов: в Кингстрее и в Лейк Сити.

– Это Сибирь всей нашей епархии, – объяснил он, доливая кофе в мою чашку.
– Но мне это не мешает. Больше времени остается на молитву. Меня сюда послали, потому что никто не знал, что вообще со мной делать. Обо мне существует мнение, как о человеке... достаточно трудном в общении.

Очень скоро я на собственном опыте убедился в том, какого рода были эти трудности в общении с моим добрым хозяином. Еще раньше он рассказал мне, какое огромное значение для него имела поездка в Меджугорье. Теперь я, в свою очередь, вытащил магнитофон и начал задавать вопросы. Время бежало очень быстро. Когда я уже во второй раз сменил кассету, то понял, что наш разговор продолжается уже без малого три часа. В тот момент, когда я начал рассказывать о том, как случилось, что я заинтересовался Меджугорьем, священник прервал меня жестом руки. После этого, взглядываясь в мои глаза, он начал молиться, говоря на разных языках. Я достаточно много знал об этом удивительном даре Святого Духа и о харизматиках /людях, принадлежащих к молитвенному движению Обновления в Духе Святом, – прим. переводчика/, чтобы понять, что происходит. Я не имел понятия, что говорит этот священник, но при этом не испытывал ни малейшего страха, лишь, может быть, легкую озабоченность. Священник не голосил, не бился в истерику. Скорей уж речь его можно было бы определить как ласковую и музыкально-мелодичную.

"Во что это я вляпался?" – невольно подумал я. Хотя одновременно ощущалась удовлетворенность и удовольствие при звуках его непередаваемых молитв, которые я спокойно слушал. Прошло несколько минут, и мой хозяин прервался. Мы взглядели друг на друга.

– Я надеюсь, что не очень смутил вас, – сказал он.

– Нет, – заверил я его. – Я, может быть, немного удивлен, но совсем не смущен.

– Очень хорошо. Это было послание Девы Марии для вас. Она говорит, что Вы – Ее сын. Она хочет, чтобы вы писали об этом, но хочет еще и большего: Она желает, чтобы вы отдали Ей всю свою жизнь и без остатка посвятили себя благовествованию призывов из Меджугорья.

Священник умолк. У меня отвисла челюсть, а глаза полезли из орбит: заикаясь и с трудом подыскивая слова, я рассказал ему о бывшем мне откровении, которое звучало буквально так же. Пока я говорил ему об этом, я ощутил пронизывающую меня дрожь. Следом накатила волна страха. А в это время отец Скоцци увлеченно продолжал:

– Мне кажется, что благовестническая ваша деятельность не окончится в Южной Каролине, более того, она не ограничится этой страной. Вы будете проводить радиопередачи...

— Ах, отец мой, прекратите! — прервал его я. — Я — издатель газеты. Еженедельно я публикую свою колонку, однако делаю это больше из потребностей своего собственного эгоизма, нежели из каких-либо других побуждений. Я не работаю ни на радио, ни на телевидении...

— Ха-ха! — громогласно, типично по-итальянски расхохотался он. — Я лишь повторяю то, что говорит вам Она. — И после этого сочувственно добавил:

— Я понимаю, что все это крайне неожиданно. Молчитесь же и будьте готовы исполнить то, о чем вас просят. Об остальном не беспокойтесь.

Легко сказать! Как же мне было не беспокоиться! Все это настолько превышало границы моего робкого воображения. Еще всего лишь несколько месяцев или даже недель тому назад у меня не хватало бы смелости прилюдно просто вспомнить об Иисусе. Теперь же я узнал сразу так много, и все это от одного единственного человека. Я глянул на часы. Переваляло за четыре часа пополудни.

— Уже поздно, я вынужден уходить, — сказал я. — Можем ли мы время от времени видеться?

— Безусловно — лицо отца Скоцци расплылось в улыбке. Он проводил меня до дверей.

— Знаете ли, — сказал я ему на прощание, — до сих пор я не знал еще ни одного человека, имеющего дар говорения на разных языках. Я немало удивлен, хотя и не было в этом ничего неприятного. Я — протестант и журналист, но... это мне не мешало воспринимать... Что же касается самого откровения, то здесь я попросту теряюсь...

Священник усмехнулся и сказал:

Увидим!

Когда я прпехал в редакцию, было уже довольно поздно, но я все же тотчас сел за пишущую машинку. Я хотел записать то, что сказал мне отец Скоцци, пока его слова еще были свежи в моей памяти. Я проработал час или полтора. Закачивая, я подумал о том, что если только утром мне удастся скопировать с Джимом Стоффелем, то завтра же статья будет готова. Это было достаточно важно, поскольку мы с Терри должны были выехать в Западную Вирджинию, чтобы там встретить Рождество вместе с ее родителями.

Мне казалось вполне логичным избрать в качестве следующего представителя местной общины, побывавшего в Меджугорье, именно Джима. Слушая его лекцию и рассказ его жены Розы, я понял, что пребывание в этой хорватской деревушке оставило у них в душе неизгладимый след. Кроме всего, в них обоих

было нечто необычное. И я, и Терри очень полובили их и планировали на ближайшее будущее устроить семейную встречу. Эти два интервью, – радовался я, – будут великолепным окончанием всего цикла. Зевнув, я погасил свет и покинул редакцию.

Утром я проснулся с головной болью и ломотой во всем теле. Понятно: мне не удалось-таки избежать декабрьской простуды. Две недели тому назад переболела Терри, и тогда мне казалось, что болячки меня обойдут. Случилось иначе. В этой ситуации выбора у меня уже не было: пришлось отложить написание текста на следующую неделю после рождественских праздников. Я был лишен возможности взять интервью у Джима, и тем более у меня не было сил на создание статьи.

Когда пришло время выехать в Западную Вирджинию, я уже чувствовал себя пастолько хорошо, что праздничного настроения никому не испортил. Рождество вполне удалось: Меджугорье сделало его лучшим, чем обычно. Впервые я почувствовал, каким воистину великолепным даром для нас является рождение Сына Божиего. И та же самая Мария, которая без колебаний репилась стать Матерью нашего Господа, теперь просила меня принять особое участие в оказании людям помощи при осознании величия дара Его пришествия в мир. Когда я думал об этом, слезы начинали наворачиваться на мои глаза.

А немного раньше мы получили дар иного рода. Однажды вечером я мыл полы в компатах, поскольку Терри из-за простуды лежала в постели. Раздался телефонный звонок. Я подошел к аппарату, на пыпочках пробираясь по мокрому полу. Звонил Джордж Мак-Меф, директор "Атлантик Публикейшенс" – корпорации, владеющей, помимо иных изданий, двадцатью девятью еженедельниками, из которых один распространялся в Миртль-Бич. После минутного вступительного разговора Джордж Мак-Меф перешел к основной теме. Не заинтересуюсь ли я возможностью продать наши четыре газеты? Я был поражен. Вот уже больше двух лет я штыгался именно это и сделать. По прошествии девяти лет борьбы за соблюдение договорных сроков, проблем с персоналом и финансовых кризисов, мы с Терри чувствовали, что с нас довольно. Моя жена хотела посвятить себя дому и больше времени времени уделять воспитанию детей, я же, в свою очередь, всей душой хотел сделаться самостоятельным советником по делам рекламы и, в конце концов, посвятить несколько больше времени игре в гольф и теннис. Но нам никак не удавалось получить солидного предложения. И вот теперь... Тогда-то и припомнилось мне, что говорила Пресвятая Дева: "Не будешь уже больше заниматься этой работой..."

Оговаривая детали, я собрал себя в кулак. Мы пришли к соглашению, что наилучшим сроком для окончательной транзакции будет первое апреля – девятилетний юбилей с начала издания первой нашей газеты. Я положил телефонную трубку и медленным шагом вышел в спальню.

– Терри, мы продали наши газеты, – прошептал я и усмехнулся недоверчиво.
– Как видишь, то откровение – оно оправдывается...

Терри глянула на меня, как бы не зная, смеяться, кричать или плакать.

– Коль скоро так все складывается, – сказала она после длительной паузы, – прекрасно, но я окончательно поверю лишь тогда, когда мы подпишем все документы.

– Да, действительно, – подумалось мне, когда я стоял у окна, глядя на расстилающийся передо мною пейзаж зимних просторов Западной Вирджинии, – это Рождество превосходит всякое воображение уже с самого начала.

Когда мы приехали в дом родителей Терри, то сразу же принялись помогать устанавливать в столовой рождественский вертеп, уже много десятилетий служивший этой семье по праздникам. Вертеп был очень основательным. Не картопный, как некоторые современные: все фигурки были из фаянса. Когда я устанавливал в вертепе при яслях коленопреклоненную фигурку Божией Матери, на глаза мои навернулись слезы. "Радуйся, Мария благодатная", – прошептал я, устанавливая фигурку на устлавшем нижнюю часть вертепа сене.

За несколько дней перед самым Новым Годом мы возвратились в Миртль-Бич. И сразу же после возвращения приступ гриппа повторился. Когда я выздоровел, то наконец встретился с Джимом Стокфелем, взял у него интервью и дописал последнюю часть текста, касающегося событий в Меджугорье.

Чудо в Меджугорье (4)

Свидетельства жителей нашего региона /интервью/

15 января 1986 года.

От всего сердца прошу у всех прощения за то, что эта статья не появилась на прошлой неделе, поскольку я все последние семь дней был отключен от нормального течения жизни из-за приступов гриппа.

Перед вами – последняя часть цикла из четырех статей, начатого мною в первую неделю декабря. В предыдущих номерах мною были опубликованы свидетельства людей из Меджугорья. В данной статье я намеревался поместить отзывы двух людей, живущих в нашей местности: они побывали в Меджугорье, желая лично удостовериться во всем, что там происходит.

Это не будет интервью обычного типа, состоящее из вопросов и ответов. Я решил отказаться от такой формы, поскольку хотелось написать текст более краткий и более доступный читательскому восприятию.

Я вел беседы с Джимом Стоффелем, жителем Северного Миртль-Бич, и с отцом Сильвестром Скопци, настоятелем католического прихода Святого Филиппа в Лейк Сити.

Джим Стоффель – профессиональный игрок в гольф в "Шорес Гольф Клуб" штата Каролина, находящегося в Северном Миртль-Бич. Здесь же он и живет вместе со своей женой Розой с 1972 года. В ноябре 1985 года они вместе поехали на экскурсию в Меджугорье...

В свою очередь, отец Скопци уже два с половиной года является настоятелем католического прихода костела Св.Филиппа. Он стал священником четырнадцать лет тому назад. Я посетил его в Лейк Сити и расспросил его о впечатлениях, связанных с Меджугорьем.

Начнем с комментариев, данных Джимом Стоффелем:

– О событиях, происходящих в Меджугорье, мы с женой слышали впервые года два тому назад от одной знакомой, которая живет в Гринвилле, в штате Северная Каролина. Ее рассказ очень нас заинтересовал. Мы начали искать новую информацию. Купили несколько книг на эту тему. Еще раньше мы читали об откровениях Богоматери в Лурде и в Фатиме, но Меджугорье было чем-то особенным, поскольку все тамошние события происходят в наши дни, сейчас. Однажды мы узнали о том, что есть возможность посетить эту местность, и в ноябре 1985 года мы туда поехали.

Я считаю что все, происходящее там, – подлинно. Там действительно происходит нечто сверхъестественное.

Цель откровений Девы Марии – это передача посланий, предназначенных всему миру, через шестерых молодых людей. В этих посланиях она говорит о том, что необходимо молиться, поститься и примириться с самим собой и с Богом. Когда откровения завершатся, начнут исполняться десять тайн. Тайны седьмая, девятая и десятая содержат суровые кары за грехи человечества. Могу еще добавить, что седьмая тайна уже не состоится, поскольку люди ответили на зов Благословенной Девы Марии молитвой, постом и покаянием. Однако Пресвятая Дева говорит о том, что девятая и десятая тайны исполнятся, хотя молитвой и постом могут быть смягчены. Думаю, что если описывать вкратце, то это все.

Мне не кажется, чтобы эти события могли быть чем-то страшным, ведь все уже давно предсказано в Евангелиях, а верность евангельских слов мы ежедневно переживаем на собственном опыте. Но при этом Господь присылает к нам Богородицу, чтобы еще раз обо всем напомнить и подчеркнуть то, что мы уже знаем.

В самом Меджугорье я пережил нечто невероятное. В настоящее время вся эта местность стала святой землей и целью многочисленных паломничеств. Честно говоря, описать все это почти что невозможно. Мне хочется сказать всем, что, как мы думаем, происходящее развивается под прямым воздействием Святого Духа, это Его дело, имеющее целью заново припести миру Евангелие Иисуса Христа при посредничестве Девы Марии. Люди слишком далеко отошли от Бога, а Она от Его имени призывает всех возвратиться. Итог таков: люди должны жить в мире, а мира можно достичь лишь путем искреннего обращения, молитвы и причастия. Я не пытаюсь никого обращать в лоно Католической Церкви – не это является целью меджугорийских откровений. Каждый человек должен сам принять свое решение.

В состав Меджугорийского прихода входит едва ли 400 семейств, но костел Святого Иакова, в котором является Матерь Божия, ежедневно вмещает до двух тысяч людей. Раньше никто не мог понять, зачем было строить такой огромный костел. Дева Мария пытается создать в этом месте собственными силами образцовый приход, и похоже на то, что Ей это удалось. Достаточно проехать всего лишь десять километров, чтобы оказаться в таком мире, каким он действительно должен быть: все люди искренни, добры, очень дружелюбны и сердечны. И при этом все они – очень простые люди.

Как я уже сказал, Дева Мария весьма довольна людьми этой общины. Обычно Она появляется около 17.45, и явления теперь продолжаются три-четыре минуты. Раньше они продолжались почти полчаса. После окончания явления совершается Евхаристическая Литургия; дети-ясновидящие задерживаются в костеле несколько дольше, поскольку проводят здесь ежедневно не менее трех часов. Они ежедневно молятся не менее четырех часов в общей сложности и постятся трижды в неделю. Тот, кто еще никогда не постился, пусть попробует и поймет, как это легко.

Дева Мария в равной степени обращает Свои слова к людям Запада. Иногда нам кажется, что мы лучше, чем люди во всех остальных частях света. А Она говорит нам о наркотиках и мажакальном сидении у экранов телевизоров, пожирающих все время нашей жизни. Как в песок убегает от нас время, которое можно было бы употребить с пользой. И еще одна забота: мы

определили весь мир в отношении развития техники, и нам кажется, что это совершилось лишь нашими силами, без участия Бога. Но если кто-нибудь захочет узнать, как в свете Евангелия оценить западный способ жизни, пусть прочтет "Послание к Римлянам Святого Апостола Павла", гл.1, ст.18-32. На самом деле до глубины души потрясает тот факт, что текст, написанный сотни лет тому назад, с таким совершенством воспроизводит нашу сегодняшнюю ситуацию...

А вот что сообщил отец Сильвестр Скоппи:

В октябре 1984 года я поехал в Рим на Всемирный форум священников. Перед самым отъездом нас спросили, не желаем ли мы совершить паломничество в Меджугорье...

В то время я немного об этом слышал. В местной газете была опубликована информация о священнике этого прихода, поскольку он был арестован властями... Впоследствии я узнал немного больше об этих событиях от другого священника, а потому был немало взволнован открывшейся возможностью посетить эти места вместе с группой священников из Америки.

После пребывания в Риме сто десять священников отправились в Меджугорье. Никогда еще одновременно такая большая группа священников не посещала места откровений. В Меджугорье мы должны были ехать через город Мостар и при этом должны были представляться обычными туристами. Все мы купили пляжные костюмы, чтобы убедить власти, что мы едем единственно с целью отдохнуть на море. В конце концов мы прибыли в малый городочек, расположенный между Мостаром и Меджугорьем. Условия жизни были ужасными, слишком примитивными по сравнению с тем, к чему мы привыкли. Я имею в виду водопровод и тому подобное.

В конце-концов мы добрались до пещерного пещера. Нас привели в подвальное помещение дома при местном костеле. Здесь мы должны были встретиться с ясновидящими детьми. Было жарко, душно и сутолочно. Через некоторое время пришла монахиня, заботящаяся об этих детях, с известием о том, что Пресвятая Дева сообщила им, что явление будет происходить в подземном помещении, где все мы теснились, поскольку Она хочет передать нам особое послание.

Что сказать? Мы были счастливы, что она явится детям именно в этом месте. Вскоре пришли юные ясновидящие и вместе с местным священником стали по другую сторону стола, как раз напротив меня. Они начали молиться и в какой-то момент одновременно пали на колени, что было знаком явления им Матери

Божией. Мы вглядывались вместе с детьми в то место, куда устремлялись их взгляды – попросту над нашими головами!

После окончания видения дети записали что-то на листочке, а монахиня, говорящая на английском, перевела это. Послание Пресвятой Девы было обращено непосредственно к нам: "Благодарю вас за то, что вы прибыли, когда Я призвала вас. Призываю тех, кто Меня любит".

Нетрудно вообразить, что я при этом чувствовал. После этого все мы совершили молитву и пошли в костел, чтобы совершить Евхаристию. То, что произошло позднее, превзошло все ожидания: дети-ясновидящие помогали мне и моим коллегам надевать литургические облачения! Господи, какое же это благословение! А во время Мессы дети стояли при нас, и при молитве благодарения мы все взяли за руки. Не могу высказать, что для меня все это значит!

Должен еще рассказать о чуде, которое произошло, когда мы там были. Когда мы ехали автобусом в Меджуторье, молились по пути с мыслью обо всем, что там происходит. Небо было ясным, не было ни облачка от края и до края горизонта. Позднее кто-то заметил неизвестно откуда появившиеся две тучки, которые сложились в крест. Небо было ясным, лазурным, и на его фоне виднелся один только крест, созданный из облаков. Потом крест превратился в голубя...

Вы спрашиваете меня, что я делал по возвращении в Лейк Сити? Безусловно, я был потрясен всем увиденным, а потому пробовал найти контакт со всеми возможными средствами массовой информации как в нашем штате, так и в Колумбии. Результат? Везде меня встречали с одинаковым безразличием. Не страшно. Я и без этого продолжаю думать, что все, происходящее там, – истинно, и благодарю за это Бога.

"Кажется, достаточно", – подумал я, с размаху ударяя в последний раз по клавиатуре пишущей машинки. Свое задание я выполнил – и дело с концом. Теперь остается только продолжать жить в соответствии с этими посланиями, а основная часть работы уже сделана. Так мне тогда казалось...

9.

Верую...

Через несколько дней я зашел в банк и разговорился об откровениях с одной из банковских служащих. Она сказала, что ей очень жаль того, что цикл статей уже завершился, поскольку события, совершающиеся в Меджугорье, затронули ее настолько сильно, что хотелось бы слушать о них бесконечно...

Я ответил ей, что на эту тему мною написано, пожалуй, уже все, что я мог бы сказать...

— Да, но вы при этом ни разу не сказали о том, что вы сами об этом думаете, — ответила она мне. — Я теперь, конечно же, знаю, что думают об этом другие люди, но не менее интересно было бы знать, что вы сами об этом думаете.

Я посмотрел на нее оторопело. Мне так хотелось сохранить о себе мнение беспристрастного журналиста, что пришлось употребить все силы на то, чтобы удержаться на волне холодного объективизма. Мне хотелось, чтобы читатели сами сделали свои выводы. Я постарался, чтобы мои личные переживания не мешали им мыслить самостоятельно. Быть может, я в этом несколько пересолтил? Этот разговор заставил меня серьезно задуматься. И чем дольше я размышлял по этому поводу, тем яснее мне виделось, какую злую роль во всем этом сыграла моя профессиональная гордыня. В конце-концов, моя колобка должна была служить для представления читателю моего личного мнения по отдельным вопросам — в этом был весь мой замысел. Однако же при написании последних статей я сделался всего лишь пересказчиком фактов. Похоже на то, что заключительный текст цикла оказался все еще не написанным. А потому мой долг — опубликовать еще и текст с окончательным подведением итогов. У меня была лишь одна проблема: что я могу сказать о тех чувствах, которые оказались пробуждены соприкосновением с событиями в Меджугорье? Я все так же не желал признаваться в том, что и сам я оказался адресатом лично ко мне обращенного откровения.

Я вернулся в свой редакционный кабинет, запер за собой дверь на ключ. Всегда мне легче всего думалось при работе за пишущей машинкой, поэтому я вложил в нее чистый лист бумаги и начал изливать на него все свои личные переживания. Я повторял сам себе: это всего лишь мышленные вслух, которое не будет публиковаться в газете. Однако всей работе сопутствовало предчувствие того, что основные мысли я все же помещу в своей колодке.

Чудо в Меджугорье (5).

Личные мысли на тему Меджугорья

5 февраля 1986 года.

Без какой-либо внутренней убежденности я пообещал себе, что в течение некоторого времени писать о Меджугорье не буду. Однако факт остается фактом: молчание тяготит меня, поскольку я не представил собственного мнения по этому вопросу.

О Меджугорье можно иметь различные мнения. Некоторые люди попросту любопытны и из чистого любопытства интересуются всем, что выпадает за пределы круга серых будней. Другие, неверующие, подшучивают буквально над всем, к чему нельзя прикоснуться или чего нельзя увидеть. Иные действительно верят, ищут знамений и доводов, которые смогли бы обосновать их веру. Временами даже стараются верить вопреки всему... По отношению к Меджугорью люди занимают одну из этих трех позиций, ведь речь идет о чем-то, явно выходящем за пределы обычных представлений. Мы слышим о том, что группе молодых людей, живущих в затерянной среди гор деревушке, в стране, где еще совсем недавно господствовал коммунистический режим, является Благословенная Дева Мария, Мать Иисуса. И происходит это ежедневно, начиная с 24 июня 1981 года и до сего дня. Ежедневно Владычица вызывает ко всем нам, говоря, что мы должны как можно скорее примириться с Богом.

Я принадлежу, скорее всего, к любопытным, поскольку мой изначальный интерес к этим событиям был продиктован единственно любопытством. Я услышал о них совершенно случайно и, заинтересовавшись, начал исследовать эту тему. Мне казалось, что из этого получится неплохая статья в декабрьский номер. Когда же я начал работу, статья переросла в цикл из четырех статей, а каждая колонка получалась значительно более объемной, чем обычно. Дело это оказалось самым значительным из всех, какими я до сих пор занимался. Во всяком случае, об этом мне говорило мое внутреннее чутье. В то время я еще не мог сказать, почему. Зато теперь, мне кажется, уже знаю.

Самым великим из всех чудес Меджугорья является чудо духовных перемен – обращений, происшедших с живущими там людьми, а также обращений тех, кто, услышав об этом месте, обновляется и преображается. Здесь происходит возвращение к вере в истинном значении этого слова. Это новое обретение общения с Богом и ясное открытие того, чего Он от нас ожидает.

Каждый день я получаю просьбы прислать копии четырех предыдущих статей. До сих пор я получил 135 таких писем с приложением адресованных конвертов с марками, и это вполне говорит о том, насколько серьезно интересуют читателей мои сообщения. Ко мне поступило множество телефонных звонков, и всюду, куда только я ни пойду, люди заводят со мной разговор о Меджугорье.

Можно сказать, что каждый, вопивший ко мне, говоривший со мной, убежден, что в Меджугорье происходит нечто совершенно необъяснимое с точки зрения нашего научного знания. И большинство людей соглашаются с этим. Некоторые даже свидетельствуют о том, что их жизнь уже переменялась. А поскольку хотя бы некоторые на самом деле переживают такое, следовательно, цикл статей был необходим.

Лично я твердо верю, что в Меджугорье явилась Дева Мария. Верю настолько сильно, что готов совершить туда паломничество в этом году. Не смогу передать вам словами, какую радость пробуждает во мне весть о явлениях в Меджугорье. Верю в них настолько глубоко, что и в дальнейшем буду активно всем этим интересоваться и беседовать с людьми, побывавшими там.

У меня есть также надежда получить разрешение на публикацию в отрывках одной из книг о Меджугорье из числа наиболее свежих, описывающих всю череду событий вплоть до мая 1985 года.

Я всегда старался писать о том, что чувствую и во что верю. Думаю, так оно и должно быть. Возможно, такие признания и удивят кого-нибудь, но мне кажется, что я обязан был вам об этом сказать.

Именно так я подытожил свои мысли и одновременно принял на себя обязательства и в дальнейшем продолжать работу над этой темой. Это было моим горячим желанием, реализацию которого я всегда откладывал на более позднее время. Однако же еще раньше Дева Мария пророчески предрекла, что благовествование призывов из Меджугорья сделается моей жизненной миссией, если я соглашусь на это. Читая разные книги, я обратил внимание на то, что Она никогда не приказывает людям, но всегда обращается с просьбой. Даже визионеры утверждали, что Она их просила, чтобы они приняли монашество,

а юношей – чтобы они стали священниками, но при этом Она ни в коем случае ничего не приказывала. Иванка и Мириана вспоминали, что говорили Ей о своем желании выйти замуж и иметь детей. Пресвятая Дева ответила им, что если их выбор именно таков, то Она принимает его со всяческим уважением. И я тоже ведь хорошо знал, чего ожидает от меня Дева Мария, но воспринимал только то, что касалось писательской работы и изменений в ритме жизни, а призыв ко всецелому посвящению себя благовествованию Ее откровений всему миру фактически проигнорировал.

За последние два месяца произошло так много различных событий, и все они в совокупности укрепили мой дух и дали мне мир душевный, без которого я не был бы в состоянии исполнить порученные мне задачи. Но тогда еще я этого не понимал. Что же из этой череды открытий было наиболее важным? В первую очередь нужно было бы сказать о том, что я открыл для себя молитву по четкам Святого Розария. Произошло это следующим образом: меня посетила некая женщина, прихожанка ближайшего католического костела, с просьбой предоставить ей копии моих статей. Она сказала мне, что владеет небольшим магазинчиком при костеле – продает сувениры, памятные безделушки и мелкие вещицы, предназначенные для личных пужд верующих. Ко мне она пришла от имени присматривающих за костелом монахинь.

– От всего сердца благодарю вас за то, что вы написали о Владычице нашей Богородице, являющейся в Меджугорье, – сказала она. – Пожалуйста, мы очень просим вас прийти в костел в субботу в 17.00. Мы с сестрами-монахинями приготовили для вас небольшой сюрприз. Очень хочется хотя бы как-нибудь вас отблагодарить. Если вы решитесь прийти, спросите о миссис Альфорд.

Я был глубоко тронут и согласился прийти, хотя и был этим достаточно смущен. До сих пор я никогда еще не бывал в католическом костеле.

Сувенирная лавка располагалась в коридоре. Здесь же я встретился и с миссис Альфорд.

– Зовите меня Текси, – сказала она, – все так ко мне обращаются. – Она протянула руку в мою сторону. – Я хочу подарить вам четки Святого Розария. Они прислали из Фатимы.

Я посмотрел на страшные деревянные бусы.

– Благодарю вас. Думаю, что они понравятся моей жене.

– Но это предназначено вам! Вы хотели бы иметь еще одни четки для нее?

– О, нет! Я говорю о том... Что я должен буду с ними делать?

Моя собеседница весело рассмеялась.

– Ну да, конечно же, ведь вы протестант и совсем не знаете, что такое четки Розария. Это молитва! Венец из молитвенных роз, слагаемый у ног Иисуса, – отсюда и название. Эта книжечка вам все объяснит. Но похоже, что вам следует все-таки узнать чуть-чуть больше о католиках и о том, какова наша вера, – улыбнулась она. – Быть может, вы пойдете вместе со мной на Мессу? Евхаристия начнется через несколько минут.

– Я в растерянности. Вообще-то я должен уже идти...

– Ничего не случится, – вновь рассмеялась она. – Это не будет продолжаться слишком долго.

Вот так мне случилось впервые принять участие в литургии Католической Церкви. Сперва я был очень скован, но позднее скованность уступила место удивлению: я открывал множество сходных моментов между Мессой и лютеранским богослужением. Если не принимать во внимание отдельные слова, то вполне можно было бы сказать, что обе литургии одинаковы. Однако были и различия – главным образом в той части, которая относилась к Святому Обществу или к Евхаристии, как они это называют. Сама Месса мне очень понравилась, а под конец я уже чувствовал себя совершенно освоившимся. После литургии я встретился со священником. Я знал его вот уже девять лет, поскольку мы оба были членами одного и того же клуба. Когда мы дружески беседовали, выйдя в притвор костела, кто-то из прихожан напомнил, что я – автор статей о Меджугорье, где уже больше четырех лет является наша Святая Мать.

При этих словах, неожиданно для всех, мой добрый знакомый и собеседник вдруг сделал шаг назад и, размахивая руками, воскликнул: "Нет, нет, нет! Увольте меня от всех этих фантазий! Вы журналист, Уэйл, и я должен вам сказать, что все это не может быть правдой. Все это – лишь сказки либо плод буйного воображения!"

Повисла неприятная тишина. Ее нарушила одна из прихожанок, которая решилась спросить: "Отче, вы не верите в явления, происходящие в Меджугорье? Вы не верите, отче, в то, что Владычица наша появляется там?" – "Конечно же, нет! – выкрикнул он. – Я не верю ни в какие явления. Нам не пужны никакие явления Пресвятой Девы Марии и никакие другие, достаточно нам созерцать Иисуса. И все тут!"

Я был потрясен. Впервые я услышал отрицательный отзыв о моих статьях – и это из уст католического священника! Принимая ради я выдержал еще одну

минуту вялого разговора, поблагодарил Текси за подаренные четки Розария и вышел.

Отрицательный отзыв священника меня очень взволновал. Я предчувствовал, что такое повторится еще не раз. До сих пор я паввно верил, что каждый католик сразу же признает эти явления как часть веры Католической Церкви. Позднее пришло открытие, что и в Католической Церкви имеются совершенно противоположные мнения об откровениях Богоматери – точно так же, как и в других вероисповеданиях.

А между тем, я старался узнать побольше о молитве по четкам Розария. Эта молитва стала для меня не столько проявлением принадлежности к католицизму, сколько просто-напросто прекрасной молитвой. Когда я молился по четкам в первый раз, то никак не мог на достаточно долгое время удерживать сосредоточенность внимания, чтобы вполне оценить значение молитв Святого Розария. Вообще, прежде чем я услышал о Меджугорье, моя молитвенная жизнь ограничивалась пятью минутами в неделю. Розарий же, если читать эти молитвы тщательно и от всего сердца, продолжается, как минимум, двадцать минут.

Окончательно я осознал красоту и силу молитв Розария в тот период, когда приходил в себя после гриппа. Именно тогда я понял, как сильно влияют на процесс молитвы включенные в Розарий медитации и отрывки из Священного Писания, относящиеся к событиям из жизни Иисуса и Богоматери. В этой молитве заключена вкратце вся история жизни Иисуса! Я решил, что буду совершать молитву Розария ежедневно. И не только потому, что к этому призывает Матерь Божия в Меджугорье. Я совершал Розарий и по собственному почину. И никогда еще до этого у меня не было более глубоких бесед с Богом...

Через некоторое время я еще раз проведаль отца Сильвестра Скоцци. Четвертая статья уже была опубликована, и отец Скоцци прочел это краткое обобщение своих слов. Вскоре он позволил мне. Голос его был непривычно серьезен. Он хотел в ближайшее время встретиться со мной.

Я обрадовался его звонку, поскольку и сам я давно уже хотел встретиться с ним еще раз. У меня была надежда на то, что от него я смогу узнать, какие еще книги я мог бы прочитать.

– Могу ли я заехать к вам сегодня после полудня? – спросил я его в надежде, что он будет свободен.

– Мой вечер сегодня уже занят, но мы могли бы встретиться раньше.

Я ответил, что буду у него в течение часа. Когда я приехал к нему, он показался мне каким-то другим. Он радовался моему приезду точно так же, как

и в предыдущий раз, по теперь он был серьезнее и задумчивее. Кофе был уже готов. Наш разговор длился два часа. Под конец отец припомнил, что его вечер занят и у нас осталось не так уж много времени.

– У меня есть несколько книг, которые мне бы хотелось вам дать, – сказал он, опустошая несколько полок над своим книжным столом.

Большая часть из этих книг была посвящена темам, связанным с Девой Марией. Они содержали исследования и размышления о Ее роли в Церкви с исторической точки зрения; были книги о людях, которые посвятили себя Богородице, – как о светских, так и о священниках и монахах. Некоторые книги рассказывали о первохристианской Церкви. Все книги мы сложили в один большой ящик. Я пообещал вернуть книги сразу же, как только прочитаю.

– Оставьте их у себя, – настаивал он, взмахом руки словно перечеркивая всякую мысль об их возвращении. – Знаете, – добавил он задумчиво, – я ведь посвятил свою жизнь Деве Марии. Каждый отпуск я проводил, путешествуя по местам, где она являлась: Фатима, Лурд, Кнок... " – он сделал небольшую паузу. – Прослыл из-за этого немалым чудачком, но пережитое мною стоило затраченных усилий, – он вздохнул. – Меджугорье, конечно, превысило все.

Он глянул на часы.

– Я должен подготовиться к вечерней встрече. Но прежде, чем вы меня покинете, хочу подарить вам еще нечто. Прошу вас, обождите немного.

Он ушел и вернулся, неся коробочку шириною в ладонь и длиною в три ладони. В коробочке находилась фигурка Девы Марии.

– Это – необычная фигурка, – объяснил он. – Я брал ее с собой в Рим, и сам Папа освятил ее. Быть может, это ребячество, но я возил ее и в Меджугорье, – он прервался и заглянул мне в глаза. – Я хочу, чтобы вы взяли ее к себе домой, и пусть она пробудет у вас две недели.

– Отче Скоцци! Я не могу этого принять. Она может разбиться!

Я представил себе выражение лица моей Терри, когда она узрит меня, входящего в дом со статуей Девы Марии – в три ладони высотой! – в руках. Ее и так уже пачала беспокоить моя, как она выражалась, "загипнотизированность Меджугорьем".

– Нет, – сказал он тоном, не терпящим никаких возражений. – Вы обязаны ее взять. Сегодня же. На две недели.

Я вздохнул и, явно колеблясь, выразил свое согласие. Мы уложили коробку в мой автомобиль. При этом мне показалось, что отец Скоцци сразу повеселел, как будто исполнил нелегкую обязанность.

– И еще прошу вас употребить все это с пользой, – улыбнулся он мне.

- Согласен, – ответил я, улыбаясь ему в ответ.
- На будущей неделе я уезжаю по делам службы, но мы можем встретиться, когда я вернусь – например, в понедельник, – прибавил я робко.
- Хорошо, – порывисто ответил он, а я отметил в памяти, что пужно будет позвонить ему после приезда.
- Да будет с вами Бог, Уэйи, – услышал я, усевшись в автомобиль.
- И с вами, отец, – радостно выкрикнул я через окно. – До встречи в понедельник".

По дороге я усиленно размышлял над тем, как подготовить своих близких к тому, что в доме будет находиться статуя Девы Марии. Это представлялось мне нелегким делом. Терри начала опасаться за мою психику. Статуя могла лишь подтвердить ее страхи. К счастью, когда я приехал домой, жена была на кухне: готовила ужин. Рядом с гаражом у нас была прачечная; туда я и прилест статую и распаковал ее.

Фигура из гипса была вручную раскрашена, и мне показалось, что это самая прекрасная вещь, какую я только мог видеть в жизни! Осторожно я вынул ее из коробки, на цыпочках прошел мимо кухни и поставил фигурку на низеньком столике в спальне. После этого я позвал Терри и Кеннеди, чтобы они пришли ко мне. Стоя у дверей, я наблюдал за их реакцией. Кеннеди был поражен, Терри скривилась, уперла руки в бока и повернулась ко мне спиной.

– Тебе нравится? – спросил я робко, надеясь на то, что настроение, мелькнувшее у нее в глазах, развееся.

– Нет, – медленно ответила она, покачав головой. – Это просто невероятно, как далеко зашел ты с этой Марией! И до чего еще дойдешь?

– Отец Скоцци попросил меня взять это и поддержать у себя две недели.

– Беспокоить ты меня. Ты только о Марии и говоришь! А что же с Иисусом?

– Терри, – простогал я, задетый за живое, – я молось Иисусу. И чувствую себя теперь ближе к Нему, чем когда бы то ни было. Молюсь больше, чем раньше, и это благодаря Ей. Она ведь лишь на Него указывает. Она не занимает Его места, поверь мне!

Терри покачала головой. Ничего из сказанного мной не дошло до нее.

– Я заберу это отсюда, – обессиленно вздохнул я, – и отнесу в гостиную.

– Нет, оставь здесь. Две недели я это как-нибудь вытерплю.

В понедельник я отправился в служебную командировку. Вечером, как обычно, я позвонил домой. В голосе Терри звучали страшные нотки. Я спросил

ее, не случилось ли чего, но она ответила, что все в порядке. Вечером во вторник, когда дети уже были уложены в постель, я узнал, в чем было дело.

— Я должна тебе кое-что сказать, — промолвила моя жена. — В понедельник звонил Джим Стоффель. В то утро отец Скоцци умер от инфаркта. Я не хотела говорить тебе об этом по телефону.

Минуто я сидел, ошеломленный известием, а потом направился в спальню. Закрыл за собой дверь и сел на край кровати, глядя на фигурку Девы Марии. Слезы катились по моим щекам. И вдруг мне показалось, как будто бы я услышал смех отца Скоцци, — и меня окатило волной радости. Я не мог горевать. Я понял, что отец Скоцци достиг того, о чем так долго тосковал и к чему так долго добирался: места в небесах!

Я вышел к Терри и сказал ей о том, что почувствовал.

— Я знаю, что он на небе и очень счастлив, — говорил я. — Это так удивительно!

— Джим Стоффель знал, что тебе будет тяжело, и потому...

— Мне вовсе не тяжело. Я радуюсь. Отец Скоцци счастлив! Я не смогу объяснить тебе это, — я нахмурил брови. — А теперь неизвестно, что делать с фигуркой. Кажется, у него была сестра... А, может быть, он хотел оставить ее мне?

— Очень жаль, — прервала меня Терри, — но Джим сказал, что статуэтка не была собственностью отца Скоцци. Она принадлежит сархину, и мы должны ее вернуть, поскольку несколько приходов хотят ее получить. Он сказал, что ты можешь завести ее завтра вечером.

Утром, когда фигурка вернулась в коробку, я сказал Терри:

— Ты, наверно, радуешься тому, что я ее уношу?

— Нет, — ответила она дрожащим голосом. — Фигурка очень хороша.

И тогда я увидел слезы, стоявшие в ее глазах.

10.

Прийди и увидь

Я чувствовал, что обязан ехать в Меджугорье и оттягивать с этим уже не имею права. Я не хотел искать доказательств тому, что все, происходящее в этой местности, – чистая правда; написав последнюю статью, я вполне прояснил свою позицию по этому вопросу. Я хотел съездить туда только для того, чтобы пережить духовное влияние этого уголка земли. В начале апреля оканчивалась моя акция по продаже газетных изданий, после чего мне хотелось как можно скорее выехать в путешествие. Когда я писал последнюю статью, излишнее беспокойство по поводу отпопешия ко мне общественности понемногу освободило из тисков мою душу. Меня уже не беспокоило, буду ли я и в дальнейшем пользоваться такой же славой трезвого журналиста, достойного доверия своих читателей. Так начался мой путь к осознанию смысла слов Марии об обращении сердца. Я не буду уже вспоминать здесь о том, что много раз обдумывал Ее просьбу принять участие в благовествовании посланий из Меджугорья.

В этот период пришли новые сообщения, и я понял, что перед отъездом должен написать еще одну статью, информирующую о самых последних событиях в Меджугорье.

Чудо в Меджугорье (6)

Последние новости

5 марта 1986 года.

На сегодняшний день зарегистрировано около двух тысяч явлений. Это первый такого рода случай в истории откровений Марии. В начале Небесная гостья обещала открыть каждому из шестерых подростков десять тайн.

Визионеры утверждают, что лишь четыре из них относятся ко всему человечеству. Остальные имеют отпущение либо лично к ним, либо к жизни Меджугорийского прихода.

Сущность воззвания, переданного Пресвятой Девой, достаточно ясна. Эта мысль постоянно повторяется Ею: обращение к Богу, покаяние, горячая вера, пост, молитва, мирное состояние личной жизни и мирное состояние души, достигаемое лишь путем глубочайшего истинного личного контакта с Богом.

Постоянные читатели "Ньюс-энд-Шоппер" уже знакомы с четырехчастным циклом о Меджугорье, опубликованном в декабре-январе. Сегодня я хотел бы дать информацию о том, что происходит в настоящий момент с шестеркой шестеркой ясновидящих.

В настоящее время лишь четверо видящих получают регулярные ежедневные откровения, вне зависимости от того, где они в тот момент находятся. Это – Вицка, Мария, Иван и Яков. Двое оставшихся – Мариана и Ивацка – уже не видят Пресвятую Деву ежедневно. Обе они уже получили по десять тайн: Мариана – в день Рождества в 1982 году, а Ивацка – 6 мая 1985 года. Дева Мария обещала Ивацке являться в годовщину первого откровения, а Мариане – в день рождения и в трудные моменты ее жизни до самой смерти. В одном из интервью Мариану спросили, почему Дева Мария пообещала, что будет являться и помогать именно ей в трудные минуты, – ведь другие люди не получают подобного рода помощи. Мариана ответила: "Речь шла не о будущих хлопотах. Трудности, переживаемые мной, происходят из знания о будущности мира, доверенного мне Небесной Владычицей. Иногда, когда я начинаю думать об этом, мне не хватает собственных сил это вынести. И в такие минуты, собственно говоря, появляется Владычица наша, умножая мои силы и давая мужество жить дальше".

В равной степени Мариана, как и Ивацка, получила от Пресвятой Девы кусочек какого-то материала, выглядящего как бумага, хотя это вовсе не бумага, ниш же как ткань, хотя это и не ткань. На кусочке этого материала записаны десять тайн вместе с датами, когда они произойдут, с точностью до минуты. В пужное время каждая из девушек сможет прочесть одну соответствующую пришедшему моменту тайну, по доверенную лишь ей. Материал этот невозможно уничтожить даже в огне. Мариана и Ивацка должны выбрать священника, которому передадут свой лоскуток за десять дней перед исполнением тайны. Священник же, в свою очередь, с помощью Богородицы прочтет и сообщит о ней за три дня до начала соответствующего события. Священник должен будет открыть сущность тайны, час и минуту ее исполнения, а также

месте. Священник не сможет прочесть сразу все десять тайн, однако они сделаются ему понятными, когда придет время огласить их.

Мариана уже сообщила, какого священника выбрала своим поверенным. По ее словам, Владычица паша была довольна ее выбором и подтвердила, что это хороший священник. Открыла также некое событие, связанное с избранным девушкой священником.

"Когда я выбрала священника, которому суждено будет огласить тайны, — вспоминает Мариана, — я сообщила об этом отцу Томиславу Власичу, фратискапу. В то время он был духовным руководителем всех видящих. Услышав, на кого пал мой выбор, он сказал, что этот священник живет слишком далеко от Меджугорья, и я должна выбрать кого-нибудь поближе. Я ответила ему, что все это — уже забота Богоматери, и она все устроит наилучшим образом".

Вскоре после этого, в августе 1984 года, епископ Запич отозвал из Меджугорья отца Власича и прислал на его место священника — именно того, которого выбрала Мариана. По прошествии судьбы сам епископ Запич не верит в откровения и делает все, что только в его силах, чтобы с ними покончить. Тем не менее, непреложный факт, что Мариана избрала священника, которому предстоит огласить тайны, указывает приближение часа исполнения первой из них.

Видка, самая старшая из всех, получила лишь восемь тайн. Недавно она окончила описывать историю земной жизни Пресвятой Девы, предиктовавшую Ею Самой. Вот уже два года, как Видка терпит страшные боли, вызываемые цистой, появившейся между мозгом и мозжечком. Из-за места локализации цисты врачи Загреба в Хорватии стараются избежать операции. Боль ужасна, особенно по вечерам. Из-за нее сознание Видки часто пачивает мутиться, она впадает в подобное спу состояние. Однако сознание всегда возвращается и проявляется перед началом ежедневных откровений, которые происходят в ее маленькой скромной комнате.

Друзья Видки из Меджугорья стараются ей помочь и начали сбор средств на поездку и лечение в Соединенных Штатах, в Лондоне или в Швейцарии, если только сама девушка захочет подвергнуть себя операции. Когда ее пробовали убедить в необходимости принять такого рода решение, она отказалась. На вопрос о том, каков повод ее отказа, она ответила: "Наша Владычица сказала, что Бог дал мне эту болезнь с определенным намерением. Поэтому я принимаю все спокойно и решительно!" Ее спросили, обещала ли ей Царица Небесная исцеление. "Нет, а я Ее об этом даже и не просила!"

Девушка из бедняцкой семьи отказалась от дорогостоящего лечения, которое можно было бы осуществить, и при это руководствовалась исключительно сверхъестественными мотивами. Кто посмеет обвинить ее в том, что она обманывает или разыгрывает окружающих? Жизнь Вицки наполнена Духом Божиим, это видно даже тогда, когда ее боли оказываются невыносимыми.

Мария, которая производит впечатление человека глубоко благочестивого, получила уже девять тайп. Каждый четверг через нее передаются послания для прихожан Меджугорья.

Иван, которому по разным причинам уже дважды не повезло с учебой в семинарии, не теряет надежду на то, что все же станет священником.

Самый младший, Яков, очень быстро растет и созревает, по при этом остается все таким же непоседливым. Во время шптервью старается как можно быстрее ответить на вопросы, чтобы получить возможность улизнуть куда-нибудь, где можно погопять мяч или еще как-то поиграть. Но при этом, если ему попадаетсся серьезный вопрос, тотчас же преображается в глубоко мыслящего юношу и дает очень серьезные ответы.

Шестеро видящих вполне сознают, что остаются непонятными, а часто подвергаются даже мощным атакам критики со стороны тех, кто должен был бы их "уважать и защищать", как сказал об этом великий богослов Урс фон Бальтазар. Они вполне уверены, что им является именно Пресвятая Дева Мария и что они пужны Ей в качестве орудия для передачи всему человечеству слов, пришедших с Небес.

"Этого будет вполне достаточно, – подумал я, вынимая из машинки последний листок. – Теперь я могу спокойно пачать собираться в путешествие".

Через Джимми Стофреля я связался с "Центром Мира", находящимся в Бостоне. Единственной целью, которую ставит перед собой эта организация, является распространение посланий из Меджугорья через литературные публикации и организацию паломничеств. Джимми был в паломничестве, которое организовал Центр в поябре прошлого года. Когда я узнал, что следующая паломническая группа отправляется в дорогу тридцатого апреля из Нью-Йорка, то сразу же записался в нее. Терри должна была остаться дома, поскольку наши дети тогда еще были слишком малы, чтобы покинуть их на такой долгий срок. К тому же у нее самой не было никакой охоты ехать. По мере того, как дешь отъезда приближался, она выглядела все менее и менее довольной.

Вторым педовольным лицом был наш пастор Билл Вингард. Мы с ним провели несколько пламенных дискуссий в его кабинете, сосредотачивая

внимание на проблеме, можно ли утратить контакт с Христом, если энергия духовного энтузиазма переносится на Марию.

"Я только и слышу: Мария, Мария, Мария!" – кричал он.

"В таком случае со слухом у тебя плоховато, поскольку, когда я говорю "Иисус", ты слышишь "Мария". Прислушайся, – просил я, – и пойми: Она – указатель на пути к Нему!"

Наши дискуссии перерастали в богословские дебаты, во время которых пастор подвергал критике несоответствие лютеранскому учению моих статей и книг, которые я ему одолжил. Меня это с каждым разом все больше огорчало, поскольку когда-то мы были близкими друзьями. Понемногу я начинал понимать, что все прихожане нашей церкви только и ждут, когда уже накопечто я "всем этим" переболею окончательно. Когда же стало понятно, что это никогда не "пройдет", меня отстранили от преподавания в воскресной школе и не допускали к проведению каких-либо собраний.

Я не давал себе отчета в том, как повлияют на меня происходящие события. Газеты были уже фактически распроданы. Благодаря бесперебойной работе нашей типографии, я получал верный доход, а потому мог начать спокойно думать о будущем. И в очередной раз я все так же не придал во внимание слов Марии о необходимости прекратить работу в газетах. В договоре с их новым владельцем находился пункт, позволявший мне и в дальнейшем публиковаться в моей собственной колонке, и даже получать за это определенное вознаграждение. Не составляло поэтому никакого труда предугадать, что после возвращения из Меджугорья я "произведу на свет" очередной цикл статей. За это время я разделил материал на две колонки – текст относился к делам, интересовавшим местные общины.

Думая о будущем, я сосредотачивал внимание на возможности сотрудничать с бывшим работником моей газеты, который раньше был хозяином рекламного агентства. Поскольку мой опыт в этой сфере был достаточно велик, я мог бы стать его консультантом.

По таким вот "дорожкам" бродили мои мысли одним чудесным апрельским утром, когда я сидел в своем кабинете и воображал, что случится со мной через полгода. И вдруг я снова услышал в своем сердце сильный и выразительный голос Девы Марии: "Если ты не желаешь исполнять Мои поручения, Я попрошу кого-нибудь другого".

Я резко распрямился и едва не выпал из кресла. Сердце во мне подскочило и я вскрикнул: "Да, я хочу это сделать!" Прийдя в себя от мощных звуков собственного голоса, я почувствовал себя очень глупо и подумал, что чрезмер-

но сильное воображение начало играть со мной нехорошие шутки. Однако сразу же эта мысль была отброшена. Упрек был очень мягким. Я знал, очень хорошо знал источник, из которого он происходил, как и то, что этот упрек означает. С этого момента я прекратил думать о работе в рекламном агентстве и начал готовиться к поездке...

30 апреля Терри отвезла меня в аэропорт. Здесь, в аэропорту им.Кеннеди, я отправился на поиски зала, в котором должна была встретиться наша группа. В прихожей сидела улыбчивая женщина. К ее блузке была приколата карточка с именем: "Роза Финнеган из Бостона". Когда я представился, она встала и обняла меня со словами: "Да благослови тебя Бог, Уэйн. Ты, лотерани, – и все же едешь с нами!"

Несколько голов повернулось в мою сторону, чтобы увидеть означенного протестанта. Роза, приколов визитную карточку мне к куртке, отошла в сторону, разглядывая дело собственных рук. Ее улыбка была невыносимо искусственной. Я терпеть не мог карточек с именами и срывал их с себя всегда при первом же удобном случае. Но на этот раз я был обречен в течение восьми дней таскать на себе идентификационную табличку – визитную карточку...

Я прихватил с собой несколько книг о Меджугорье. Отойдя в сторону, я устроился в кресле поудобнее, намереваясь с головой погрузиться в чтение. Вынимая книгу из сумки я заметил карточку с надписью названия организации – "Центр Мира". Мне вспомнилось все то, что говорил об этой организации Джимми Стоффель...

Ее основал Джош Хилл, богатый бизнесмен из Конкорд в штате Массачусетс. В детстве он прошел суровую школу жизни, однако был очень везуч: к чему только не прикасался – все ему удавалось. Он был предпринимателем, занимающимся сразу несколькими видами деловой деятельности. Между прочим, он был владельцем фабрики по производству неоновых ламп и Целого ряда лавочек, устроенных по давнишним образцам. Джош принадлежал к тем людям, у которых независимость является основой всего характера. Когда друзья дали ему для просмотра видеокассету с фильмом о Меджугорье, он очень легко пришел к убеждению, что эта информация открывает шанс мирного будущего для всего мира. По словам свидетелей, он был взволнован, как никогда. По вероисповеданию он считал себя католиком, хотя в костел приходил только в дни бракосочетаний и похорон своих знакомых. И к тому же до встречи с событиями в Меджугорье он фактически не молился.

Вспоминая его жизнь, настолько похожую на мою собственную, я посмеял-

ся над самим собой. Мария призывает в свою армию странных апостолов. Я усмехнулся еще раз, вспомнив о том, что когда визионеры спросили Марию, почему она выбрала именно их, то ответом было: "Я не всегда избираю наилучших..."

Джон и его друзья почувствовали, что к ним обращается Сам Бог, и основали "Центр Мира", с офисом, устроенным здесь же, на фабрике неоновых ламп, и начали вербовать сторонников. В определенном смысле слова они были первопроходцами. Их задача была связана с подготовкой поездок в местность, совершенно неизвестную международным туристическим бюро. Сегодня дело поставлено уже на широкую ногу, однако в первое время они должны были начинать все буквально с нуля. Самым забавным было то, что сам Джон при этом так и не побывал в Меджугорье. Он был убежден, что его задание заключается в оказании помощи тем, кто хочет туда попасть.

Голос в репродукторе объявил посадку на наш рейс. Я встал с кресла и присоединился к очереди. Все были возбуждены, поскольку начиналось самое главное приключение нашей жизни. В группе было около семидесяти человек – мужчин и женщин, молодых и пожилых.

В самолете я расположился рядом с молодой женщиной, родом из Филадельфии, по имени Маурин Томпсон, искренней и дружелюбно настроенной. Мы начали рассказывать друг другу, как случилось, что мы заинтересовались Меджугорьем. Позднее я сделал открытие: каждый оказался в группе своим особым, не похожим на любые другие путем. Понемного пришло понимание: нечто похожее происходит во всех паломничествах. Хотя нужно признаться, что еще перед вылетом я обратил на Маурин внимание. Почему-то мне показалось что она – монахиня. Ее платье было очень похоже на облачение. Я знаю, что некоторые монашеские ордена теперь уже дают возможность в определенных обстоятельствах одеваться в обычную современную одежду; наверное поэтому, подумалось мне, она не одела рясу. Но оказалось что Маурин окончивает акушерские курсы. Она прослышала о Меджугорье и горячо захотела туда поехать, но она не могла найти нужных денег, чтобы оплатить дорогу. Тогда написала в "Центр Мира" с просьбой об информации, с надеждой, что когда-нибудь ей все же удастся воспользоваться их услугами. В молитве она говорила Богу о том, как сильно хотела бы поехать в Меджугорье, но когда узнала, что в общей сложности стоимость путешествия составляет тысячу триста долларов, поняла, что надежд на осуществление своей мечты у нее нет. И тогда-то она получила письмо от университетской

администрации. С изумлением она прочла, что, честно внося плату за обучение в течение четырех лет, она, оказывается, переплачивала, так что в конце-концов накопилась сумма, немного превысившая пятьсот долларов. К письму был приложен чек на получение этой суммы. В ту же неделю к ней обратился чиновник из палоговой инспекции: подавая сведения о доходах Маурин, инспекция ошиблась, и потому ей возвращают более пятисот долларов! Когда ее родители узнали о таком потрясающем воображении стечении обстоятельств, то без колебаний согласились добавить недостающую сумму.

"Вопреки всему случившемуся, меня бы не было здесь, поскольку я обязана на этой неделе сдать выпускной экзамен, — рассмеялась она. — Но, поразмыслив над всем происшедшим, я пришла к выводу, что, должно быть, сама Благословенная Матушка призывает меня в Меджугорье. Написала прошение в ректорат о перенесении экзаменационных сроков и получила на это согласие".

Ее рассказ был поразительным. Впервые в жизни я услышал, как кто-то называет Деву Марию "Благословенной Матушкой". Честно говоря, я впервые встретился с личностью, обладающей таким искренним, подлинно католическим характером. С этого момента Маурин Томпсон сделалась моим "католическим связным". И так оно и оставалось до конца путешествия. Но когда несколько позднее я узнал от нее, что она переживает кризис веры, то был ошарашен...

Кто-то, сидящий впереди нас, отодвинул занавеску от иллюминатора, и я изумленно увидел, как высоко стоит в небе солнце. Самолет начал заходить на посадку...

Молись, молись, молись...

В молитве обретишь для себя

величайшую радость и с ее помощью

найдешь выход из наитруднейших ситуаций...

11.

Деревня

Из литературы я узнал, что первые хорваты появились на побережьях Далматии в 6 веке, когда римляне начали отступать с территорий завоеванных прежде стран. В те времена хорваты были полукочевыми земледельцами, происходящими из районов, которые мы нынче называем Украиной. Здесь поселились также и сербы, исповедовавшие православие. В средние века выяснилось, что совместное проживание сербов и хорватов образует этническую "гремучую смесь". Известные распри между братскими Церквями – восточной /православной/ и западной /римско-католической/ – "успокоили" турки, которые на всех оккупированных территориях насильственно внедряли ислам. В 16 веке Турция господствовала над большей частью Балканского полуострова, и такая ситуация продолжалась около трехсот лет. Не без повода о Балканах существует мнение, как о регионе, история которого обогрета кровью.

Отец Светозар, хорват по рождению, выросший в Боснии-Герцеговине, скажет мне позднее: "Когда в 1525 году мой приход был оккупирован турками, в нем уже действовали францисканцы. Ими были построены два костела, в которых служили двенадцать священников. Семерым удалось бежать, пятерых долго мучали, а затем утопили в реке Неретве. Христиане бежали и старались найти себе укрытие. За триста лет каждый год лишь два-три раза в места, где скрывались христиане, мог тайком пробраться священник, чтобы совершить Евхаристическую Литургию, окрестить детей, обучить вере и поддержать духовную ревность о Боге. Если турки обнаруживали такие группы, то безжалостно убивали всех, вне зависимости от возраста и состояния."

Помню, когда я был ребенком, моя мама раз в год пробиралась в такие укрытия, чтобы поклониться останкам мучеников. Усаживала меня на землю,

а сама, молясь, обходила на коленях круг за кругом все могилы. И когда я теперь вспоминаю об этом, то думаю, что ее жизнь и посвященность вполне отражали самую суть истории нашего народа. А со времени изгнания турок наша история – это история веры и борьбы за ее сохранение".

Самолет приземлился, и к дверям подогнули высокий передвижной трап. Все мы сразу же обратили внимание на уставившуюся на нас группу военных с автоматами. При таможенном контроле, проверке паспортов и багажа ни один из чиновников ни разу не улыбнулся. Казалось, что их вовсе не интересует, какое впечатление произведет на нас их страна. Несколько раз нам посоветовали спрятать подальше четки Розария и другие предметы, связанные с религиозной жизнью. Коммунисты делали все, чтобы воспрепятствовать ввозу в страну подобных вещей; и иной раз даже то, что имело отношение к личному благочестию приезжих, отбирали и оставляли на хранение до времени отъезда.

Неприятное впечатление, оставленное у нас с этим первым приветствием, развеялось, впрочем, когда подъехал наш автобус. Сестра-диакония Маргарет Симс, оказавшаяся нашей "путеводной звездой", была очень мила. Сотрудничая с "Центром Мира", она провела в Меджугорье уже два месяца. Мы ехали два с половиной часа, но, вопреки сильной усталости, время проходило в очень приятном общении. За окнами каждый раз открывался все новый и новый пейзаж, похожий на красивые почтовые открытки: лазурная Адриатика, разбросанные там и тут группы выстроившихся несколько сотен лет назад домов, которые были, казалось, приклеены к поросшим густым сосняком скалам побережья, маленькие городочки, уютные в оконечностях очаровательных заливов. Беспрерывно раздавалось щелканье затворов фотоаппаратов. Пейзаж того стоил!

Мы должны были поселиться в семейных домах хорватов в Цетлоке, отстоящем от Меджугорья на расстоянии более чем четырехсот километров. Здесь никто не говорил по-английски, и мы объяснялись исключительно при помощи жесты. После встречи с гостеприимно принимающими нас семьями мы распаковали и разложили вещи, а затем быстро вернулись в автобус, поскольку приближалось 18.30 – время ежедневных откровений.

Почти что половина нашей группы сидела уже в автобусе, когда какая-то женщина, сидевшая впереди, крикнула: "О Боже, посмотрите на солнце!" Я не мог поверить в то, что увидел, когда глянул в указанном ею направлении: вокруг солнца за час до захода виднелась корона. Все выглядело так, как будто затмение позволило нам глядеть на солнечный диск. Но вместо темного силуэта

месяца слепящий глаза солнечный круг был прикрыт как бы белым кружочком. Мы могли смотреть на солнце, не прищуриваясь. А потом этот белый кружочек начал вращаться, а корона вокруг солнца окрасилась всеми цветами радуги. Это было совершенно потрясающее зрелище!

"Не могу поверить! – прошептал я, не отрывая взора от солнца, сидящей рядом со мной Маурин. – Это невозможно! Я гляжу прямо на солнце, это должно было бы вредить моим глазам, но все нормально... И мне кажется, что я мог бы смотреть так еще очень долго – столько, сколько захотелось бы..."

Я с недоверием покачал головой.

"Смотри, – ответила мне Маурин, – с остальными дело обстоит точно так же. Все так видят!"

Нет смысла говорить о том, что, пока удалось вернуть всех в автобус и выехать, прошло немало времени, и мы, конечно же, опоздали, но это нас не беспокоило. Мы были потрясены тем, что видели на солнце!

Мы должны были бы проехать еще километра три, когда открылся первый знакомый всем вид – гора Крижевац /"Крестная гора"/. На ее вершине я заметил крест и, помню, удивился, что он так невысок. Мне почему-то все время казалось, что крест должен господствовать над долиной. Когда мы проехали через мост и въехали в Меджугорье, все вскрикнули от радости: впереди виднелся костел Святого Иакова, легко узнаваемый благодаря двум своим башням. Он был именно таким, каким известен всему миру по видеофильмам. Значит, мы прибыли на место назначения!

Автобус остановился прямо перед усаженной деревьями аллеей, ведущей к костелу. Мы быстро пошли на то место, где перед принадлежащим костелу домом собралась большая толпа. Явление уже окончилось, но толпа не расходилась, и мы захотели присоединиться к ним. Именно в этот момент распахнулись двери и появилась одна из видящих, Мария, как всегда спокойная и уравновешенная. Сопровождаемая священниками, она шла по направлению к костелу. Когда она пересекала лужайку перед домом, толпа бросилась к ней, а те, кто стоял наиболее близко, кричали, прося ее о молитве, протягивали руки, чтобы к ней прикоснуться. Все это напоминало мне те толпы, которые бегали за Арнольдом Пальмером после соревнований по гольфу в штате Джорджия. Мне тогда особенно запомнилось выражение лица одного мужчины, которому удалось получить автограф: он был счастлив, как ребенок, и его лицо буквально светилось – точно так же, как лица людей, бросившихся вслед за Марией.

Мария со священником вошли в ризницу, а толпы двинулись по направле-

нию к главному входу в костел, поскольку вскоре должна была пачаться Божественная Литургия на хорватском языке. Я и Маурин задержались с тыльной стороны костела.

"Смотри! Смотри!" – тихонечко толкнула меня в бок Маурин, показывая на окно ризницы. Я посмотрел и увидел, как Мария помогает священнику одевать литургическое облачение. Тихая благодать наполнила мою душу при виде этой сцены. Из глубокой молитвенной задумчивости меня вывел удар колокола, зовущего к началу Мессы.

Мы побежали ко главному входу в костел и увидели, что внутреннее пространство совершенно переполнено людьми. Все скамьи были заняты. Люди теснились в проходах, тесно прижавшись друг к другу. Месса началась с торжественного пения на хорватском языке. Мощь его была такова, что вибрировали стены костела!

Я пошешному протискивался вперед со стороны левого придела храма и делал это до тех пор, пока не почувствовал, что дальше не удастся и шагу ступить. Могучая мелодия богослужебного пения пронизывала дрожью все мое тело. Я обратил внимание на то, что многие плакали. Мои глаза оставались сухими. Я был слишком переполнен впечатлениями для того, чтобы выразить это в одном лишь плаче. После наблюдения солнца, после созерцания креста на Крижеваце, после того, как я увидел Марию, помогающую облачиться к Мессе священнику, я почувствовал себя настолько ошарашенно, что мой разум и чувства попросту начинали отключаться... Ни видеокассеты, ни книжки, ни даже отец Скоцци – ничто по-настоящему не смогло подготовить меня к тому, с чем я здесь соприкоснулся.

Неожиданно я почувствовал, что кто-то потянул меня за рукав. Я оглянулся и увидел старушку, по виду – хорватку не менее чем семидесяти лет, которая жестом предложила мне сесть. Она уступала мне свое место! Пораженный, я отказался. Седоволосая женщина с опаленным солнцем и морщинистым от жизненных тревог лицом продолжала настаивать. Я снова отказался, улыбнулся и жестом попросил ее остаться на своем месте. Это кончилось тем, что она крепко, матерински взяла меня за руку и попросту усадила на скамью. Уже сидя, я, минуту поразмыслив, сообразил: так она выразила покорность и послушание Благословенной Матушке Небесной, Которая просила, чтобы жители Междугорья давали паломникам все с той же щедростью, как давал бы Ее Сын.

Я сделал то, о чем просила старушка в черном платке и в черной рубашке: сел на ее место, а она осталась стоять в проходе.

...Я сидел – и чувствовал, как по моим щекам заструились слезы.

*Радуйтесь всегда в Господе; и еще говорю: радуйтесь.
Кротость ваша да будет известна всем человекам.
Господь близко.*

/Филипп. 4.4-5/

12.

Птицы в полночь.

Вечером мы поехали на общий ужин в гостинице в Цетлоке. За столом каждый старался поделиться своими впечатлениями. Когда я рассказывал о хорватской старушке, уступившей мне свое место, то был так при этом взволнован, что не мог даже есть. На других не меньшее впечатление произвели гигантские толпы людей, теспившиеся в костеле. Многие из них все время стояли, хотя Месса длилась не меньше чем два часа. И всех до глубины души тронул особенно возвышенный торжественный характер совершавшегося Евхаристического Богослужения.

Следующие три дня стерлись из моей памяти. Утром мы приходили на Мессу, совершавшуюся на английском языке, а вечером – на хорватском. Никогда бы я не поверил, если бы мне сказали, что я столько времени буду проводить в костеле – и к тому же с удовольствием! Во время явлений все мы, обычно, мешались с толпой, стоявшей перед приходским домом.

В понедельник вечером, когда вся группа уже возвратилась в Цетлок и мы принялись ужинать в гостиничном ресторане, в залу вошла сестра Маргарет. "Я знаю, что уже довольно поздно, – сказала она, с трудом переводя дыхание, – но сегодня во время полуденного явления Богоматерь обещала визионерам, что явится им вечером на Подбрдо. – Сестра сделала паузу, чтобы спокойно заполнить легкие воздухом. – Автобус вас уже ждет. Кто хочет ехать, должны выходить сейчас же".

Послышалось бречание откладываемых ложек и скрип отодвигаемых кресел. Как вихрь, мы вылетели во двор и заняли места в автобусе. Когда мы подъехали к подножью горы, я почувствовал разочарование, поскольку множество автобусов приехало раньше нас. А мне казалось, что только нас уведомили об этом специальном открытии.

Мы присоединились к остальным пилигримам, взбиравшимся в крошечной тьме безлунной ночи на гору по крутой каменистой тропочке. Нельзя было зажечь даже карманного фонарика, поскольку коммунистические власти запретили любые сборы на горе. Было так темно, что я едва различал силуэт человека, карабкающегося вверх передо мной, но, несмотря на такой мрак, никто не спотыкался и не жаловался. Я шел вперед, и возникало впечатление, что стопы сами находят соответствующее место на тропе, куда можно было бы безопасно стать. В небе сияли мириады звезд, и хотя они не освещали нашего пути, но в этот вечер помогли создать удивительное пасторальное настроение.

Мы поднялись на вершину, и нам удалось отыскать немного свободного пространства. Мне казалось, что ясновидящие находятся очень близко. Судя по шепелящему шепоту молящихся голосов, людей собралось очень много. Сестра Маргарет предупредила нас, что ни в коем случае нельзя делать фотографии, пользуясь вспышкой. Перед этим я услышал то же самое предупреждение, повторенное проводниками групп по-французски, по-итальянски и по-немецки. В каждой группе, однако, всегда найдется кто-то, кому кажется, что для него закон не писан. Так было и теперь: некоторые, не зная ни о чем, делали снимки, используя фотовспышку, и тем самым подавая каждому, кто глянул бы в эту сторону, явный знак, что на горе происходят какие-то события...

Около одиннадцати часов /из-за темноты я не мог нормально разглядеть часы на руке/ началось явление, и все голоса умолкли. Было слышно только, как где-то совсем недалеко от нас визионеры молятся по-хорватски. Прерывались... вновь начинали... Я чувствовал, что теперь уже вместе с ними молятся и Дева Мария... Через некоторое время они начали тихонько с Нею разговаривать, когда по очереди, а когда и сразу несколько в одно и то же время.

Прошло время. В тишине кто-то из визионеров приглушенным голосом воскликнул: "Оде!", что означает: "отошла /удалилась/". Кто-то повторил это по-итальянски, затем послышалось это же слово в переводе на английский... Иван поручил всех нас /не знаю, что бы это означало/ Благословенной Матери, которая передала Свою радость по поводу того, что мы пришли на гору. Общий смысл Ее послания был таков: когда мы вернемся домой, каждый должен побудить свою семью к совместной молитве, поскольку, если мы будем молиться все вместе, то вместе освятимся, а тогда Она сможет посвятить нас Своему Сыну, как чудесный расцветший цветок. Пресвятая Дева благословила всех, кто в эту ночь пришел на гору.

Люди, услышав эту новость, начали радостно шептаться. Все поднялись с земли и начали спускаться вниз по терпящейся во мраке скалистой дорожке. Нас было

так много, что спускаться пришлось очень медленно, но никто на это не сердился. Кто-то тихим голосом запел "Ave, Maria", и все остальные присоединились к нему. Мелодичная песня плыла повсюду – над нами в ночном воздухе, около нас и под нами, на нижней части тропы. Хотелось остаться там навсегда.

И когда мы уже стояли на шоссе и ждали остальных, слушая пение людей, пока не прибыл автобус, кто-то воскликнул: "Мой Боже, послушайте, как поют птицы!" "Да, да, – ответил я, – это прекрасно!" – "Ты ничего не понял. Птицы никогда не поют по ночам!"

Действительно, создавалось впечатление, что все птицы во всей долине начали петь во все горло, как будто бы приближался рассвет, а не полночь. И пение их слышалось еще и тогда, когда мы сели в автобус.

Сперва, пока автобус протискивался через узенькие улочки, никто ничего не говорил. Каждый в тишине переживал это маленькое чудо, которое еще несколько минут тому назад окружало нас со всех сторон. Да, так и есть: мы были свидетелями совершившегося откровения, и Матерь Божия нас благословила. И мы сошли с горы при звуках пения сотен людей, чтобы услышать в долине в полночь пение тысяч птиц. О да, все это могло означать только одно: Бог на самом деле реально здесь присутствует и находится среди нас!

Тишину в автобусе нарушила одна весьма угитанная женщина: "Как я ужасно разочарована! – воскликнула она. – Я ничегошеньки не видела! "Я поглядел в ее сторону весьма недоверчиво: "А что Вы хотели увидеть? Вы ведь были там во время явления Пресвятой Девы Марии с самого начала. Вы ведь были там?" – "Да, по некоторые говорят, что видели какой-то мимолетный свет, какие-то лучи... А я ничего не видела!" Я поморщился и замолчал. В течение всех дней нашего пребывания здесь я неоднократно слышал, как люди выражали вслух свое разочарование тем, что не увидели чуда с солнцем, или тем, что их четки не переменяли свой цвет на золотистый. Для меня знаки и чудеса были самоцелью, по люди, которые повстречались лично со знаками или чудесами, чувствовали себя обманутыми. Мне казалось, что они попросту не доросли до понимания того, что самым великим чудом является духовное преображение людей, которые сюда приезжают и которые здесь живут постоянно. Люди обретают любовь к Богу и к тем, кто существует рядом с ними, а это, согласитесь, не так зрелищно, как переливающееся всеми красками солнце. Позже я понял, что обращение разных людей может выглядеть тоже по-разному, но, в конечном итоге, именно оно становится важнейшим моментом паломничества в Меджугорье. Наверняка и эта женщина однажды пропитнется той благодатью, которая влилась в нее сегодняшней ночью на вершины горы.

До гостиницы мы добрались уже в полночь. Хотелось разговаривать о пережитом еще и еще, но усталость валяла с пог, и я пошел спать. На отдых оставалось очень мало времени, а я решил, что на следующее утро встану очень рано и пешком пройду от Цетлюка до Меджугорья, чтобы взойти на гору Крижевац на рассвете. Я не знал, в котором часу начинается восход солнца, но мне хотелось взойти на вершину чуть раньше, чтобы уже оттуда увидеть, как из-за горизонта показывается краешек светила.

Несколько человек захотели пойти вместе со мной, но, в конечном итоге, я договорился лишь с Мауриш и с Берни Ханелеем. Когда я проснулся и включил фонарик, мои часы показывали ровно четыре часа ночи. Я быстро оделся, постучал в дверь комнаты Мауриш и пошел в гостиную – дожидаться остальных. Мауриш заглянула туда уже через минуту, бледная и измученная.

"Я так плохо себя чувствую... Очень хочется с тобой пойти, но, кажется, мне нужно основательно отдохнуть, – она на мгновение прервалась. – А не могли бы мы перенести все на завтра?"

"Мауриш, я должен идти туда сегодня. Даже если ты не в состоянии. Но, если ты захочешь, завтра мы сможем сходить туда еще раз".

Ночь была темной и безлунной. Прозрачный воздух и мириады звезд так очаровали меня, что я перешел мост, совсем позабыв о Берни.

На этот раз песни птиц не было слышно, и у меня сложилось впечатление, что на этой равнине я – единственное живое существо, способное передвигаться. Не было видно ни птиц, ни коров – ничего. Путь мой освещали лишь мерцающие в неведомой вышине звезды. Я шел быстро, поспешно перебирая четки и совершая по ним молитву Святого Розария. Шло время. Далеко впереди начал вырисовываться контур горы Крижевац. Наша группа еще не совершила медитативного богослужения Крестного Пути, проводимого на горе Крижевац, но ее вершина уже была любима мной. Она сделалась в моих глазах добрым ангелом, хранящим деревушку, доверчиво расстелившуюся у ее подножья. Глядя на едва виднеющийся силуэт горы, я заметил свет, охватывающий самую ее верхушку. "Наверное, это огни предостережения для самолетов... Но все равно – красиво", – подумал я, с удовольствием глядя в дальний ореол света. Неожиданно я понял, что технические огни выглядят совершенно по-иному. Более того, они никогда не бывают такими, как созерцаемое мною сияние. Их свет никогда не льется так, я бы сказал, жидко. Увлеченный, я увидел, что свет начал пульсировать – не ритмично, без особого порядка, плавно усиливаясь и так же плавно опадая. Ноги мои отказывались идти дальше: я стал, как вкопанный, и смотрел, смотрел... А в сердце моем явственно зазвучали слова: "Все это – специальный дар для тебя".

Я был очень взволнован. Душу мою окутали могучая волна спокойствия, радости и благодарности. Глубоко вздохнув, я двинулся дальше, читая молитвы Святого Розария еще более старательно, чем обычно. Довольно часто я поднимал глаза к вершине горы. Свет был там все время, то ослабевая, то усиливаясь. Прошло минут двадцать; оторопь моя понемногу исчезла. "Ну, что? Не достаточно ли с тебя этого? – мысленно обратился я к самому себе. – Ты видишь это своими собственными глазами, и нет никаких сомнений в том, что там действительно что-то светится".

Свет был виден все время, пока я шел по направлению к костелу. Он начал понемногу бледнеть только тогда, когда заалел горизонт за Подбрю. Я был настолько взволнован, что, когда дошел до горы и начал подниматься вверх по скалистой дорожке, задерживался и молился около каждого из поставленных здесь четырнадцать стоящий Крестного Пути. Такова была древняя и прекрасная традиция Католической Церкви, я когда-то читал об этом в книгах. Во время молитвы дух Божией любви наполнил мое сердце, и я осознал все величие и безмерность жертвы Христовой.

На вершине стоял очень большой бетонный крест, устроенный жителями деревни в 1933 году в память 1900 годовщины распятия Иисуса. Крест был целиком из литого бетона. Когда я смотрел на него, солнце начало прикасаться лучами к верхней части вертикальной балки. Все мои мысли были единственно о том, какого огромного усилия потребовало строительство этого колосса. На вершину горы не вела ни одна другая дорога, кроме единственной круглой тропинки. Значит, местные крестьяне должны были вытаскивать все на своих плечах – и женщины трудились здесь паровоз с мужчинами. Этот крест – вечный знак, свидетельствующий об их самоотверженности; а, может быть, и объяснение мотивов, которыми руководствовался Бог, одаряя их совершенно особым избранием.

Я спял рюкзак и уселся на камне у подножия креста, глядя на то, как шаг за шагом отвоевывает у тьмы раскинувшуюся внизу долину. В Америке мне никогда не приходилось сидеть подобным образом в течение столь долгого времени без какого-либо конкретного дела. А сейчас я даже и не думал ни о чем. Меджугорье начало производить во мне многочисленные и многообразные перемены. Я чувствовал себя так, как будто искупался в светлом источнике, специально для меня приготовленном Пресвятой Девой. Вспоминалось и то, что я однажды ночью прочел в какой-то из книг о Меджугорье: там говорилось, что, по свидетельству Девы Марии, Она Сама каждое утро молится Своему Сыну у подножия этого креста.

Обняв колени руками, я глядел на просыпающуюся долину. Чувство было такое, как будто я стою у порога рая.

Мои мечты были прерваны звуком шагов, доносившихся со стороны тропинки. Появился запыхавшийся Берни. "Ты почему меня не дождал? Я уже думал, что ты проспал, и решил идти сам", – бросил он мне сквозь прерывистое дыхание. "Берни, прости меня! Это утро так околдовало меня, что я позабыл о тебе", – ответил я ему с искренним раскаянием в голосе.

Из рюкзака была извлечена буханка свежего домашнего хлеба, ставшего в Меджугорье моим любимым и часто единственным питанием. Я прихватил с собой также и пару баночек с соком. Разложив все это на мне, я пригласил Берни к завтраку. Пока мы ели, я решил рассказать ему обо всем, что было мной сегодня пережито, но при этом я старался быть очень осторожным: отпечатавшееся во мне не давало возможности быть до конца искренним.

– Берни, ты видел что-нибудь светящееся здесь, на горе, когда шел в эту сторону?

– Нет, а что?

– Ну, видишь ли... Я заметил нечто такое...

Я принялся описывать ему все, что открылось моим глазам перед рассветом. Все чувства мои зашоро и сколыхнулись. А Берни с улыбкой ответил: "Это исключительное благословение. Я когда-то уже слышал об этом. Чаще всего тогда, когда кто-нибудь из деревни замечает свет, то идет по домам и сообщает всем другим, чтоб и они увидели..."

На мои глаза навернулись слезы, я попросил у Берни прощения и ушел на другую сторону вершины. Не могу сказать, что я начал именно молиться. Просто я позволил своему сердцу упорхнуть в самое небо. Не знаю, сколько времени простоял я там. Меня растормошила Маурин, пришедшая на гору после Мессы на английском языке. "И как же оно было?" – весело и беззаботно спросила она меня. "Что именно?" – с удивлением возвратил я вопрос. "Да восход солнца... Он был хорош?" – "Да", – кивнул я. – К тому же мне довелось увидеть нечто гораздо более прекрасное". В нескольких словах я рассказал ей об увиденном снытии. "Прости, Маурин, но я должен идти вниз. Мне хочется побыть в одиночестве. Встретимся в костеле".

"Понимаю, – согласно ответила мне она." А я уже понемногу уходил вниз с вершины, на которой было так много пережито.

Одно сделалось для меня совершенно ясным: буду писать книгу о Меджугорье. Я всегда хотел написать книгу, но не знал, ни на какую тему писать, ни когда я буду это делать. Ныне исчезли все неизвестности и сомнения.

*Я пытаюсь уговорить вас сделаться
всецелыми сторонниками Бога. Умоляю,
предоставьте себя в полное Мое распоряжение...*

13.

У врат небесных.

Сестра Маргарет договорилась встретиться с нами в костеле в 14.00 и предупредила, что для нас подготовлен специальный сюрприз. Никто не знал, что именно она имела в виду. Мы предполагали, что это будет встреча с кем-нибудь из видящих.

Я сидел на солнышке, прислонившись спиной к стене костела, и ожидал прихода всех остальных. Неожиданно в мою голову полезли мысли о книжке про Меджугорье, которую я когда-нибудь напишу. При этой мысли я усмехнулся. Моя книжка будет иной, не такой, как те, которые я до сих пор читал. Почти все из них были написаны католическими священниками и рассказывали о первых днях откровений. Лишь немногие описывали процесс обращения приезжавших сюда людей. Я же хотел бы написать о неслыханных духовных преображениях, которые совершились в душе до сих пор безразличного и холодного протестанта. Этим протестантом был я сам. Призыв, исходящий от Бога и переданный в этой малой труднодоступной деревеньке, каким-то образом должен был дойти до миллионов людей, не имеющих возможности сюда приехать. Должен был дойти и до тех, кто нуждается в этом призыве, ждет его, чтобы потом самому сделаться апостолом, благовествующим Божие откровение людям.

Я – протестант... Ну что же, тем более подлинным и убедительным будет мое свидетельство об обращении. Я резко встряхнул головой, поскольку вдруг сообразил, что уже не считаю себя протестантом, хотя и не считаю то, что происходит в Меджугорье, собственностью исключительно лишь Католической Церкви. – Кто же я? Да просто Божие дитя, прижившееся у Врат Небесных...

Несколько человек из нашей группы уже вошли в костел. Я поднялся, чтобы

присоединиться к ним. Для нас впереди были поставлены стулья. Проходя через костел, я прошел мимо немпогочсленных групп: пилигримов из Италии и Франции, глубоко ушедших в молитву. Мне пришло в голову, что наша группа – единственная из Соединенных Штатов. Кроме нескольких пилигримов из Ирландии в костеле – кроме нас – не было никого из англоязычных туристов.

Двери ризницы открылись, и вошли Мария, Вицка и Иван. Я не обратил на них особого внимания. Мой взгляд был прикован к перомонаху коричневой расы, сопровождавшему их. Небольшого роста, почти что лысый, со спокойными серыми глазами. Я сразу же узнал его: это был отец Светозар, которого я видел в видеофильме и чья книжка о Меджугорье сообщила мне больше, чем все другие. Я мгновенно оказался рядом с сестрой Маргарет: "Сестра, я должен поговорить с этим перомонахом".

"Не беспокойся, ты с ним поговоришь", – ответила она очень спокойно, с улыбкой глядя мне прямо в глаза. Я возвратился на свое место приунывший, как будто меня водой из ушата окатили: ее слова были смеем с толку... Но присутствие отца Светозара само по себе пробуждало во мне радость. Я был доволен.

Отец Светозар переводил то, что видящие рассказывали о событиях, произошедших в июне 1981 года. А потом они отвечали на вопросы: как Она выглядит? Во что одета? Какого цвета Ее волосы?

Я слушал и поражался терпению молодых людей, которым, наверняка, задают одни и те же глупые вопросы десятки тысяч раз. Так может быть только под воздействием благодати, протекающей из исполняемого ими призвания Божиего...

Когда встреча подошла к концу, я попытался пробиться к отцу Светозару, но мне мешали разные люди, переходящие с места на место. Как видно, весть о том, что отец Светозар вместе с ясновидящими проводит в костеле пресс-конференцию, разошлась уже довольно широко, поскольку неожиданно костел оказался заполнен толпами людей. Отец Светозар был окружен ими со всех сторон. Многие из них были местными жителями. Духовный отец распростер над ними руки и благословил их. Выглядел он при этом совсем как возвращающийся восвояси кандидат на пост президента. Люди были крайне счастливы. Для них отец Светозар был чем-то вроде кинозвезды.

Когда, наконец, толпа начала редеть, мне удалось схватить его за руку.

– Отец, я – американский журналист, и мне хочется вам сказать, что ваша кнжка мне очень помогла. Вы, отец, пишете сердцем, и душой. И я счастлив, что могу с вами познакомиться".

– Обождите меня немного, – шепнул он, пожимая мне руку.

Затем он повернулся к толпе. От волнения я остолбенел... Интересно, что может хотеть от меня этот иеромонах? Благословив последних из паходившихся здесь людей, он дал знак, чтобы я последовал за ним в ризницу. Мои ноги были как ватные. Едва лишь мы успели войти в двери, как за нами следом пачала протискиваться хорватская семья, прося и умоляя отца Светозара помолиться об их дочери – так мне, во всяком случае, показалось. Когда он завершил беседу с ними и они ушли, дверь была закрыта на ключ; он повернулся в мою сторону, положил руку мне на плечо, посмотрел прямо в глаза. "Уэйп, я хочу вас просить оказать мне услугу. Я написал еще одну книгу о Меджугорье и теперь ишу американского или английского писателя, который помог бы мне ее издать. Быть может, вы останетесь здесь еще дней на десять-пятнадцать, чтобы мне в этом помочь? Или же вам удастся еще раз сюда приехать?"

Я стоял, как будто громом пораженный, и чувствовал себя тем самым мальчаром, которого попросил помочь Микеланджело.

– Отче, вы обращаетесь ко мне? Да в чем же я могу помочь?

– Да, именно Вы и являетесь необходимым мне человеком. Доверьтесь мне, уж я-то знаю, – он пронзил меня взглядом пасквозь.

Я объяснил ему, что у меня есть жена и что дома я оставил двоих детей. Мне и без того было нелегко вырваться из дома даже на эти несколько дней, а о том, чтобы продлить свое пребывание здесь, не может быть и речи. "Однако же, при всем этом, – доубавил я, – возможность сотрудничества с вами, отче, является для меня большой честью. Я постараюсь организовать все необходимое после возвращения домой".

После томительного молчания духовный отец вздохнул: "Ну что же, я буду ожидать известий. А если ничего не получится, быть может вы подыщите для меня какую-нибудь помощь уже на территории Соединенных Штатов. Сестра Маргарет может взять с собой рукопись и сделать ксерокопию в "Центре Мира". Если тому суждено быть, то через месяц вы возвратитесь вместе с рукописью, а если нет, то я попрошу вас возвратить мне отредактированную рукопись через "Центр Мира".

"Согласен, – ответил я. – Попробую".

Отец Светозар обнял меня и сказал: "Да будет с тобою Бог, Уэйп".

Я не шел по опустевшим пределам костела – я порхал, я летел! И хотя я предчувствовал, что возвратиться сюда будет практически невозможно, однако был счастлив уже одним тем, что отец Светозар попросил меня помочь ему. Я пошел к сестре Маргарет и спросил:

– Знает ли сестра о той просьбе, с которой обратился ко мне отец Светозар?

– Да, – засмеялась она, – очень хорошо знаю.

– Сестра может рассказать мне что-то из того, что известно сестре; но ускользнуло от меня?

– Я говорила Светозару о том, что в нашей группе паходится американский писатель, и он этому очень обрадовался.

Я почувствовал, что за этими краткими словами стояло нечто большее, чем то, о чем она мне рассказала, и потому спросил: "Но почему, собственно говоря, он думает, что я могу ему помочь?" Однако ответа я не услышал, поскольку в этот момент ко мне подошла Маурин и несколько других весьма возбужденных особ с вопросом, почему отцу Светозару захотелось поговорить со мной отдельно. Из-за этого я уже не мог продолжать нормально разговаривать с сестрой Маргарет. Я постарался все же отметить в своей памяти, что мне необходимо когда-нибудь еще поговорить с инокиней и узнать еще что-нибудь о новой книге этого одухотворенного неромопаха.

Некоторые из группы разупали, что этой ночью я видел свет на вершине Крпжеваца, и захотели пойти со мной еще раз на гору на рассвете завтрашнего дня. Поэтому спать в этот день я лег значительно раньше. Перед сном я папомнил им всем о том, что если только они хотят поспеть к восходу солнца, то мы должны отправиться в путь не позднее четвертого часа пополудни.

Утром в путь вышли вместе со мной только двое – Маурин и парепек по имени Пауль. "Привет, Уэйи, – сказал он, когда мы двинулись в дорогу. – Ты издадека вчера заметил это свечение?" – "Расстояние было что-то около трех километров". – "А это было уже за мостом в Меджугорье или раньше? И что это, собственно говоря, было?"

Я притворился, что не расслышал его вопросов, и предложил всем вместе помолиться по четкам Святого Розария. Пауль слишком легко приходил в восторг и горел отчаянным желанием увидеть все необычное, что связано с Меджугорьем. Желание его было вполне понятным и приемлемым, но сейчас было время не для разговоров: это было время тихой беседы с Богом, очень личных, интимных размышлений о Нем. Поэтому я очень обрадовался, когда Маурин начала простым душевным голосом читать молитвы Святого Розария.

В это утро никаких сияний нам не довелось увидеть. Маурин и Пауль были разочарованы, но для меня это не было неожиданностью. Я знал, что виденное мной вчера было особенного рода подарком, несомненным доводом в подтверждение истинности доверенной мне миссии.

Когда мы подошли уже к самой горе, Мауриш сказала, что непременно хочет увидеть восход солнца с самой вершины, и прибавила шагу. Я не мог позволить, чтобы она опередила меня, а потому бросился вслед за нею. Пауль остался далеко позади.

Мы задержались на мгновение перед первой остановкой на Крестном Пути, прошептали молитву, после чего Мауриш стремглав помчалась вперед, а я – за ней. Мы были уже на четвертой остановке на Крестном Пути, когда Пауль, бледный, как смерть, догнал нас и, задыхаясь от быстрой ходьбы, спросил: "Вы что это вытворяете?"

Мауриш пожала плечами: "Для меня это нечто вроде специальной покаянной эпитимии, но для тебя все это совершенно не обязательно...". "Я приношу покаяние вместе с ней", – заявил я, поскольку принял решение не отстать от Мауриш ни на шаг.

Небо над Гюдбрдо просветлело, и солнце могло показаться в каждое мгновение... А ведь мы хотели видеть восход с вершины горы. Обливаясь потом, мы появились на вершине как раз вовремя. Наши усилия вполне были вознаграждены! Меньше чем через минуту после того, как мы окончили молитву при последнем стоянии на Крестном Пути, на вершине как-то сразу же, вдруг просиял день, и нас залило бриллиантово-золотистое свечение. Мы с Мауриш стояли у подножия креста, не имея возможности произнести ни звука от изумления. Некоторое время мы наслаждались папорамой пламенеющего рассвета, а потом пришел Пауль, измученный настолько, что уже и соображать ничего не мог. Мы уселись на камнях, болтая между собою, делясь домашней выпечки хлебом, который я накануне купил в Цетлюке, и заливая его фруктовым соком. Оглянувшись вокруг, мы обратили внимание на то, как много мусора накопилось на вершине. Я подобрал бутылку из-под кока-колы, конфетные бумажки, недоеденный бутерброд и выбросил все это в специально выкопанную сбоку яму для отходов и мусора. И камни, и трава, и мусор, – все вокруг было покрыто росой. Выбросив мусор, я попытался вытереть руки о влажные брюки, как вдруг на куче использованных бапок и бутылок я увидел что-то, отдаленно напоминающее фотографию. Я прыгнул в яму и поднял эту карточку. Удивительно: образочек Иисуса, величиной где-то 12 на 15 сантиметров! Еще удивительнее было то, что все вокруг было мокрым от обильной росы, а образочек был совершенно сухим. Когда мы взобрались на вершину, здесь никого не было, и никто не встречался нам по дороге... Следовательно, образок должен был пролежать на мусорной куче в течение всей ночи... Да, но он был совершенно сухим!

– Маурин, – закричал я, – иди сюда!

Я показал ей образочек:

– Невероятно, везде роса, а на нем – ни капли влаги!

– Дай мне его, дай мне его, – воскликнула она и, схватив образок, прижала его к сердцу, словно не видя ничего особенного в том, что он не был мокрым.

Мне было ужасно досадно, поскольку мне очень хотелось оставить этот образочек себе. Но я вспомнил, как щедро был одарен накануне, и подумал, что, может быть, этот дар принадлежит ей.

"Откуда же он здесь появился", – недоумевал я. Мы поглядели на его оборотную сторону. Здесь от руки была написана дата: "18 июня 1986 года".

– Похоже, что этот образочек – европейского происхождения, – сказал я, – поскольку сперва в подписи указан день, а потом уже месяц. Но почему же здесь нет ничего, кроме одной лишь даты? И почему обозначен день, который наступит через шесть недель?

Маурин это тоже заставило задуматься. Она показала образочек Пауло и спрятала его в карман. Через некоторое время мы начали спуск, чтобы успеть к началу Мессы. И вскоре совсем позабыли об образочке с обозначенным на нем днем, который еще только должен был наступить.

В последний день нашего пребывания в Меджугорье все вокруг как будто бы высветлилось и прояснилось. Все более определенно я начинал осознавать, как сильно мне не хочется уезжать отсюда. Не с ума ли я сошел? Ведь я так все время тосковал за Терри и детьми, дожидаться не мог, когда я, наконец, их увижу. Во время утренней Мессы меня охватила буря чувств. "О Боже, – шептал я, – это мой последний день на земле Меджугорья".

Мое сердце разрывалось, поскольку, несмотря на просьбу отца Светозара и отчаянного собственного желания возвратиться в Меджугорье, я не надеялся на то, чтобы это оказалось осуществимым.

Остаток дня промелькнул незаметно – и слишком быстро! Куда бы не падал мой взор, везде различал я что-то такое, что мне хотелось бы запомнить навсегда. Солнце начало клониться к западу, и вскоре пришла время идти в костел на молитву Розария, которая обычно предваряла Евхаристию, совершаемую на хорватском языке. Мы вошли в костел, и мой взгляд уперся в стоящие в тыльной части храма исповедальни. Они стояли по три справа и слева, и над каждым виднелась надпись: "Хорватский", "Немецкий", "Французский", "Английский"...

Скамейки, как всегда, были уже полностью заняты, но в последнем ряду справа люди подвинулись и освободили мне место, пригласив сесть вместе с

ними. Началась молитва, по мысли мои были не о тайнах Розария. Я думал об исповеди. Вот уже который день мною владело желание пойти к исповеди. Это было нечто новое для меня, протестанта. Мы, лотеране, признаем только формально совершаемую общую исповедь во время литургии. Меня поражало число пилигримов, тихо стоявших чередой в ожидании своей очереди участия в этом особешном таинстве. Несколько человек из нашей группы уже спрашивали меня, пойду ли я к исповеди. По мере "накопления" влияния Меджугорья многие паломники чувствовали необходимость очищения души в таинстве исповеди. И многие приступали к этому таинству после перерыва длиною в долгие годы. Так исповедь становилась деянием, подытоживающим и запечатляющим все, что было пережито в Меджугорье.

И я тоже хотел пойти к исповеди. Но... можно ли мне, протестанту, прибегнуть к этому чрезвычайному таинству? Я спросил об этом сестру Маргарет, но она не знала об этом. Я был первым протестантом, привезенным ею в Меджугорье. И как тут было рассудить: с одной стороны – к этому таинству можно приступить, только будучи католиком, но с другой – можно ли отказать кому-то, если он хочет покаяться? Я спросил об этом Маурин, которая тут же принялась уговаривать меня смело идти на исповедь. "Только не ходи к отцу Аркадию, – доверительно сказала мне она. – Это вопиющий священник, с седой бородой и горящими глазами. Я была у него на исповеди. Он ужасно строг, даже для нас, католиков. Протестант, впервые идущий к исповеди, наверняка этого не выдержит". И она дружески мне подмигнула.

Окончательное решение оставалось за мной, а я решил, что подожду со всеми этими возвращениями домой. Я был так сильно убежден в необходимости для себя таинства исповеди, что намеревался попросить своего пастора принять мою исповедь. Я попытался сосредоточиться на молитве Розария. Но, по мере того, как близилось время начала Мессы, мои мысли все более разбегались в стороны, а оставалась одна единственная: я молюсь тут в последний раз!.. В конце концов, не имея больше сил бороться с нависшими над меня переживаниями, я встал и пошел к выходу. Проходя мимо исповедальни, предназначенной для итальянцев, я взглянул на надпись, а потом заглянул в глаза сидящего там могучего пожилого священника. "Итальяно?" – спросил он. "Ноу. Инглиш", – ответил ему я. И этот ответ решил мою участь: он понял меня по-своему и, с улыбкой ухватив меня за плечи, буквально затолкал в стоящую рядом следующую исповедальню с надписью "Инглиш". Теперь я уже должен был начать исповедь, хотел я того или нет!

Когда я преклопил колени на жестком деревянном подколенишке, то

почувствовал боль в ногах. Еще бы, в течение всей этой недели я так много – впервые в жизни – стоял на коленях! Я поглядел в зарешеченное окошко исповедальни и увидел там профиль священника с седой бородой – одного из тех, что специально ездят и в Фатиму и в Лурд, чтобы оказывать в местах паломничества помощь желающим исповедаться. И был это, конечно же, отец Аркадий, от исповеди у которого меня предостерегала Маурин. Сердце во мне упало. Но теперь уже было поздно.

– Слушаю тебя, сынок, – сказал мне ласково старик-священник.

В этот момент единственным, что вертелось у меня в голове, была традиционная фраза, с которой пужло начинать всякую исповедь и которую я узнал при просмотре какого-то фильма: "Благослови меня, отче, чтобы достойной была исповедь моя, ибо я грешен".

Священник ждал – и я ждал: мне было совершенно неизвестно, что нужно на самом деле говорить и какими словами. В конце концов, я выдавил из себя: "Я хочу исповедаться, но не знаю, как. Я никогда не исповедовался. Я протестант..."

– Кто?! – священник всем телом подался в мою сторону.

– Я протестант, отче, – прошептал я. Мои колени болели, а все тело истекало потом. Мне ужасно хотелось встать и уйти.

Священник глянул в мою сторону и сказал: "Я могу выслушать твою исповедь, сынок, но все несчастье в том, что христианам, не принадлежащим к святой соборной апостольской Церкви, то есть не католикам, священник не может дать отпущения грехов".

– Да, да, согласен, отче, не страшно, – кивал я, и без того не понимая смысла того, что он мне пытался втолковать. Вновь повисла тишина.

– Приступай.

– Отче, я не знаю, что пужно делать.

Молчание становилось невыносимым. Священник несколько минут что-то взвешивал в размышлении, наконец сказал: "Я буду пазывать тебе десять заповедей, а ты будешь мне отвечать "да" или "нет".

Мне не верилось, что это "ничто", пазываемое таинством примирения, исповедью, происходит на самом деле – со мной!.. Священник начал называть мне заповеди поочередно. Это заняло немало времени. Когда он дошел до заповеди "Не убий", я почувствовал себя немпожечко лучше, поскольку наконец-то получил возможность сказать "нет".

Когда мы окончили, он сказал: "Если после возвращения в Соединенные Штаты ты будешь иметь охоту исповедаться, иди прямиком к своему пастору".

– "Благодарю, отче", – сказал я, поднимаясь и отходя от исповедальни так быстро, как только был способен.

Когда я вышел наружу, поги мои еще дрожали. Я сел в такси и поехал в Цетлюк. Добравшись до места нашего жительства, я начал нервно ходить туда-сюда по песчаной дорожке, ведущей к нашему дому. Я был потрясен до глубины души, однако чувствовал себя хорошо: моя душа была чиста, как будто ее тщательно выкупали. Теперь я сам должен был подумать о том, что произошло. Бедный батюшка! Быть может, он был еще больше выведен из себя, нежели я... Пройдя в свой номер, я залез под душ, а затем взялся упаковывать чемодан. Приближалась последняя почта в городке Цетлюк. Утром мне хотелось иметь немного свободного времени. Я решил еще раз пойти пешком в Меджугорье, но не на гору, а в костел, чтобы спокойно помолиться и подумать, прежде чем начнется Месса, пазапачепная на семь часов утра, после которой мы должны были выехать в аэропорт в Дубровниках. Я лег в постель еще до того, как возвратились все остальные. Перед сном я подумал: как хорошо, что я сходил к исповеди!.. Я не сделался из-за этого католиком, но и не стал худшим протестантом. Исповедь имела для меня то же самое значение, что и для других: она запечатлела собой все, чего я достиг в Меджугорье.

Еще одна мысль пропеслась в моей голове: с того времени, как я сюда приехал, так мало моих мыслей было о Деве Марии, хотя Она обращалась ко всем нам ежедневно. Мне сделалось стыдно: ведь Она привела меня сюда. Но все же у меня было впечатление, что такое мое поведение Ее не обижает. Она Сама как бы отодвигается в сторону, чтобы не помешать людям созерцать Своего Сына. Что же касается меня, то здесь Она достигла удачи: после недели, проведенной в Меджугорье, я был ближе к Богу, и Он сделался для меня более реальным, чем это было раньше. Моя связь с Ним теперь стала личной, близкой, интимной. Я знал, что после возвращения домой все постепенно вернется "на круги своя", но знал и то, что теперь во мне зародилось и возросло нечто, за что я буду бороться, что буду охранять и защищать и что уже никогда не покинет меня. Время от времени я шептал: "Люблю Тебя, Иисусе", или же: "Благодарю Тебя, Иисусе". Моя молитвенная жизнь так сильно преобразилась, а ведь именно об этом говорится во всех Меджугорийских посланиях.

Когда ранним утром я шагал по уже так хорошо известной мне дороге, вдыхая бодрящий чистый воздух, события минувшей недели вспоминались мне с кристальной ясностью. Я воочию наблюдал у себя явный духовный прогресс. Изменились и другие: тучная, вечно жалующаяся на всех и на все женщина сделалась более ласковой и спокойной; священник, прибывший сюда с

окаменевшим от безразличия сердцем, теперь буквально светился радостью. Что же касается меня, то я беспрерывно повторял: "Господи Иисусе, я не представляю себе, каким образом смогу покинуть это место. Здесь я чувствую себя стоящим у Врат Небесных. Я не хочу возвращаться домой". Однако сердце мое тосковало по Терри, Кеннеди и Реббеке, и я с удовольствием забрал бы их сюда навсегда.

Костел, когда я вошел в него, был совершенно пуст – впервые за всю эту неделю. "Ничего удивительного, – подумал я, – Месса начнется лишь через час". Я подошел к первому ряду скамеек и сел. Постепенно чувства стали овладевать мной, и я дал им волю. И хотя я пытался зажать себя в кулак, но не выдержал – расплакался. "Иисусе, – шептал я, – знаю, что уже пужно уезжать, но как же мне хочется здесь остаться..." Казалось, время остановило свой бег. Вот уже и люди начали появляться в костеле, ризничий начал подготавливать престол к совершению Евхаристии... Появилась моя группа. Маурин и все остальные заняли места около меня. "Обманщик, – шепнула она мне. – Ты почему не сказал, что прийдешь сюда раньше?" – "Мне хотелось побыть несколько минут наедине с самим собой и с Богом", – ответил я ей. На мгновение я взглянул в ее сторону, а затем быстро отвернулся. Я не мог перестать плакать. На Мессе, совершаемой по-английски, было достаточно мало людей, а потому общая атмосфера была гораздо более интимной, чем во время вчерашнего богослужения. Во время Капона Претворения и причастия я чувствовал явно присутствие Бога – ощущение, которое забыть невозможно. После Евхаристии я едва ли не первым выбежал из костела: мне все еще трудно было оставаться на глазах у других.

До отправки нашего автобуса оставалось еще полчаса – полчаса до конца нашего паломничества. Я пошел в заднюю часть салона нашего автобуса, где никто не мог меня увидеть. Солнце было уже высоко. На небе – ни облачка. Я упал на колени и вновь начал плакать, не имея возможности сдерживать переполнявшие меня чувства. "Господи, мой Боже, прошу Тебя, не забирай меня отсюда!" Я вновь сделался маленьким мальчиком, ребенком Бога, – Им была полна вся прошедшая неделя. Я был не в состоянии повторить пужные слова и лишь беспрерывно повторял: "Иисусе, Иисусе, Иисусе!"

Понемногу мной овладел глубокий душевный покой и уверенность в том, что духовно я никогда уже не покину Меджугорья. Теперь же пришло время возвращаться домой и начать в течение каждого дня жить в соответствии с тем, что я здесь пережил. Наконец я поднялся с колен и поглядел на гору Крижевац, чтобы навсегда зафиксировать в памяти силуэт креста, ставшего символом этой

прекрасной деревни. Зажмурился, а потом глянул еще раз. Поверить тому, что я увидел, было невозможно: на вершине горы не было креста!

Я протирал глаза, прищуривался, крутил головой, но крест так и не появлялся. В состоянии полного шока я вытащил фотоаппарат и поглядел в окошко объектива, но и так ничего не изменилось! В доказательство тому, что я увидел, вернее, того, что я не увидел, я сделал несколько снимков горы, которая и так уже заполняла множество кадров использовавшей мною фотопленки, а среди них было множество, сделанных попросту с этого самого места!

Я возвратился на площадь перед костелом. Там стояла Маурип и один из нашей группы по имени Боб Вейсей – мы с ним крепко подружились.

– Посмотрите на Крижевац, – крикнул им я, указывая на вершину.

– Знаем! – усмехнулся мне в ответ Боб. – Мы тоже его не видим!

Мы смотрели на гору в течение десяти или пятнадцати минут, после чего уже нужно было запясть место в автобусе. И что еще более удивительно: когда мы все сели на места и водитель завел мотор, был брошен еще один взгляд на Крижевац, уже последний, – крест возвышался на вершине, вновь ясно и четко видимый!

Я повернулся к Бобу и сказал:

– Это самое прекрасное прощальное приветствие, какое только можно было бы придумать!

14.

В гостях хорошо, а дома – лучше.

В пятницу утром, когда наш самолет брал разгон на взлетной полосе аэропорта "Дубровник", я задумался над переменами, произошедшими с нашей группой в течение восьми прошедших дней. Меджугорье оставило в каждом из нас глубокий след, но одновременно повлияло на всю группу в целом. Мы все вместе прошли через невероятный жизненный опыт, из-за чего между нами возникли связи, которые не прервутся уже, пожалуй, в течение всей оставшейся жизни...

Группа пребывала в отличном настроении; лишь у меня в подсознании была проблема, решить которую мне еще только предстояло. Насколько я понял, отец Светозар, говоря со мной, думал о чем-то значительно большем, чем то, что открылось позднее в разговоре с сестрой Маргаритой. До сих пор у меня не было случая спросить ее о деталях. Теперь же, по дороге домой, я решился задать ей мучающие меня вопросы. К счастью, место около сестры пустовало, и я, попросив разрешения на несколько минут к ней присоединиться, сразу же приступил к делу: "Сестра, как случилось, что отец Светозар после нескольких минут разговора со мной оказался настолько сильно убежден в том, что именно я должен помочь ему при редактировании его книги? Ведь он ничего обо мне не знает!"

Сестра поглядела на меня внимательно и улыбнулась: "Хорошо, я объясню вам все. Где-то два месяца тому назад до вашего приезда я навестила отца Светозара в монастыре Копыц. Он попросил меня прочесть его рукопись, и это я тоже сделала. Потом он спросил меня, что я думаю по этому поводу. Я сказала, что, по моему мнению, все прекрасно. У духовного отца, однако же, не было никакой уверенности в этом, а потому он пужался в ком-то, кто владел бы английским языком настолько хорошо, что оказался бы способным помочь

ему выразить мысли подходящими словами и подготовить книгу к изданию, то есть кого-то, с кем бы он мог лично и постоянно сотрудничать. Отец Светозар спросил, захочу ли я сделать это".

Она легко улыбнулась, по-видимому что-то вспомнив.

"Я ответила ему, что для такой работы у меня нет соответствующей квалификации, а даже если бы она была, то я и без того безумно занята. Каждая минута, свободная от переездов, у меня распахнута. Отец Светозар тогда спросил меня, не знаю ли я кого-нибудь, кто бы мог ему помочь. Когда я сказала ему, что такого человека я не знаю, он ответил, что находится в полной растерянности и не знает, что делать, поскольку такая помощь будет ему пужна очень скоро. Я предложила ему совместно молиться об этом. Знаешь ли, я очень сильно верю в силу молитвы..." — и она с улыбкой заглянула в глубину моих глаз.

Я кивнул головой: "О чем же вы молитесь?"

Сестра на несколько мгновений прервалась: "Молились мы, чтобы в следующей группе, присланной "Центром Мира", то есть в этой самой группе, попался американский писатель или журналист. Собственно говоря, этот человек — ты".

Я недоверчиво смотрел в ее сторону: "Это совершенно невероятно!" Я выкрикнул это, ощутив, что наступила очередь сделать новый шаг в моем духовном странствовании, и это будет именно тот шаг, о котором меня просила Дева Мария. Неожиданно я вспомнил, как упорно настаивал я на необходимости совершить путешествие в Меджугорье в мае, вопреки мнению Терри..." Это значит, что я наверняка туда вернусь", — тихим голосом промолвил я, чувствуя себя на грани потери сознания.

"Не забывай, что тебе должно хватить сил на возвращение домой и на то, чтобы прихватить с собой Терри и детей", — напомнила мне ласково сестра Маргарет.

Мое восторженное настроение как рукой спало. На какое-то время мне показалось, что, поскольку это небольшое чудо — моя поездка в Меджугорье в мае месяце — было следствием молитвы сестры Маргарет, то, следовательно, мое предназначение — вернуться туда и сотрудничать с отцом Светозаром. Теперь же я сильно в этом усомнился.

"Что же делать? Ведь я же обязан туда возвратиться..."

"Сделай то же самое, что и я", — ответила она со своим легким пью-йоркским акцентом, — молись!"

Я почувствовал себя совершенным глупцом: после восьми дней, проведенных в Меджугорье, мне все еще пужно было напоминать о значении молитвы. Я горячо

поблагодарил сестру и пообещал, что буду молиться. После этого я вернулся на свое место, закрыл глаза и помолвился в душе: "Господи, если Ты хочешь, чтобы я туда возвратился... а ведь я даже не осмеливаюсь на это надеяться..., когда скажу об этом Терри, если она хотя бы чуть-чуть воспротивится мне в этом, я буду воспринимать это как знак, что Твоей воли на повторную поездку нет. Пусть будет так. Господи, но сам я, лично, прошу Тебя: позволь мне туда возвратиться. Аминь". А самолет уже приземлялся в аэропорту Кеннеди, и все мы сразу же с головой окунулись в царящие здесь суматоку и суету. Люди вернулись в мир цивилизации и пережили подлинный стресс, усиленный еще и тем, что открылось нашим взором у порога аэропорта: люди, как обезумевшие, орали, подзывая такси, таксисты крича, перекликалились между собой.

После шестнадцатичасового путешествия я приземлился, наконец, в своем городе; несмотря на истекшее время, мне не удалось овладеть своими чувствами. Обычно я был всегда первым из стоящих у автоматических дверей в переходе, чтобы протолкнуться, едва лишь они откроются; а теперь я пропускал всех впереди себя. И из самолета я тоже вышел последним. Кроме того, я все время сосредотачивал себя на том, чтобы моя встреча с Терри выглядела по-взрослому, нормально и солидно.

Двери аэропорта распахнулись – и я увидел Терри. Она была прекрасна. При виде меня она на мгновение сделала удивленное лицо, потом протянула в мою сторону руки... Когда я, обняв, прижал ее к себе, слезы застилали мои глаза, и я не мог их удерживать. Переживания, которыми были полны восемь дней пребывания в святом селении, и радость возвращения домой, похоже, сильно ударили по моим нервам.

Обняв меня, Терри спросила: "Как дела?"

Я не мог ей ответить. "Прошу тебя, – удалось мне выдавить из себя, – пойдем в автомобиль. Я хочу поскорее домой".

На протяжении всего пути мы молчали. Когда мы въехали в ворота, радости моей по поводу возвращения домой не было предела. Помимо этого, я все так же чувствовал гигантское желание вернуться в Меджугорье. Самочувствие мое было довольно неважным. Восемь дней психического, физического и эмоционального напряжения давали о себе знать.

"Тебе что-нибудь нужно?" – спросила меня Терри.

Я отрицательно покачал головой. Терри подошла ко мне и внимательно ко мне присмотрелась: "Ты выглядишь ужасно..." Она улыбнулась: "Но все-таки совсем плохо ведь не было? Трудно поверить, что ты мог так сильно похудеть за такой короткий срок!"

Терри продолжала говорить о всяких мелочах, а мне всего лишь несколько раз удалось улыбнуться и вовремя ответить. В конце концов, я решился перейти к сути и начал рассказывать обо всем, что случилось, и как это отразилось на мне. Я часто делал большие паузы, поскольку иной раз попросту не мог говорить.

Мы разговаривали целый час, но я все равно ничего не смог объяснить. Наконец, около 23.00 я пошел спать. И хотя почти двое суток у меня прошли без сна, в эту ночь я спал только четыре часа. Я поднялся, помолился и начал прогуливаться около дома. Мне не доставало очарования хорватского мелодичного языка, хорватских песен и молитв, которые мы слышали ежевечерне. У меня создавалось впечатление, что за восемь дней в Меджугорье я прожил целую жизнь. Я скучал по этому селу и по его обитателям. Так продолжалось долго, но все же через какое-то время я решил снова лечь в постель – и моментально уснул. Сон мой длился до того момента, как в мою спальню ворвались дети и начали по мне ползать и прыгать. Какое же это было счастье!

"Соня! Соня! – кричали мне они. – Пора вставать".

Мы немного побаловались, а потом я выпроводил их из спальни, привял душ, побрился и оделся. Весь день я ни за что из работы не брался. Только распаковал и привел в порядок свои вещи.

На следующий день было воскресенье, и пужбо было идти в кирху. Я начал готовиться к выходу, но через некоторое время сказал Терри, что не пойду с ними. Я не был готов ко встрече с людьми, а особенно – с пасторами.

Я вспомнил о том, как они пробовали меня пресечь, как они и слушать не хотели о чем-либо, противоречащем лютеранскому богословию. По их мнению, откровения Девы Марии не вместились в рамки лютеранского вероисповедания. У меня же было совсем иное мнение по этому вопросу. Я не сомневался в подлинности всего, что делалось в Меджугорье; мое убеждение таково: все, что происходит там, более важно, чем какое-либо событие в мире.

"Попшли, – уговаривала меня Терри, – все будет хорошо".

Таким уж было мое дурацкое счастье, что, едва запарковавшись на площадке перед кирхой, я оказался в объятиях одного из своих сотрудников. Он поспешил ко мне, приветствуя и говоря, как "чертовски рад меня видеть", а к этому прибавил: "Старик, как здорово, что ты вернулся в нашу старую добрую Америку!"

Я глядел на него с улыбкой и ничего ему не говорил. Меня самого возвращение "в старую, добрую Америку" никак не радовало. Больше всего мне хотелось отвернуться, отойти, сесть в автомобиль, поехать в аэропорт и первым

же подходящим рейсом отбыть в Югославию. Терри только казалось, что я уже вполне пришел в себя: временная разница все еще не давала мне выйти из состояния томительной усталости.

Мы уже направлялись в сторону кирхи, когда я шепнул Терри, что нужно ехать домой. Я не желал туда идти. Терри сжала мою руки и ответила, что все будет хорошо.

В кирхе люди начали меня спрашивать о том, как удалась поездка. Я отвечал односложно, что все было очень хорошо, стараясь при этом держать свои чувства под строгим контролем. Терри шла след в след за мной и вежливо просила прощения за мое поведение.

Мы сели на задней скамейке. Я еще раз открыл для себя, как похожа лютеранская литургия на Католическое Евхаристическое Богослужение в отдельных своих частях. Однако с тем, что мне довелось пережить в костеле Святого Иакова, — с радостью, громогласными ответами людей на слова священника, возвышенным пением, — здесь не могло быть и малейшего сравнения. Я закрыл глаза и мысленно перенес себя в Меджугорье.

Когда мы покидали кирху, пастор Випгард ожидал нас в дверях и очень тронул меня теплым приветствием. Сам он во время проповеди мог сам расчувствоваться до слез, поэтому я понимал, что он сможет мне посочувствовать. Я сказал ему, что это путешествие имело для меня решающее значение и что мне бы хотелось как-нибудь об этом спокойно поговорить с ним наедине.

"Чудесно, — ответил он, — с большой охотой!"

Все сложилось значительно лучше, чем я этого ждал. Без сомнения, приятно было возвратиться домой и остаться наедине с воспоминаниями. А уже на следующий день временная разница дала о себе знать: я чувствовал себя таким измученным, что не было и мысли о том, чтобы отправиться в редакцию.

Я засыпал сразу же, как мне хотелось этого, то есть сразу же после того, как переворачивался с одного бока на другой. Я несколько раз говорил Терри о том, что мне необходимо поговорить с ней на серьезную тему, но тотчас же засыпал снова. Лишь проспавшись где-то около 22.30, я сказал ей, чтобы она выключила телевизор и поговорила со мной. Я старался сделать так, чтобы мой голос звучал как можно более спокойно в то время, как я излагал ей события, связанные со встречей с отцом Светозаром и дал ей в руку первую книгу, которую сам уже когда-то прочел.

"Мне так же трудно в это поверить, — подвел я итог своим рассказам, — но он действительно меня просил, чтобы я вернулся туда на две недели и помог ему подготовить к публикации его вторую книгу".

Терри, не глядя на меня и ничего не говоря, начала перелистывать страницы книги. Я сидел и ждал – тридцать... сорок секунд... Наконец, она подняла на меня глаза и сказала: "Ну, что ж, если Дева Мария хочет, чтобы ты поехал туда и помог, я должна с этим согласиться. Только не пробуй обмануть меня и себя: двух недель будет явно недостаточно..."

Я не мог поверить собственным ушам. В порыве нежности я обнял и прижал ее к себе, лепеча неуклюжие слова любви и благодарности. Терри ответила: "Я правда не знаю, не водишь ли ты меня за нос..."

– Терри, – прервал я ее, – я не вожу тебя за нос. Если ты переменяла свое мнение...

– Все, все, я поняла, – вздохнула она. – Когда ты должен туда вернуться?

– В середине июня, – ответил я, стараясь не выдать охватившей меня бешеной радости.

Мы говорили на эту тему еще более часа. А прежде, чем заснуть, Терри сказала: "Знаешь, сама не могу понять, как это случилось, что я дала свое согласие... Странно все это..." После чего глянула на меня и добавила: "Не беспокойся. Так оно и должно быть".

Засыпая, я чувствовал себя вполне и безусловно счастливым.

*Я хочу, чтобы вы были образцом для всех,
особенно в молитве и свидетельствовании...*

15.

Рассказываю о ... Меджугорье?

Вчера я напомнил себе, что пылепшим утром настукает моя очередь выступать в нашем клубе. Было уже поздно просить кого-либо заменить меня. Я должен был говорить о Югославии, но при этом не имел никакого понятия о том, что именно я должен говорить.

Когда я приехал в гостиницу, где мы встречались каждый вторник, у меня ничего еще не было приготовлено. Войдя в конференц-зал, я обрадовался тому, что, по крайней мере, я не опоздал. На стенных часах было точно 7.30. Я осмотрелся и увидел, что собралось уже сорок-пятьдесят мужчин – достаточно много для этого времени года...

Я пытался привести в порядок свои мысли и даже пробовал записать план выступления на салфетке. Но прежде, чем я успел все продумать, повестка дня оказалась исчерпанной, и президент попросил меня к микрофону.

"Хочу начать с того, – начал я, – что хорошо всех вас знаю, мы все – члены одного клуба, а со многими из вас я сотрудничал и сотрудничаю до сих пор. Не знаю, удастся ли мне рассказать вам о том, о чем хочу, хотя я хотел рассказать вам совсем не о том, – окончательно запутавшись, я сделал паузу и глубоко вздохнул. – Если мне удастся рассказать об этом вам, тогда я буду считать для себя возможным говорить об этом со всеми".

С этого выступления я начал пестить людям слово о Меджугорье, о том, что там делается и как все началось...

Впервые в жизни я прилюдно говорил об Иисусе Христе, но при этом не чувствовал ни смущения, ни страха. Ничто не могло удержать меня. Я говорил полные сорок минут, вдвое больше того, сколько длится обычное

выступление. И все время я чувствовал себя спокойно, а слова сами приходили мне на язык.

Обычно те, кто видел, что приближается время ранее назначенных встреч, покидали зал уже во время выступления. Иногда создавалось впечатление, что почти все мы договорились о встрече. Вырвавшись из зала, некоторые пачипали готовить себе кофе, кто-то брал в руки утреннюю газету. Однако сегодня все остались на местах: никто не вышел, никто не телохнулся. В определенный момент я понял, что пришло время окончить сообщение, и так я и сделал.

"Я не могу знать, почему поступаю именно так, — сказал я в самом конце, — у меня нет обычая говорить о том, что было затроуто сегодня. Знаю только, что все, о чем вы узнали, произвело гигантское влияние на мою жизнь, и теперь я уже никогда не буду прежним".

Несколько секунд было очень тихо, а потом разразилась буря аплодисментов. Я даже испугался: "Господи, что я такого сказал?" Мое лицо залила краска смущения, совсем как тогда, когда была опубликована самая первая колонка о Меджугорье. Да и теперь, как тогда, я хотел лишь одного: иметь возможность верпуть время назад. Но было поздно. Президент клуба сказал, что это было одно из паторпгипальнейших выступлений, а вслед за этим, к моему величайшему облегчению, завершил встречу. Несколько человек поджидали меня, чтобы поговорить об услышанном; никогда не забуду того, который подошел ко мне первым: "Поздравляю, у вас значительно больше мужества, чем у меня... — на мгноение он прервался. — Это было прескрасно. Я хочу сказать, что это... все это меня очень глубоко взволновало". Он резко прервался, отвернулся и отошел.

Другие тоже хвалили меня, а несколько человек пригласили меня выступить с этим сообщением в их общинах во время богослужений. Когда все окончилось, я был переполнен чувством законной гордости.

Я сел в автомобиль и довольно долго сидел неподвижно. Потом поехали на работу. Сердце мое переполняла благодарность.

Прежде, чем я доехал до редакции, меня охватила волна радостного творческого энтузма. Проходя мимо секретарши, я даже мельком не глянул на корреспонденцию, которую Деннз всю неделю старательно раскладывала на моем письменном столе. Я ринулся прямо к пишущей машинке и тут же начал создавать очередную статью — седьмую из цикла, посвященного Меджугорью. Я чувствовал себя при этом так, как будто пишу письмо доброму приятелю.

Путешествие в Меджугорье

13 мая 1986 года.

Две недели назад я встретил в аэропорту одного из своих старых знакомых. Я собирался лететь в девятидневное путешествие: меня ожидала встреча с Меджугорьем в Югославии. Мы разговорились и через несколько минут я спросил его, куда он летит. Приятель ответил, что его пункт назначения – Канкун в Мексике, куда он отправляется по делам службы, а также чтобы немного развлекаться. В свою очередь и он спросил меня о том же. "Я лечу в Югославию, – ответил я не без колебания. – Да, в Югославию". По его лицу можно было четко определить, что он думает о такого рода поездках, но и без этого он недоуменно спросил: "А почему именно туда?"

Как это объяснить? Я ехал туда не для того, чтобы осмотреть достопримечательности страны. Каждый, кто последние полгода регулярно читает мою колонку в газете, знает, что в Югославию меня притянуло Меджугорье, где шестерым молодым людям ежедневно является Благословенная Дева Мария, Мать Иисуса...

Это так необычно, что сразу и поверить трудно. Тот, кто там побывал и провел там хотя бы немного времени, не имеет сомнений, что в этих местах происходит нечто необычное, необъяснимое ни с научной, ни с технической точки зрения. Да, и я точно так же убежден, что Мать Иисуса, Мария, является здесь как посланница Неба. Я верил в это еще до того, как оказался в Меджугорье. А по возвращении домой у меня уже не было вообще никаких сомнений.

Постоянно ставлю себе вопрос: "Почему именно я?" Я по профессии – журналист, а журналистам подавай одни сухие, документированные факты. К тому же, я не католик и вообще не знаю о такой форме благочестия, как почитание Девы Марии, столь характерное для Католической Церкви. Моя лютеранская вера попросту игнорирует Деву Марию, видя в ней только Мать нашего Господа.

Когда первоначально я искал сведений о Меджугорье, мною руководило просто любопытство. Я думал, что мне удастся написать об этом немногоую статейку на Рождество. Мое любопытство оказалось плодотворным: в течение всего декабря я опубликовал четыре очень большие статьи. С того времени мною получено более двухсот пятидесяти писем с приложением подписанных конвертов с марками, и во всех была просьба прислать дополнительные экземпляры этих

статей. Должен сказать, что то же самое любопытство толкает меня ныне к тому, чтобы все оставшееся в моем распоряжении время своей личной жизни посвятить сообщению о призывах из Меджугорья каждому, кто захочет об этом услышать. Мое ответное намерение – быть послушным зову Марии.

Нелегко описать словами все то, что я видел и пережил. Быть может и то, что для ряда людей будет нелегко с моим свидетельством смириться и в него поверить. И все же: я там был и знаю, что увидел и что почувствовал. Видел "пляску солнца" – как оно двигалось, переворачивалось и поблекло так, что можно было глядеть на него невооруженным глазом. А ведь это невозможно. Но именно это я видел.

Видел я и то, как гигантский четырнадцатитонный бетонный крест, стоящий на вершине горы за костелом, на какое-то время исчез из виду однажды безоблачным солнечным утром. И этот же крест я видел в почной мгле, незадолго перед рассветом: он блестел и свистел, как-будто по всему его абрису зажали цепь электрических лампочек. И это – тоже из ряда "невозможного", поскольку наверху горы нет никакого электричества, и, тем не менее,... я видел это.

Я видел и многое другое. На самом деле, правду говорят, что этих явлений не удастся объяснить никоим образом. Подобное случается лишь тогда, когда Пресвятая Дева является детям. Некоторые наблюдают что-то необычное, а некоторые – нет. Иной раз кто-то видит как-бы знаки... Но вот этого я не видел.

Однако важнейшее в Меджугорье – это не сверхъестественные явления. Наиважнейшим, пожалуй, является единомысленное и единопутное приятие жителями деревни того, о чем говорит Дева Мария. Этот поселок, право же, можно было бы назвать идеалом общины, живущей в постоянстве любви и придерживающейся путей Божиих.

До того, как в июне 1981 года здесь начались явления, этот крестьянский поселок был очень похож на подобного же рода селения у нас в стране – простота, отсталость и бедность. Там достаточно было и пьянства, и обманов, и жадности, и ссор. В общем-то, люди ходили в костел, но даже по воскресным дням множество скамеек в храме пустовало. Ныпче там все переменялось. Костел полон не только в воскресные дни, но и в будни. Посвящение себя Богу – это основа жизни здешних людей. И, собственно, это и является истинным чудом, истинным призывом из Меджугорья. Именно это, в первую очередь, стараются открыть и показать проводники прибывающим сюда пилигримам.

Одна из тех, кто видит Деву Марию ежедневно, сказала, что самое важное в течение дня – это не само откровение, а время, проведенное в костеле. ...Вот чего хочет от каждого из нас Пресвятая Дева!

Двумя неделями позднее я без какого-либо видимого усилия написал свою восьмую – и последнюю – статью о Меджугорье:

Чудо в Меджугорье (8)

Последнее слово о Меджугорье

28 мая 1986 года.

...В этой последней статье цикла я хочу представить читателям некоторую наиболее свежую информацию, переданную Марией (ясновидящей девушкой). Позвольте, однако же, мне прежде рассказать об одном человеке, который побывал в Меджугорье вместе с группой, организованной "Центром Мира".

Франк Фьяминго – паралитик. Ему тридцать три года, из которых девятнадцать он провел в инвалидной коляске. Его история имеет для нас серьезное значение...

...Я спросил Франка, работающего научным сотрудником в государственном университете штата Огайо, что подтолкнуло его к решению ехать в Меджугорье и там искать исцеления. Прежде, чем ответить, он достаточно долго думал. Ответ его был таким:

– Мне кажется, я еду туда по той же причине, что и ты, и другие члены нашей группы. Я хочу побольше узнать о том, что там происходит. Я еду туда и по личным причинам, и в поисках духовной пищи, – он прервался, задумался и через некоторое время продолжил. – Если же речь идет о втором вопросе, то я не ищу там специального сверхъестественного лекарства от своей болезни".

Думаю, что со спокойным сердцем могу написать: Франк нашел в Меджугорье то, чего там искал. Вийка, одна из ясновидящих, до сего дня ежедневно встречающаяся с Богоматерью, сердечно приветствовала его. Она также сфотографировалась на память с ним и его семьей, а после они вместе помолились. Через некоторое время его пригласили в комнату, где происходят явления, и он был там тогда, когда появилась Дева Мария.

Франк Фьяминго покинул Меджугорье точно так же, как и приехал: на инвалидной коляске. Но я знаю, что, уезжая, он был более счастлив и радостен, чем все остальные.

По понедельникам и четвергам Дева Мария передает детям послания, предназначенные для меджугорийского прихода и для всего мира. Она обращается к видящим со словами: "Возлюбленные дети..." Каждое послание оканчивается словами: "Благодарю вас за то, что вы ответили на мой призыв".

"6 марта; четверг, вечер; Владычица сказала:

– Дорогие дети, сегодня Я призываю вас к тому, чтобы вы еще больше открыли себя Богу, чтобы Он мог действовать в вас. Насколько откроетесь Ему, настолько и будете плодоносны. И еще раз хочу призвать вас к молитве.

27 марта, четверг, вечер:

– Возлюбленные дети, Я хочу поблагодарить вас за вашу самоотдачу. Теперь же прошу вас: усильте вашу посвященность – посвященность, происходящую из любви. Без любви вы не сможете приять ни Меня, ни Моего Сына. Без любви будете не в состоянии свидетельствовать о том, что видите. Поэтому Я взываю к вам: начните любить всем сердцем.

7 апреля, понедельник, вечер:

– Возлюбленные дети, вы слишком погрузились в суету материальных дел. Из-за этого вы теряете все, что жертвует вам Бог. Я призываю вас к молитве о дарах Святого Духа: они будут необходимы вам, чтобы вы могли свидетельствовать о Моем присутствии здесь и обо всем, чем Я вас одаряю. Дорогие дети, поручите себя Мне, чтобы Я могла вас вести. Не заботьтесь так сильно о суетных делах этого мира.

Послание от 5 мая, в понедельник вечером, было необычным. Почти что все члены нашей группы были вместе тогда, когда это послание передавалось. Мы узнали его содержание в 21.45. Один из ясновидящих сказал, что Мария пригласила некоторых из паломников ради специального откровения на вершину. Помимо того, что уже спустилась густая ночная тьма, мы вошли по крутой каменистой тропке на вершину горы – туда, где состоялось первое явление. И вот что было передано в ту ночь:

– Возлюбленные дети, Я хочу сотрудничать с вами и хочу, чтобы вы были, прежде всего, апостолами мирной вести о примирении, молитве, посте и покаянии. Я призываю вас жить в согласии с этими посланиями и преобразить свою жизнь.

В конце Владычица наша сказала, что Она очень счастлива тем, что мы к Ней пришли. После Ее ухода на кресте оставался светящийся знак".

Я завершаю свой цикл словами, которыми Мария оканчивает свои откровения: "Идите в мире Божию!"

После того, как этот текст был написан, я начал готовиться к новому путешествию. Когда я начал редактировать рукопись отца Светозара, то пришел к выводу, что из-за невероятной разницы структур хорватского и

английского языков это будет очень легким делом. Мне очень понравилась первая книга, но над второй предстояло еще хорошо поработать. Терри также прочла отрывок из рукописи и была очень взволнована его содержанием. Меня это порадовало, поскольку теперь и она начала глубже понимать смысл моей миссии.

В такой атмосфере день отъезда, 15 июня, пришел гораздо скорее, чем я того ожидал.

*Каждый оазис мира окружен пустыней, среди которой
затаился сатана. Только с помощью молитвы
вы сможете пересилить влияние сатаны...*

16.

Возвращение

Самолетный рейс до Дубровника на этот раз очень отличался от предыдущего. Теперь, когда паломники не сидели со мною рядом и я не мог говорить с ними о своих ожиданиях и о том, откуда я знаю о Меджугорье, девятичасовой полет казался мне вдвое более продолжительным. Еще более одиноким я почувствовал себя после приземления, когда затянутая в военного типа форму женщина с суровым лицом без тени улыбки взяла из моих рук паспорт. Минуты две она рассматривала его, переворачивая страницы, после чего небрежно бросила его в мою сторону. Ни слова не было сказано, однако было дано понять, у кого здесь власть.

Туристическое агентство, занимавшееся подготовкой моей деловой поездки, заказало для меня автомобиль. Это был "Рено". Сперва я долго разглядывал торчащие из пульта распределители скоростей, учась пользоваться незнакомым типом автомобиля, а затем двинулся на нем в путь. Агент по аренде автомобилей, которого я долго упрямил и обещал возвратить одолженную вещь, в конце концов, колеблясь, отдал мне свою собственную карту автомобильных дорог страны. Я осторожно вывел небольшой красный "Рено" с паркинговой площадки и покатил. При этом я не имел ни малейшего представления о том, куда мне ехать, но настроение у меня было удивительно радостным.

Я задержался, чтобы прихватить с собой юного автостоппика, надеясь, что он сможет показать мне, где начинается автострада в сторону Меджугорья. Я знал, что впереди у меня еще около 150 километров пути. Мальчишка ужасно плохо говорил по-английски, но сумел показать, в каком направлении должен ехать. И сказал, что между Дубровником и тем районом, куда я еду, нет никих связующих трасс, а потому я без трудностей должен был бы отыскать деревню.

Это необычное путешествие по побережью Адриатики по дороге, бегущей мимо миниатюрных деревушек, прилепившихся к скалам, наполнило меня глубокой спокойной радостью. Морская вода ослепительно сияла под лучами солнца. Меня не могли вывести из себя даже сумасшедшие водители, обгонявшие меня на бешеной скорости на крутых поворотах серпантинной дороги. Я возвращался к Воротам Небес.

На старенькой карте, которую одолжил мне дорожный агент, я не обнаружил Меджугорья. Однако здесь был обозначен город Мостар. От этого города, как мне было известно, до селения всего лишь 32 километра. Через час я доехал до поворота и попал в нужный мне район. Чем ближе я был к Меджугорью, тем больший восторг меня охватывал. И вот уже — не прошло и двух часов после выезда из аэропорта — я начал узнавать знакомые места.

А вот и Цетлок! Я подъехал прямо к дому, в котором мы жили во время своего паломничества, тут же договорился с хозяйкой, которая хорошо меня помнила и не могла скрыть своего удивления от такого быстрого моего возвращения. Я вновь снял у нее комнату, но остаться мог лишь на три дня. На память мне пришел некий мужчина, хозяин фирмы, строящей пансионаты, — я познакомился с ним в мае. Он приглашал меня к себе в случае, если бы я когда-то прибыл в Цетлок и нуждался в комнате. Я подумал, что неплохо было бы наведаться к нему утром.

Очень хотелось пойти в костел и вновь почувствовать царящее там спокойствие. Я быстро выгнал свой багаж из машины, занес в комнату и выехал в Меджугорье по так хорошо знакомой мне дороге. Когда вдалеке показался Крижевац, сердце у меня в груди подпрыгнуло и начало биться быстрее. Я кричал от восторга во все горло, благодаря Бога за то, что Он позволил мне сюда вернуться. Моя радость неожиданно исчезла, когда за поворотом я увидел белый милицейский автомобиль с синей "мигалкой" на крыше. Я знал, что здесь милиция любит задерживать водителей только потому, чтобы поиграть у них на нервах. В эти минуты я охотно оказался бы в какой-нибудь группе с собственным проводником. Однако милиция меня не задержала. Облегченно вздохнув, я поехал дальше. Когда я проезжал через мост, взгляд мой выхватил из пространства две башни костела Святого Иакова. Я вернулся!

Запарковавшись перед костелом, я вбежал вовнутрь. Преклонил колени у последней скамейки. У меня не хватит слов для того, чтобы описать те чувства, которые овладели мной. Как хорошо было снова оказаться среди этих людей, слышать мелодии Меджугорья, видеть лица, которые я помнил по предыдущему путешествию, вновь стать одним из пилигримов. А когда я увидел женщин,

одетых в черное и в черных платках на головах, стоящих на коленях вокруг статуи Марии и горячо молящихся, сердце мое учащенно забилося, поглощенное волной исходящей от них святости и глубинной посвященности – свидетельства преображения и обращения всего села.

Приближался четвертый час, и костел понемногу заполнялся людьми, готовившимися к участию в молитве и вечерней Мессе. Когда я увидел сидящих на скамьях пилигримов, меня вновь охватило изумление перед неслыханными переменами, произошедшими в этом маленьком крестьянском селении¹¹ под воздействием сверхъестественных событий. Множество костелов в Америке зазывает к себе людей, уговаривая их приходить на богослужения. Здесь же люди начинают собираться за 2 часа до начала службы только для того, чтобы внутренне подготовиться к ней вместе со своими односельчанами.

Я увидел и отца Томислава Первана, пастыря, который пробирался через толпу людей. При виде его я прервал свои размышления. Отец Светозар сказал мне, чтобы по возвращении я связался с ним через отца Первана, поскольку такой способ контакта он считал наилучшим и самым безопасным при пересылке информации в Кошниц.

Я вспомнил также и телефонный разговор, который был у меня с отцом Светозаром, когда Терри согласилась на то, чтобы я возвратился в Югославию работать над книжкой. Этот разговор был очень странным. Довольно долгое время продолжалось замешательство. Монах, подошедший к телефону в Кошниц, не говорил по-английски и все время сомневался, правильно ли он меня понял. По прошествии долгого времени к телефону подошел отец Светозар.

– Отец Светозар? – спросил его я.

– Да, а кто говорит?

– Уэйл Уэйбл, из Соединенных Штатов, вы меня помните?

– О, да! Уэйл из "Центра Мира"! Как дела?

В его голосе слышалась нота какого-то сомнения, как-будто его беспокоило то, куда нас этот разговор приведет.

– Все в порядке, отец, я звоню, чтобы сообщить: я возвращаюсь в Меджугорье в июле, чтобы помочь вам в работе над книжкой. Я приеду...

– Нет, нет, – прервал он меня очень быстро, и добавил, – понимаю, что вы приедете с группой пилигримов. Это хорошо.

На минуту повисла томительная тишина, однако, в конце концов, я сориентировался. Югославия была коммунистической страшей, а отец Светозар был очень популярен и влиятелен. Он находился под постоянным наблю-

дением, и за ним следили службы безопасности с того момента, когда он, находясь в Соединенных Штатах, сказал что-то, что было воспринято как антиправительственное высказывание. Телефон такого человека, как, впрочем, и все монастырские телефоны, наверняка прослушивался.

– Да, – ответил я, стараясь сохранить безразличие в голосе. – Я приеду с людьми из "Центра", чтобы поработать над своей книжкой. С удовольствием встречу с вами.

Сейчас, преклоняя колени в костеле Святого Иакова, я подумал о том, что Провидение Божие охраняет меня, поскольку в течение первых 10 минут пребывания в Меджугорье я столкнулся с отцом Перваном. Я поднялся со скамьи и представился могучему францисканцу с мудрыми глазами. Сказав ему, что я приехал сотрудничать с отцом Светозаром, я попросил передать известие о моем приезде.

– Прошу за мной, – коротко ответил он мне.

Я последовал за ним в приходской дом. По пути мы прошли через комнатку, в которой время от времени происходили явления. Прийдя в свою квартиру, отец-францисканец жестом предложил мне сесть в кресло, а сам подошел к телефону. Он сказал несколько слов по-хорватски, немного подождал, а затем передал мне трубку.

– Отец Светозар?

– Да, а кто говорит?

– Уэйн Уэйбл из "Центра Мира". Как, отче, вы себя чувствуете?

Минута тишины, затем я услышал: "Ага, Уэйн, это очень, очень хорошо, что ты звонишь. Прекрасно! Я приеду вечером, мы можем поговорить после Мессы".

Я ответил, что это мне вполне подходит и положил телефонную трубку. Поблагодарил отца Первана за помощь. Отец Перван развел руками, улыбнулся и проводил меня до дверей приходского дома. При выходе я на несколько секунд задержался в маленькой комнатке, где хотели бы находиться миллионы людей всего мира в то время, когда молодым хорватским ясновидящим является Пресвятая Дева Мария. Через час в этом месте, точно также, как и в каждый из вечеров, можно будет слышать просьбы, вздохи, вопросы и горячие молитвы. Я подумал, что никогда не смогу оказаться к чуду ближе, чем теперь.

Было 16.30, до приезда отца Светозаром оставалось еще четыре часа. Все мое тело ломило от усталости, но я чувствовал себя счастливым от того, что я здесь и что мне так быстро удалось договориться с отцом Светозаром о

встрече. В таком настроении я пошел прогуляться по улицам села. Все время меня не оставляло удивительное чувство, что я буквально пахиваюсь здесьними пейзажами, вдыхаю звуки и мистику общей атмосферы. Мне пришло в голову, что ничто из всего увиденного мною не указывает на то, что, собственно, здесь могли бы произойти какие-то чрезвычайные вещи. Крестьянское поселение, такое простое, что даже сейчас, когда оно стало известно всему миру, на его улицах нельзя было заметить никакой суеты. Я сошел с дорожки, пропуская женщину, гонящую стадо овец. Женщина улыбнулась, поклонилась и сказала несколько слов, которые я воспринял как приветствие. Такое вежливое отношение к каждому человеку, даже к чужаку, было типично для большинства сельских жителей, существование которых, на первый взгляд, совсем не изменилось с того времени, как сюда пахлынули первые гигантские толпы паломников со всего мира.

Однако правда была такова, что наплыв туристов-иностранцев все же оказал огромное влияние на ежедневную жизнь Меджугорья и его окрестностей. Вместе с приезжими пахлынули деньги, по местным стандартам – огромные деньги. К тому же чужеземная валюта была намного более стабильна, чем югославский динар.

В селе появилось больше кафетериев. Дорожки и тропинки, соединяющие пять меджугорских поселков, – узкие, мощеные или грунтовые, обычно служившие местом игры для детей – были теперь гораздо более приспособлены для хождения пешком или же для того, чтобы гнать по ним скот. Но ни в коем случае они не были приспособлены для непрерывного движения большого количества людей. Однако люди не беспокоились. Местных жителей не раздражало непрерывное передвижение людских масс. Конечно, были и такие, которым свыкнуться с новыми условиями было труднее. Иные, в свою очередь, видели в паломниках источник дохода. Большинство же старалось проявить максимум гостеприимства. В этом регионе, на протяжении всех веков его истории известном напряженностью и взаимной ненавистью различных группировок живущих здесь людей, перемены оказывались свидетельством подлинности открытий.

Прогуливаясь по улицам, я заметил, что повсюду идет строительство. Власти, которые в течение первых пяти лет подозрительно и враждебно смотрели на происходящие явления, теперь старались заработать на этом как можно больше денег. Строилось множество больших и малых гостиниц. Но при этом все так же мало было столовых, ресторанов и бань.

А пока большинство пилигримов снимало комнаты в домах местных жителей. Многие местные жители пристроили дополнительные комнатки к своим неказистым домишкам со стенами из кирпича-сырца. Немало времени потребовалось хозяевам, чтобы собрать деньги, купить материалы, а затем по вечерам и в свободные от работы дни достраивать дополнительные помещения. Строительство велось всей семьей, и в нем участвовали даже самые маленькие дети и старики. Я зашел в маленькое бистро и выпил чашку хорошего черного кофе, которым по праву гордится этот регион. Традиция его приготовления была наследием, оставшимся после мусульманского господства. Общих бань было мало, но столовых и кофеен – полно повсюду, точно так же, как и лотков с безделушками, где можно было купить все: от пластмассовых фигурок Богородицы до пиццы. Продавцы сувениров все больше проникали на территорию костела, в основном они были членами коммунистической партии или мусульманскими цыганами, готовыми при первой же возможности выудить как можно больше денег из карманов паломников-христиан. Местные священники оказались бессильны бороться с этими торгашами и могли только советовать паломникам не делать покупки в лавках импровизированного рынка. Никто из них не хотел, чтобы торгаша отбрасывали недобрую тень на происходящие явления. Однако власти не только позволяли, но и поддерживали торговлю на территории костела и в его окрестностях.

Из-за торговли между местной властью и францисканскими монахами шла война. Борьба началась пять лет тому назад, когда власти решили любым способом отяготить жизнь священников, исповедующих, жителей деревни и паломников. В свое время милиция часто задерживала пилигримов сразу же на границах села – именно в том месте, где я сегодня заметил милиционерскую машину. Они устраивали самолические обыски, перерывали багаж и личные вещи. Если обнаруживалось "распространение" религиозных материалов, приезжих подвергали многочасовым допросам. Вертолет из Мостара часто пролетал над этой местностью, зависал на небольшой высоте прямо над костелом во время Мессы. Однако, когда паломничества начали приносить крупные доходы, власть отказалась от жесткой линии поведения, хотя была все так же раздражена всем происходящим. В этом нет ничего удивительного, поскольку в стране с коммунистическим режимом официальной "религией" является атеизм.

Я вернулся в костел на вечернюю Мессу. Погода была настолько прекрасна, что я не вошел в храм, а присел на ступеньках перед входом вместе с другими

хорватскими семействами которые не поместились в середине. Я был счастлив услышать вновь это пение и колокола. Покой, которым одарила меня Месса и теплый летний ветерок, очистили мою душу от последних остатков дорожной усталости. Так оно и есть: я вновь сидел около Врат Небесных.

Во время проповеди я обратил внимание на то, как отец Перван прохаживается между стоящими спаружи людьми. Этот священник прибыл в Меджугорье вскоре после того, как здесь начались явления; тогда он был настроен очень скептически. Он добивался немедленного и детального допроса детей, и даже предлагал совершить над ними экзорцизмы – молитвы для изгнания дьявола. Вскоре после ареста отца Йозо отец Томислав Перван с удивлением получал известие о своем назначении на место пастыря прихода святого Иакова, что одновременно падало на его правовой ответственностью за ежедневные явления.

Прошло достаточно темного времени, и он, видя постоянство и искренность детей, убедился в их невиновности и начал верить, что в Меджугорье действительно происходит нечто необычное. Без его веры и молчаливой поддержки Меджугорье, скорее всего, не произвело бы такого сильного духовного влияния.

В видеофильме, который я просматривал перед написанием серии статей, посвященных Меджугорью, отец Перван так рассказывал о переменах, произошедших в этой деревне:

24 июня – это день перелома. История Меджугорья делится на то, что было до этого дня, и на то, что произошло потом. Когда-то это был один из многих поселков района; но после того, как начались явления Небесной Владычицы, селение начало преобразаться, а люди начали жить по Евангелию. Жителей Меджугорья можно сравнить, если мне позволят такое сравнение, с учениками Иисуса: до Воскресения они были просто обычными учениками, после Воскресения они сделались просветленными учениками.

После Миссы я прогуливался около приходского дома, с нетерпением ожидая отца Светозара. Мне хотелось как можно быстрее вернуться домой и лечь спать. Я ужасно устал. Прошел час, а отца Светозара все еще не было. В конце-концов из приходского дома вышел отец Перван. Я спросил его: "Есть ли какие-нибудь известия от отца Светозара? Мне показалось, что мы разминутся". "Он сейчас придет, – сказал отец Перван, не задерживаясь рядом со мной ни на секунду. Он шел в сторону костела.

Стрелка часов уже перескочила за девять, когда на паркингтовую площадку

перед костелом въехал маленький белый "фольксваген". Из автомобиля вышел отец Светозар, обнял меня и подтолкнул к куче сложенных неподалеку досок. "Я хочу, чтобы ты рассказал мне все о своей семье, о себе самом и о том, что ты знаешь о явлениях", – сказал он ласково. Я почувствовал себя спокойнее. "Теперь у нас достаточно много времени", – добавил он. На какое-то мгновение я вспомнил, что вот уже 38 часов, как я не спал и находился в непрерывном движении, однако тут же забыл об этом. Мы устроились на досках, и я начал рассказывать о своей жизни. Прошло полночь. И здесь я услышал слова, которые полностью сбили меня с толку.

– Уэйн, дорогой мой друг, я очень благодарен тебе за то, что ты приехал издалека, чтобы помочь мне писать. Должен тебе сказать, что я смогу вернуться в Меджугорье только в день годовщины первого явления. Надеюсь, что за это время ты сможешь поработать над рукописью в одиночестве, до времени моего возвращения.

Я был "горд оказавшим мне доверием".

– Конечно, отец, я так благодарен, что могу с вами сотрудничать и снова быть здесь.

Однако в голове у меня вертелся вопрос:

– Да что же я буду здесь делать в течение целых девяти дней? Прощаясь и желая друг другу спокойной ночи, мы договорились встретиться в полдень и поговорить о том, что я уже сделал к этому времени. Дорога на Цетлок была окутана густой мглой. Все время я думал о том, что теперь, когда я, наконец, появился здесь собственной персоной, этот глубокий, вдохновенный, но несколько безответственный священник, право, не знает, что со мной делать.

*Послания, которые я вам передаю,
воспринимайте со всей серьезностью –
Я буду с вами долго, чтобы помочь вам
воплотить их в жизнь...*

17.

Время ученичества.

Я проснулся около девяти часов утра. Меня приветствовало ослепительное солнце, жара и легкий ветерок. Это было так прекрасно, что мое плохое настроение моментально улетучилось. "Как хорошо мне здесь", – подумал я. Мне нравилось и простое жилье, и открытая всякому взору приверженность к христианскому благочестию. Хорошо было бы отложить на некоторое время заботы, которые так утесняют нас в нашей будничной жизни. Однако где-то в глубине души шевелилось чувство вины. Я ведь приехал сюда лишь для того, чтобы сотрудничать с отцом Светозаром, а теперь должен праздновать летящие в течение девяти дней. Я вздохнул и пообещал себе, что до самого приезда отца буду ревностно трудиться над редактированием текста.

День шел своим чередом, и я не думал о том, что у меня нет никакой работы. Я отыскал мужчину, который предлагал мне квартиру, когда я был здесь в предыдущий раз. Его звали Примо, и он был владельцем маленькой прачечной в Цетлюке. Пансионат еще не был достроен, а потому он пригласил меня к себе домой. Когда я начал настаивать на том, чтобы он принял от меня деньги, он согласился, хотя и не без долгих колебаний и очень неохотно, выразив при этом желание, чтобы я вносил плату его сыну, поскольку именно его комнату я буду снимать.

После этого я должен был отправиться в приходской дом, чтобы встретиться с отцом Светозаром. Накануне мы договорились, что я буду у него в полдень. Однако теперь уже я хорошо знал, как ужасно неуправляем этот священник. И все же я приехал на 45 минут раньше. Справа от лестницы, ведущей в приходской дом, я обнаружил лавочку. Присев на нее, я с полчаса поработал над рукописью отца Светозара. Из погруженности в работу меня вырвал вопрос молодой женщины, говорившей по-английски с хорошим британским акцен-

том: "Что вы пишете?" Я поднял глаза и увидел юную девушку со светлыми волосами, которая присела на корточки возле моей скамейки.

— Я работаю над книжкой о Меджугорье. Вы англичанка?

— Конечно же нет, — засмеялась она. — У вас нет знакомых в Австралии? Вы американец? Правда?

— Действительно, это так, — глуповато усмехнулся я. — Разве нас, американцев, так легко можно узнать?

— Мое имя Таня, а ваше?

— Уэйн.

Она снова засмеялась.

— Я буду называть вас Джон Уэйн!

— Идет!

— В точности соответствует имени известного актера. Как в тумане я слушал щебетание этой молоденькой девушки из Австралии, которая прерывала свою болтовню лишь вопросами относительно моей работы и причин приезда в Меджугорье.

Я едва успевал отвечать ей, а она уже вновь начинала рассказывать мне очередные подробности из своей жизни.

Этой девочке было 16 лет. Почти два месяца ее заботливо опекал отец Славко Барбарига, один из духовных советников ясновидящих. Со столь типичной для подростков откровенностью Таня рассказала мне, что в возрасте 13 лет она была наркоманкой и ее неоднократно помещали в больницу с признаками отравления. Собственно из-за этого она приехала сюда. После очередного попадания в больницу она упростила свою мать, чтобы та позволила ей поехать в Меджугорье, где ею решил заняться отец Славко, психолог по профессии, заботящийся о неприспособленных к жизни подростках.

Таня, которая начала рассказывать о себе так подробно, безусловно, хотела окончить. Она говорила очень быстро. Время от времени делала короткие паузы, чтобы выяснить, какое впечатление производит на нее ее рассказ. Ее родители были в разводе. Мать, хорватка, жила на маленьком острове в Адриатическом море неподалеку от Сплита и была владелицей дома отдыха; отец же ее, которого она не видела уже больше года, жил и работал в Австралии.

Таня в течение долгого времени жила в Югославии и бегло говорила по-хорватски. Многократно она присутствовала при явлениях, хорошо знала ясновидящих и чувствовала, что после такого долгого пребывания в Меджугорье вполне освободилась от наркотической зависимости и всех связанных с ней болезненных эмоциональных явлений.

Ее поспешный рассказ был прерван другой молодой женщиной, присоединившейся к нам.

– Это моя подруга Катлин. Она тоже американка, – пояснила Таня. – Мы живем в одной комнате. Катлин заботится обо мне и помогает отцу Славку. А это, – сказала она, повернувшись к Катлин, – мой новый друг, америкапец Джон Уэйн, он писатель.

Катлин, казалось, колебалась. Она ничего не говорила, а только лишь присматривалась ко мне внимательно. Однако через минуту она успокоилась и начала рассказывать о том, как попала в Меджугорье. Я обратил внимание на то, что ее ноги были босы, но не успел спросить ее об этом. Таня сама объяснила мне, что Катлин принесла обет девятидневного поста и сейчас живет на хлебе и воде, а хождение босиком – это дополнительное покаяние. Я подумал, что эта девушка немощно перебарщивает. Во время предыдущего путешествия я встретил несколько людей которых признал эксцентричными, фанатичными либо попросту безумными. Теперь приходилось отнести Катлин к этой же самой группе, тем более, что сама она вела себя так, будто хотела утвердить меня в таком мнении. У нее были длинные прямые волосы, спадавшие ей на плечи. Она была старше Тани: ей было около 30. Родилась в Майами во Флориде, недавно переехала в Швейцарию, а теперь по просьбе отца Славко помогала Тане и была для нее как бы старшей сестрой. Когда я начал понимать, какую ответственность она сама на себя приняла, когда я начал замечать силу ее врожденной доброты, мое мнение о ней совершенно изменилось. Наш разговор был прерван появлением отца Светозара:

– О, Уэйн! Добрый день! Я вполне готов. У нас много работы, приглашаю тебя войти, мы можем начинать.

Он поприветствовал и девушек. Мне стало ясно, что они знакомы. Я глянул на часы: было 12.40. Но обиды на опоздание отца Светозара не было. Время в разговоре с Таней и Катлин пролетело приятно и незаметно.

Отец Светозар ввел меня в небольшой кабинет напротив комнаты, где происходили явления.

– Здесь никто нам не будет мешать, – сказал он, быстро запирая дверь. Я почувствовал необходимость спросить его:

– Отец Свет, знаете ли вы этих девушек?

– О, да! Катлин помогает нам, как только может, но у Тани множество проблем. Постарайся быть с ней очень осторожным.

– Что вы имеете в виду?

Он задумался, старательно подбирая слова.

– Таня нуждается в помощи. У нее множество проблем. Иногда она очень симпатична и мила, но часто становится просто невыносимой. Не позволяй слишком сильно втянуть себя в ее дела. Достаточно того, что отец Славко ей помогает. Но не беспокойся об этом, – улыбнулся он. – Лучше погляди на то, что сделано тобою до сих пор.

В течение последующих трех часов мы просматривали то, что я сделал с рукописью. Отец Светозар спрашивал, почему я измстил или добавил какие-либо новые части. Сперва мне не хотелось говорить слишком много: меня не оставлял почтительный трепет из-за того, что я работаю с этим святым человеком. Однако позднее я расслабился и так увлекся нашей работой, что забыл обо всем на свете.

По окончании разговора отец встал, хлопнул меня по плечу и рассмеялся.

– Хорошая работа! – сказал он. – Нам с тобой будет хорошо работать вместе, хотя и без того у меня не было насчет тебя никаких сомнений.

От счастья у меня перехватило дыхание, и я ничего не смог ему ответить. Мы договорились, что в ближайшие девять дней я буду редактировать текст, оставаясь в Меджугорье, а потом отец Светозар заберет меня в свой приход в Коньщ (это около двух с половиной часов езды на север в районе Сараево). Там я на неделю поселюсь в местном приходском доме. Днем я не смогу выходить на улицу, чтобы в милиции не узнали о моем присутствии. Таким образом, в следующий раз мы сможем увидеться только 25 июня, в очередную годовщину первого явления.

– Завтра поздно вечером мы с тобой уедем, но так, чтобы никто этого не заметил, – добавил священник.

Когда мы попрощались, я слегка забеспокоился. У меня не было никакой охоты оказаться замешанным в политику. Однако работа – прежде всего.

Отец Светозар помахал мне рукой и уехал на своем маленьком белом автомобильчике. Я осмотрелся вокруг, не подглядывал ли кто за нашей встречей. Честно говоря, я чувствовал себя так, как будто бы был шпионом.

Через некоторое время наallee около костела я встретил Тапо, Катлин и еще одну девушку. Девушки пели, а Катлин сопровождала их пение игрой на гитаре. Таня увидела меня первой и взмахнула рукой, приглашая присоединиться. У меня в голове еще звучали предостережения отца Светозара. Было удивительно, что эта подвижная юная особа, на первый взгляд вполне счастливая, могла иметь такие серьезные проблемы. Позднее я узнал, что третья девушка, немка по имени Агнес, также приехала в Меджугорье с множеством проблем, касающихся ее собственного эмоционального состояния

и здоровья. Агнесс была парализована и могла ходить, только опираясь на костыли. И ею тоже занимался отец Славко, позволивший ей приходить в комнату явлений во время откровений Богоматери. В соответствии с тем, что она мне рассказала, во время одного из явлений она была мгновенно исцелена и покинула комнату на собственных ногах, аккуратно поставив костыли в уголок. После возвращения в Германию врачи документально подтвердили факт чудесного исцеления.

В этот раз я уже знал о Меджугорье намного больше, чем в предыдущий. Здесь происходило намного больше чудесного, чем я мог предположить, намного больше, чем только лишь духовные феномены, чудеса и драматические обращения. Здесь шла борьба, настоящий бой, и все участвующие в нем люди переживали иной раз свои разочарования и поражения. Далеко не все из тех, кто сюда приезжал, добивались до духовного преображения. Так же, как не все оказались исцелены от своих болезней. И я вдруг понял, что эта деревенька ничем особенно и не отличается от моего Миртль-Бич, вопреки моему мнению об этом раньше. И здесь тоже есть добро и есть зло. Меджугорье – точно такое же место, как и всякое другое, с той лишь разницей, что чудеса и откровения Пресвятой Девы Марии совершили великие перемены в живущих здесь людях. В Меджугорье приезжает немало людей таких, как эти три девушки. Люди ищут здесь чудесного разрешения своих проблем. Да, проблемы Агнесс оказались решены. Но Таня, как и тысячи других, приезжавших с единственной мыслью – найти помощь, все так же продолжает искать ее и не теряет надежды. Я вспомнил, что сказал по этому поводу Фрапк Фьяминго, паралитик, который побывал здесь с нашей группой. Я спросил его, чего он ожидает в конце этого путешествия и надеется ли на то, что будет исцелен?

"Я приехал сюда не для того, чтобы оказаться исцеленным, – ответил он, – я ищу здесь того же, что и все другие. У меня есть свои личные причины, из-за которых я нуждаюсь в духовном обновлении".

Таня и Агнесс ушли на какую-то встречу, но перед уходом Таня пообещала, что завтра мы поговорим дольше. Когда я встал, Катлин сказала, что хотела бы со мной поговорить.

"Говорила ли вам Таня что-нибудь о своем прошлом?" – спросила она.

Я повторил ей все, о чем мы говорили утром, не пропуская ничего.

– Наркотики – это не единственная ее проблема, – сказала Катлин. – Она – алкоголичка, но и другие трудности у нее тоже есть. Когда она приехала сюда, то была настолько больна, что пролежала в постели всю неделю. Таня находится под постоянной угрозой срыва. Поэтому отец Славко просил меня,

чтобы я жила с ней и за пею присматривала. Я говорю вам об этом, поскольку хочу, чтобы вы были с ней очень осторожны. Таня, вдобавок ко всему, – об этом вы еще не знаете – слишком легко и слишком сильно привязывается к людям.

Я пообещал, что буду держать дистанцию в отношениях с Таней, поскольку у меня и так слишком много работы с книгой отца Светозара, а кроме того, мне хочется провести свои собственные исследования. Глубокая преданность Катлин тому, что она делала, произвели на меня большое впечатление. То, что казалось для меня фанатизмом, для нее было проявлением своей преданности Богу. В ее жизни воплотились призвания Девы Марии, и ее послушание было неизмеримо больше, чем мое. Таковы были мои первые впечатления.

Легко было обещать, что я буду держать дистанцию по отношению к Тане, но реализовать это было слишком непросто. Во время утрепней молитвы она села рядом со мной и спросила, не имею ли я ничего против. Я ответил, что, разумеется, не имею. Впоследствии Катлин сказала мне, что эта была первая Месса по-английски, на которую пришла Таня. Катлин предложила мне, что сама скажет Тане о том, как много у меня сейчас работы и что мне нужно уединение; однако я не согласился на это. Я сказал, что Таня после встреч со мной чувствует себя лучше, и Катлин вынуждена была согласиться.

На протяжении следующих дней я очень много работал, а в свободное время общался с Таней, разговаривая о ее проблемах. Отец Светозар был прав: иногда она вела себя как ангел, а иногда у меня создавалось впечатление, что изменения, происходящие с ней, начинают идти в прямо противоположном направлении. Все, что она при этом делала, как и то, что она говорила, целенаправленно провоцировало во мне гнев, а если я проводил время с другими людьми, она становилась ревнивой, как ребенок. Особенно ревновала она меня к группе из "Центра Мира", которая появилась здесь в начале недели. Духовным проводником группы была сестра Маргарет. Ей помогала брызжущая оптимизмом Роза Фишнеган. В группе были также и родители Маурин Томпсон: Джон и Мернепп, и младшая сестра Маурин – Шейла. Встреча с ними меня порадовала особенно потому, что перед их приездом в Меджугорье было не слишком много американцев. Мы очень приятно проводили время с родителями и сестрой Маурин. В это время я реже виделся с Таней.

Однажды сестра Маргарет, которой я рассказал обо всем, предложила мне пригласить Таню на совместный обед с их группой в гостинице в Цетлоке, рассчитывая, что в окружении американцев она будет чувствовать себя лучше. Я спросил Катлин, каково ее мнение об этом, а она, в свою очередь, спросила

отца Славко. По их просьбе я встретился с этим отцом, который захотел познакомиться с американцем, подружившимся с его подопечной. Наш разговор удался, я получил разрешение пригласить Таню на обед при условии, что она вернется домой не позднее 22.00.

Все присутствовавшие за столом были очень довольны. Таня была попросту счастлива и всех очаровала, в определенном смысле мы сделали для нее как бы семьей. Я догадывался, что семейная жизнь была для нее самым тяжким жизненным испытанием. Я исполнил обещание, данное отцу Славко, и вовремя отвез Таню, а затем возвратился за сестрой Маргарет, которую пообещал отвезти домой: она жила недалеко от Меджутоья. Возвращаясь в Цетлок, я увидел в свете фар двух танцующих на дороге девушек. А поскольку одна из них была Таней, то я остановил автомобиль. Когда она меня увидела, то была потрясена не меньше моего.

— Таня! Что ты здесь делаешь? Ты же знаешь, что отец Славко хотел, чтобы ты в десять была дома.

Пойманная на горячем, она явно не хотела выглядеть в глазах подруги малым птенчиком.

— Меня не интересует, что там говорит отец Славко. Я уже вполне взрослая и могу делать то, что хочу, — выкрикнула она гневно.

Я пытался убедить ее в том, что в Меджугорье она находится под опекой духовного отца, но она не желала меня слушать. В конце концов она сказала, что я тоже не имею никакого права указывать ей, что она должна делать.

— Садись, отвезу тебя домой, — сказал я, пропустив мимо ушей ее последнее замечание, оказавшееся для меня особенно горьким.

— Нет! Нам здесь весело, и я отсюда никуда не пойду.

— Ну что же, порядок, делай что хочешь! — ответил я и быстро уехал.

Как же это возможно, чтобы девушка, такая добрая и такая воспитанная, всего лишь несколько часов назад так мило развлекавшаяся с группой из "Центра Мира", теперь была такой бунтующей и непослушной? Мы разговаривали между собой достаточно много — иногда спокойно, иногда гневно. Я чувствовал, что становлюсь для нее вторым отцом. А теперь начинал сомневаться: а помогло ли ей хоть как-то все то, что я для нее делал? В эту ночь меня поджидала еще одна неожиданность. В доме Примо я застал нового гостя. Это был фотограф из европейской редакции журнала "TIME", приехавший с заданием, подготовить материалы о Меджугорье в связи с пятилетней годовщиной явлений. Годовщина выпадала на завтрашний день, и я на какое-то время забыл о Тане. Меня радовало, что по прошествии столь долгого времени

информация об откровениях наконец-то попадет на страницы международной прессы, особенно если учесть, что в селении ожидали более 100 000 гостей. Мы разговаривали с ним более двух часов. Я рассказал ему обо всем, что знал, и пообещал показать ему окрестности. Мы договорились, что с утра пойдем к дому Випки, чтобы сделать несколько снимков. Уже утром по дороге журналист сказал мне:

– Я сообщил бы об этом вчера, но не хотел говорить о неприятном в доме. Тебя ищет милиция. Утром они были у Примо, но он не знал, когда ты возвратишься.

– Что? – ударив по тормозам, я съехал на обочину. – Чего они от меня хотят? – спрашивал я, будучи ужасно испуган.

– Спокойно, – усмехнулся мой товарищ, – они знают, что ты журналист, и хотят выяснить, почему ты до сих пор не зарегистрировался в паспортном отделении.

– Я не мог. Я не хотел, чтобы они знали, что я работаю с этим священником... А откуда они знают, что я журналист?

Фотограф хмыкнул.

– Ты появляешься всюду с пишущей машинкой и задаешь множество вопросов... – при этих словах он перестал улыбаться. – Этих людей невозможно обмануть. Под любым предлогом они могут тебя арестовать, допросить и по прошествии нескольких дней выбросить из страны. А может быть, и еще хуже, – он покачал головой. – Не забудь, что ты не в Америке.

Только теперь я понял, насколько глупо вел себя, не пытаясь скрыть цель моего пребывания в Меджугорье. Поведение отца Светозара должно было бы стать для меня достаточным предостережением, но слишком поздно я понял необходимость такой предосторожности, как обязательный выезд в Коньщ, и необходимости тщательно скрывать факт моего пребывания там.

– И что же мне теперь делать? – спросил я срывающимся голосом.

Фотограф советовал либо пойти в милицию и попробовать зарегистрироваться, либо покинуть дом Примо.

– Я выезжаю. – Мне совершенно не хотелось идти в милицию. – В Меджугорье найдется несколько таких мест, где никто меня не отыщет.

Я был уверен, что одну или две ночи смогу переночевать в доме, где сидела сестра Маргарет. Меня посетило желание сейчас же развернуть машину, упаковать свои чемоданы и моментально выехать из Цетлюка. Однако фотограф из "TIME" хорошо знал характер коммунистических властей, поскольку целый год перед этим прожил в Польше, а потому не согласился с таким моим решением.

– Это было бы слишком простодушно, – ответил он, – лучше выберись из дома ночью.

Когда мы подъехали к дому Вицки, он сказал, что ему лучше самому искать подходящее место для фотографирования. Поэтому я оставил его самого и поехал в костел на Святую Мессу. Через некоторое время я успокоился и начал обдумывать план действий. Перед костелом я встретил сестру Маргарет и рассказал ей о том, что происходит.

– Это значит, – справедливо решила она, – что ты нуждаешься в убежище на одну ночь, поскольку завтра уедешь с отцом Светозаром в Коньщ. Конечно же, ты можешь перепочевать в доме, где живу я. Это настолько далеко от костела, что никто тебя и не заметит. Не беспокойся и постарайся расслабиться. Молись и будь доволен тем, что имеешь.

Сестра Маргарет помогла мне взглянуть на эту ситуацию совершенно другими глазами. Я решил воспользоваться ее советом. После Мессы мы встретились с Томпсоами. Общее решение было таково, что мы проведем день в горах, а затем присоединимся к своим веселым приятелям в кофейне "Антопия", где встречались многие жители села. Несколькими днями ранее мы узнали, что владельцем кофейни является отец ясновидящей Марии и что ее сестра Милка тоже там работает.

Милка, присутствовавшая при первом появлении Святой Девы, видела тогда ее единственный раз. Теперь ей было 18 лет. Она была худенькой и оль подвижной, выглядела гораздо более взрослой, чем любая другая девушка в ее годы. К тому же она была любимницей всех местных. Очень скоро мы с ней подружились. Вопреки тому, что по-английски она могла сказать всего лишь несколько фраз, мы понимали друг друга достаточно хорошо. Иногда я приходил сюда с Таней, которая служила нам переводчиком. Милка, одаренная способностью быстро учиться, хорошо говорила по-итальянски. Этому языку она научилась от многочисленных паломников, прибывавших в деревню со времени первых явлений. Меня восхищало то, как легко согласилась Милка с фактом, что видела Пресвятую Деву лишь раз в то время, как ее сестра сделалась одной из шести ясновидящих. Я спросил ее об этом во время штервью, которое взял у нее позднее. Она только пожала плечами и ответила:

– Лучше было увидеть Ее только раз, чем вовсе не увидеть.

Мечтала ли она о том, чтобы сделаться видящей наподобие своей сестры?

– О нет, – засмеялась она, – тогда я должна была бы бесконечно разговаривать с репортерами, наподобие того, как болтаю теперь с вами!

Я видел в Милке нечто необычное. Она согласилась со своей судьбой, хотя

невооруженным глазом можно было заметить в ней желание принадлежать к тем, кто ежедневно видел Деву Марию. Она умело это скрывала, но, несмотря на это, я знал, что так оно и есть. И когда пришел мой срок покинуть Меджугорье, Милка оказалась тем человеком, которого я полюбил больше всего.

Вечер пятой годовщины явлений был прекрасен. Тысячи людей собрались в костеле и перед ним. Я стоял рядом с Томпсоном на газоне за костелом, наслаждаясь красотой наступающего вечера, видом неба и прохладным ветерком. Я молился, перебирая четки Святого Розария. В течение всего дня я не видел Тани. Однако теперь она появилась, полная раскаяния, прося прощения за свое поведение в предыдущий день.

— Прощу тебя, пойдем со мной, я совершенно не в состоянии молиться, мне надо с тобой поговорить.

Я извинился перед остальными, и мы пошли в тихую, заросшую тенистыми деревьями аллею за костелом, где можно было поговорить. Таня начала плакать. Вечером, который она проводила с подругой, они встретили двух парней из села и были с ними допоздна. Теперь она ужасно этого стыдилась и не знала, как поступить в отношении отца Славко:

— Я понимаю, что он обо всем узнает. А тогда он обязательно отоплет меня домой. Что мне делать?

— Ты сама должна ему обо всем рассказать и согласиться с любым его решением.

— Нет!

Она резко подняла голову и встала, чтобы уйти. Я терпеливо напомнил ей обо всех людях, которые прикладывали усилия, чтобы ей помочь. Напомнил ей также о том, что было для нее сделано. И теперь она может выбирать: либо принять доброту, которая пришла к ней через отца Славко, и остаться в Меджугорье, либо самой дальше управляться со своей жизнью. Меня поразило, как быстро она успокоилась. Я говорил с ней так, как говорит отец с дочерью, и это мне удалось. Таня обняла меня и пообещала, что сразу же после Мессы она расскажет обо всем отцу Славко и примет то, что ей уготовано.

После этого мы возвратились к Томпсонам и приняли участие в Мессе. Позднее, когда мы все расселись на траве, чтобы поговорить о прошедшем дне, Таня прибежала к нам. По ее лицу я прочитал, что все сложилось хорошо. Она рассказала нам о разговоре с отцом Славко: "Ох и зол же он был на меня! Но сказал, что это хорошо, что я ему обо всем рассказала. Я сказала ему, что это

ты подсказал мне, чтобы я во всем призналась, и знаешь что? Он сказал, что завтра утром ты можешь прийти, а он даст тебе интервью, о котором ты просил. Разреши мне быть переводчиком! Я так счастлива!" Я был рад, что все хорошо окончилось. Я договорился встретиться с ней перед приходским домом утром в 9.00. Ну что же, завершающийся день был действительно хорош. Да и все остальные девять дней прошли чудесно. Я многому научился и, задумываясь над этим, пришел к выводу, что, собственно говоря, эта учеба и была самым главным из того, что я пережил в Меджугорье.

Оставалась одна единственная нерешенная проблема – милиция. Я почти забыл об этом, но вспомнил, когда выехал в сторону дома Примо в Цетлоке. Приехав туда, я хотел поговорить с Примо, и если бы он решил, что так необходимо, я намеревался, подобно Тане, пойти и признаться во всем. Мы были одни, поскольку фотограф из "TIME" уехал раньше, чтобы попасть на самолет, вылетающий из Мостара. Однако Примо быстро пожелал мне спокойной ночи, вспомнив, что ранним утром он должен быть у себя в прачечной.

Я пошел в свою комнату и долго раздумывал, должен ли я уехать отсюда сейчас же или же могу подождать до утра. И, в конце концов, я помолился: "Господи, прошу тебя, направь меня..."

18.

В комнате откровений

Я проснулся около пяти часов утра, упаковал свои вещи и, стараясь никого не разбудить, выехал из гостеприимного дома. Мне казалось, что это будет наилучшим решением всех проблем, связанных с милицией. Я уйду и затеряюсь в толпе паломников, заполняющих Меджугорье, а в течение дня заскочу к Примо, заплачу ему за жилье и возвращусь домой.

Меня удивило, что в такую рань на улицах было уже довольно оживленно. Я серьезно обеспокоился, поскольку это означало еще и то, что на моем пути мог оказаться милицейский патруль, и облегченно вздохнул лишь тогда, когда мне удалось проехать незамеченным и остановиться на завтрак в кофейне на окраине Меджугорья.

Завтракая яичницей, колбасой и свежим хлебом, я думал о том, как быстро прошли все девять дней ожидания. Вот уже и 26 июня, мой день рождения! В спешке и возбуждении я вовсе об этом забыл. В этот особенный день я проведу интервью с отцом Славко, после вполне смогу насладиться свободным временем, а в полночь уеду с отцом Светозаром в Коньщ. День рождения, о котором можно лишь мечтать.

В девятом часу я уже был около приходского дома, с минуты на минуту ожидая прихода Тани. Неожиданно входная дверь открылась, и на пороге появился отец Светозар.

– Уэйн, друг мой, иди за мной!

Слова отца звучали спокойно, но очень серьезно. Он взял меня под локоть и вышел на пустошь перед костелом.

– Здесь мы сможем побыть наедине.

Никогда до сих пор я не видел, чтобы кто-нибудь был так серьезен. Как будто читая мои мысли, отец Светозар сказал: "Пусть это тебя не смущает, но

наши с тобой планы резко изменились. Из-за причин, о которых я тебе говорить не буду, тебе не следует сегодня ехать вместе со мной в Коньшц". Он прервался, положил руку мне на плечо, после чего снова начал говорить: "Мы должны договориться с тобой иначе. Завтра я принесу тебе исправленную рукопись, сестра Маргарет отвезет ее в Соединенные Штаты и передаст тебе копию. Мы будем работать отдельно друг друга, а "Центр Мира" будет нашим связным".

– Но, отец мой, я вовсе не боюсь...

Он прервал меня, сильно сжав мое плечо: "Прошу тебя, доверься мне. Так будет лучше. Мы еще раз увидимся завтра и тогда поговорим подольше. А теперь я должен уже идти".

"Ну, что же, – подумал я в душе, борясь с чувством ужасного разочарования. – это многое меняет". Когда отец Светозар уже отъехал, я осознал, что мне нужно найти для себя ночлег. Меня не оставляла надежда на то, что в доме, где жила сестра Маргарет, для меня найдется какая-нибудь комнатка. Единственное, что было хорошо, так это то, что я теперь мог бы возвратиться к себе домой – а я ведь так сильно скучал за своей семьей! Ладно, останусь в Меджугорье еще на субботу и воскресенье, а в понедельник поеду в Дубровник и, может быть, еще успею на самолет, вылетающий в 7.10.

Когда я стоял на паркинговой площадке, повернувшись спиной к приходскому дому, кто-то стал сзади меня и схватил меня за плечи.

– Самые лучшие пожелания тебе, Джон Уэйн! Самые лучшие пожелания! – Я оглянулся. Таня пританцовывала около меня, счастливая из-за того, что будет переводчиком при моем разговоре с отцом Славко. – У меня есть для тебя сюрприз! – закричала она. – Получишь его после окончания интервью!

– У меня тоже есть для тебя сюрприз, хотя сегодня не твой, а мой день рождения, – пошутил я. Мне было известно как грустит Таня из-за того, что мне предстояло вечером уехать из Меджугорья. – Мои планы изменились, я сегодня не поеду в Коньшц, а значит, останусь здесь еще на три дня.

Услышав это, Таня радостно завизжала и бросилась меня обнимать. С того вечера, когда она пришла домой поздней ночью, ее поведение было безупречным. Восторг, который она словно изливала на меня, очень волновал.

Самое время было встретиться с отцом Славко. Когда мы входили в его кабинет, я понял, что это и есть та самая комната. Именно здесь ежевечерне происходят явления Девы Марии. Вначале явления происходили в костеле, а точнее, в маленькой ризнице с правой стороны от престола. Так было до тех пор, пока епископ города Мостар не запретил использовать для видящих сакральных помещений. Епископ Павао Занич, всей душой поверивший в

истищность явлений в течение первых нескольких месяцев, теперь был их завзятым противником. Епископ не был из среды монахов-францисканцев, а потому решил, что все происходящее является ловким фокусом францисканских иеромонахов из костела Святого Иакова. А потому вот уже два с половиной года явления происходили в этом малом, тесном кабинетике, который одновременно являлся и спальней, и приемной священника.

Я буквально оторопел от радости, когда понял, в каком месте я нахожусь. Но еще большую радость пробуждало во мне то, что мне удастся взять интервью у этого седовласого богослова и психотерапевта с исхудалым лицом, словно защищенным очками в массивной черной оправе. Этот священник был прислан епископом Заничем с заданием доказать, что все происходящие откровения — не более чем ловкий обман, в чем епископ был более чем уверен. По мнению епископа, лучшего человека, чем отец Славко Барбариг, для такого задания было не найти. Он был очень учен, свободно владел четырьмя языками, являлся одним из лучших в Югославии профессоров богословия, а потому должен был легко разобраться во всей этой ситуации.

Я спросил отца Славко о первых днях, которые он провел в обществе ясновидящих. Оказалось, что уже при первой встрече, после серьезных и подробных расспросов, он был убежден, что молодые люди не обманывают, и дело здесь намного более серьезное. По прошествии еще некоторого времени он понял, что явления не могут быть не истинными. Более того, он почувствовал себя ответственным за духовную жизнь молодых ясновидящих, которые подвергались нападкам со всех сторон. По сути дела, он был озабочен благом всех молодых людей прихода. Многие молодые люди в Меджугорье, вдохновленные своими друзьями, которые начали получать откровения, из-за чего их жизнь полностью переменилась, запово пытались восстановить и обновить свою связь с Богом и Церковью. Возникли молитвенные группы, а от отца Славко молодежь ожидала духовного руководства.

Не обращая внимания на гнев епископа, он начал ревностно служить местной общине, работая целыми днями и спеша с помощью любым возможным путем. Результатом его деятельности было и возникновение молодежной группы для тех, чье развитие было по тем или иным причинам нарушено. Что является для него здесь самым трудным? То, что ежедневно он отвечает за мирную обстановку вокруг явлений, что должен принимать участие в определении того, кому можно войти и присутствовать в комнате, а кому нельзя.

Когда я спросил его, а почему именно эти дети оказались избранными в свидетели явлений Богоматери, он ответил мне, цитируя известные слова Девы

Марии, которые Она сказала, когда ясповидающие задали Ей точно такой же вопрос: "Не всегда избрание достается наилучшим".

"Быть может, это звучит не слишком возвышенно, — добавил он, — однако факт остается фактом: Владычица наша целенаправленно избирает простые души, таким образом делая свои откровения еще более достойными доверия".

Я понял, что он имеет ввиду. Трудно было бы вообразить, чтобы кто-нибудь заподозрил таких непосредственных подростков в распространении или участии в распространении явной лжи — и в таких масштабах, в течение пяти лет подряд!.. Без сомнения, по прошествии достаточно долгих детальных исследований со стороны целых научных групп, различного рода врачей, богословов с высокими степенями вся правда была бы выявлена. Отец Славко добавил, что эти обстоятельства также играют роль в определении того, кто может находиться в комнате во время явлений, принимая во внимание первоочередность присутствия духовных лиц, групп ученых и журналистов.

Отец Славко указал еще и на другой факт: Дева Мария обычно является необразованным детям, и тем самым отвергает настежь двери для чистой, искренней веры. Когда Ее спросили, чего Она хочет от людей, живущих в Меджугорье (а после еще раз спросили о людях во всем мире), Она сказала: "Пусть верят так, как если бы и они это видели".

Что можно сказать о вере ясповидающих до того, как начались явления? Они, как и большая часть детей во всем мире, знали, что вера является чем-то важным в жизни человека, однако это убеждение было в них приглушено суетой и будничными хлопотами. Обычно они приходили в костел в воскресенье, однако если случалось пропустить одну — другую Мессу, то они не видели в этом большой проблемы. А молитвы Розария совершали лишь во время периодов поста.

Что можно сказать о них теперь? Теперь они чрезвычайно заняты исполнением доставшейся им роли "адресатов" ежедневных посланий Девы Марии и ежедневными упражнениями в благочестии. Приезжие хотят их увидеть, дотронуться, поговорить, а это приводит к тому, что у них совершенно не остается времени на личные пужды. Каждый из них все же обладает неутишимым внутренним миром и вполне принимает все неизбежные трудности своего положения. На протяжении пяти лет было положено много сил на развитие их духовности.

Я согласно кивнул: великий покой и благожелательность, с которой они отвечали на вопросы и бесконечные просьбы в свое время потрясли меня. Я вспомнил сказанное о них отцом Первалом: "До начала явлений Пресвятой

Владычицы нашей Богородицы они были обаятельными детьми и ничем не отличались от всех других. А теперь, оказавшись на ином пути, они и живут по-иному". Отец Славко сказал, что характер этого нового пути лучше всего сформулировала Мария, отвечая на вопрос одного репортера, оказывается ли ежевечернее созерцание Девы Марии наиболее важным событием всего дня: "Самым важным событием в течение всего дня для меня является принятие Иисуса в Святом Причастии во время Евхаристического Богослужения".

Я слушал отца Славко с огромным вниманием. Из его слов я узнал о видящих гораздо больше, чем до этого прочел в книгах. Меня это не удивляло: ведь отец Славко является доверенным лицом и духовным руководителем юных ясновидящих. Мы разговаривали целый час. Таня была превосходным переводчиком, работала старательно, сосредоточенно глядя перед собой, выразительно и достаточно медленно переводя каждое слово. Отец Славко тоже был доволен ее работой и даже сказал ей об этом.

С большим сожалением я вынужден был завершить свое интервью. Я поблагодарил отца Славко за уделившее мне время и повернулся, чтобы идти. Однако Таня махнула мне рукой, чтобы я задержался. Она что-то шептала священнику на ухо. "Ах, да. Я совсем об этом забыл, — сказал он, улыбаясь. — Если вы хотите побывать здесь во время явлений Пресвятой Девы, прошу вас прийти сюда в пять часов пополудни.

Я остолбенел. Было понятно, что приглашение последовало не только из-за того, что я журналист и автор книжек. Должно быть Таня рассказала ему о моем дне рождения, и это, собственно говоря, и должно было быть ее сюрпризом для меня. Ни в какой из дней рождения у меня не было лучшего подарка.

Несколько минут я стоял, опемя, и мог лишь повторять беспрерывно слова благодарности. Уходя, я все еще не мог прийти в себя. А Таня скакала около меня в восторге от того, что ей удалось сделать мне настоящий сюрприз. Я посмотрел в небо и прошептал: "Спасибо, Господи Иисусе".

После полудня я стоял около лестницы приходского дома около полутора часов. Боясь опоздать, я пришел намного раньше. Я знал, что основная масса людей начнет стекаться сюда не раньше, чем за полчаса до начала явления. В 16.30 было уже достаточно многолюдно. Со всех сторон подходили люди, и каждый старался оказаться как можно ближе к ступенькам. Многие горячо молились в надежде на то, что отец Славко обратит на них свое внимание. Иногда ведь случалось, что, когда места оставалось достаточно много, он приглашал одного - двух случайно выбравших им шилингов.

Хотя я был приглашен, но спокойным себя из-за этого не чувствовал. Что если обо мне забыли? Быть может, меня попросту не заметят в этой толпе? Угнетаемый такими мыслями, я занял место возле самых ступенек еще до того, как люди начали сходиться. Честно говоря, я уже больше двух часов вертелся поблизости от этого места.

Рядом со мной стояла итальянка, которая заохала, всхлипывая и заламывая руки, когда толпа начала на нас наседать. Я глянул вверх: в дверях стоял отец Славко. Мгновенным движением руки он указал на меня и на нескольких священников и исчез за дверьми. Мы протиснулись ко входу и оказались внутри.

Итальянка, не переставая рыдать, протиснулась следом за мной. Ее задержал отец Славко, стоя у нее на пути и азартно споря с ней по-итальянски. После нескольких минут размахивания руками и жестикулирования он начал деликатно рыталькивать ее за дверь. Женщина не хотела с этим согласиться: она начала истерически всхлипывать и вопить, а одной рукой поймала дверь и вцепилась в нее так, что закрыть ее оказалось невозможно. Я был потрясен. Мне казалось, что у этой женщины должна быть какая-то гигантская нерешенная внутренняя проблема. Быть может, ее потребность серьезнее моей? В таком случае не должен ли я уступить ей свое место? Несколько человек поспешили на помощь священнику, и совместными усилиями им удалось отделить итальянскую даму от двери приходского дома. Двери удалось закрыть.

Какую-то минуту мне никак не верилось, что я уже в коридоре и через некоторое, очень короткое время стану свидетелем явления. Перед моими глазами стояла женщина, судорожно уцепившаяся за косяк двери. Отец Славко вернул меня к действительности, спокойно пояснив: "Ежедневно одно и то же. Каждому кажется, что именно он должен попасть в эту комнату и что его необходимость более острая, чем у всех остальных, – расстроенный, он воздел к небу руки и покачал головой. – Я не могу выпустить всех сразу. Это попросту невозможно!"

Теперь я понял, почему он утверждал, что это – самая тяжкая из всех его обязанностей.

Он повернул ключ в замке своих дверей, и мы вошли в комнату. Я быстро протиснулся вперед и стал справа, чтобы иметь возможность сделать как можно больше снимков лиц являющихся во время явления. Около меня примостилась с телекамерой группа телевизионщиков. Еще в течение двадцати минут в комнату набивались священники, монахи, светские... Ставовилось все более душно, но, как мне показалось, никому это не мешало.

Я преклонил колени, стараясь не обращать внимания на пот, струящийся по моему лицу, и присоединился к общей молитве по четкам Розария, которую начал читать один из присутствующих священников. Из-за окон точно также доносилось невнятное бормотание толпы: там тоже начали молитву. Я оглядел комнату, и простота этого места, в котором хотело в этот момент побывать так много людей, тронула мою душу. На крючке, вбитом попросту в двери, висела рубашка. На диване, притиснутом к стене, были разложены различного рода мелкие предметы личного благочестия – иконки, ладанки, четки и т.д., переданные сюда стоящими снаружи паломниками с просьбой, чтобы Дева Мария их благословила. Над диваном располагались книжные полки, а на самом верху находилось распятие. В этом месте ясновидящие встречаются с Богородицей.

Я поглядел на лица людей, паходившихся в комнате, и понял, что все, даже священники и монахини, убеждены в том, что здесь их ожидает самое знаменательное в жизни событие. Через несколько минут сюда явится Посланица Небес, Пресвятая Дева Мария. Видящие описывают Ее молодой женщиной в возрасте около двадцати лет, одетой в серебристо-серое платье и длинную белую шаль. У нее ясный взгляд, очень черные волосы, бледное лицо, а голос, когда Она начинает говорить, прекраснее всякой музыки.

В комнату вошли Мария Павлович и Яков Чоле – из визиоперов только они должны были быть здесь сегодня. В тот же момент мы прервали свою молитву. Мария преклонила колени педалеко от дверей, а Яков, высокий и худой, скованный, как всякий пятнадцатилетний подросток, присел в уголке, сложив руки на коленях. Отец Славко преклонил колени между ними и попросил Марию пачать молитву Розария. Они пачали тихонечко молиться. Я не мог оторвать от них глаз. Смешался, когда ясновидящая неожиданно поглядела прямо на меня и улыбнулась. Я многократно видел эту молодую, теперь уже двадцатилетнюю девушку в видеофильмах. Она всегда производила впечатлительные робкой, словно бы испуганной всем происходящим. Теперь же я обратил внимание на то, какой великой красоты внутренний свет исходит от нее.

Она окончила первую десятку Розария. Отец Славко глянул на Якова, чтобы он начал следующую десятку. Яков проговаривал молитвы очень выразительно и медленно. Я был захвачен тем, как хорошо это у него получается, когда вдруг сообразил: так ведь сама Царица Небесная учит его молитве с десятилетнего возраста!

Через минуту видящие уже стояли около дивана и пачали молиться одновременно. Вдруг – прервались. Упали на колени. Сердце в моей груди

стучало радостно: я преклонил колени попросту на расстоянии одной стопы от Марии... И тут до меня дошло, что Пресвятая Дева уже здесь!

На лице Марии – выражение величайшего почтения. Она двигала губами, но ни слова не было слышно. Во всяком случае, я ничего не слышал. Яков тоже двигал губами. Я глянул в ту сторону, куда были устремлены их глаза. Не было видно ничего, кроме висевшего на стене креста, но великий душевный покой сразу же охватил меня. Я забыл о намерении делать фотографии и ничего больше не мог делать, кроме как благодарить Бога за Его доброту и благодать.

В какой-то момент мне помешали телевизионщики: двое из них подошли к Якову, каждый ухватил его под руки, а затем они подняли его вверх... Мальчик при этом не изменил коленопреклоненной позы, его глаза все так же вглядывались в одну точку, ту же самую, что и в начале явления. Видеокамера работала вовсю. Подержав его так секунд десять, мужчины опустили его на пол. Перенек совершенно не замечал того, что с ним делали.

Слишком быстро, по моему мнению, Мария и Яков перекрестились и поднялись на погн. Откровение окончилось, Пресвятая Дева удалилась. Мария вышла из комнаты и пошла записать то, что услышала. Мне сделалось грустно от того, что мне довелось участвовать в этом. Мне не хотелось покидать эту комнату, и я видел, что все остальные чувствуют то же самое. Однако необходимо было выйти и вернуться в обычный мир. Когда я выходил, то на пороге испытывал удивление при виде напряженных взглядов смотрящих на меня людей. В тот момент, когда Мария и Яков вошли в комнату, я забыл о том, что перед домом волнует толпа. Теперь все эти люди вглядывались в меня и в остальных выходящих, пытаясь прочесть по палшим лицам то, что мы пережили минуту назад. Я очень хотел бы поделиться пережитым с ними, однако чувствовал, что мне необходимо все это как следует обдумать.

Наверное, я никогда не сумею соответствующим образом отблагодарить мою юную приятельницу из Австралии за этот ее подарок на мой день рождения. Однако в глубине души я знаю, кого должен благодарить прежде всего: это – Пресвятая Дева Мария, Мать Иисуса.

*Я люблю всех вас... даже тогда,
когда вы далеки от Меня и Моего Сына...*

19.

Минуты сомнения.

Не было никакой возможности избежать встречи с людьми, толпившимися около ступенек крыльца. Все они пытались протолкнуться вперед, чтобы оказаться как можно ближе к Марии и Якову. У каждого была надежда на то, что удастся подержаться за кого-нибудь из ясновидящих, когда они будут идти в костел на Святую Мессу. Пробиваясь через толпу, я мечтал лишь о том, чтобы где-нибудь спрятаться и остаться наедине с самим собой.

Когда мне уже совсем было удалось выбраться, меня отыскивали Томпсоны, Таня и несколько других знакомых. "Как там было?" "Что Она сказала?" "Что ты видел?"

У меня не было ни малейшей охоты вести разговоры, даже с самыми близкими друзьями. Однако мог ли я отстраниться от них?

"Это было... Я чувствовал... Это было невероятнейшим ощущением умиротворения и самой сути любви", - пролепетал я. Таня, сияя от счастья и радости, обнимала меня. В конце концов я сказал: "Простите меня, друзья мои. Мне очень хочется чуть-чуть побыть одному. Я надеюсь, что вы меня поймете..."

Ош, конечно же, понял меня.

Я почти бегом бросился в сторону аллеи, усаженной деревьями, которая находилась за костелом; здесь я отыскал покрытый травой кусочек земли, с которого хорошо было видно всю гору Крижевац. Вид был чудесный. Я сел и стал смотреть на крест. А в памяти моей заново всплывали только что пережитые мною события... Все, что происходило, когда я стоял сбоку от Марии и Якова в тот момент, когда им явилась Пресвятая Дева... У меня не получилось сделать ни одной фотографии; воспоминания об отдельных моментах расплывались вопреки тому, что задумывал я, когда в уме прикидывал содержание будущей книжки. Оставалось одно: опыт личного внутреннего

переживания великой любви и невероятной умиротворенности. Если же говорить о физических ощущениях, то можно было отметить струящееся по мне тепло, но никакого света, никаких сияний не отмечалось. Точно так же, как я не слышал и никаких голосов. В определенном смысле это было очередным переживанием присутствия Пресвятой Девы, настолько же сильное, как и предыдущие. На этот раз я не слышал никаких слов, только чувствовал, что Бог в Своей безграничной любви избрал меня. Мне было интересно, чувствовали ли себя подобным образом все остальные присутствовавшие в тот момент в компании?

Наиболее интригующим было, однако же то, что неожиданно, непопятным образом я осознал, что мое присутствие в этой компании ничего не изменило, что все было бы точно так же, если бы я стоял перед приходским домом или был бы в любом другом месте Меджугорья. Эти исключительная благодать и особенное благословение могут быть даны любому человеку, независимо от его местоположения и времяпрепровождения. Думая об этом, я не мог не посмеяться над самим собой: вот я и получил очередной урок на тему простоты веры!

Я поспешил в костел и успел как раз на молитвы благодарения. Сестра Маргарет заметила меня и сообщила, что она обо всем уже договорилась: я могу переночевать в том же доме, что и она, но только лишь одну ночь. На оставшиеся дни я должен буду сам найти для себя жилье.

Утром я быстро оделся и, даже не прикоснувшись к завтраку, отправился в костел, поскольку группа из "Центра Мира" должна была выехать в Дубровник сразу же после утренней Мессы. Я хотел присутствовать при том, как отец Светозар будет отдавать свою рукопись сестре Маргарет, чтобы обсудить условия сотрудничества на все оставшиеся дни моего пребывания в этой стране. Меня не оставляла надежда на то, что мы, быть может, еще съездим в Кошцы, как это было запланировано раньше.

Месса окончилась после восьми. Глядя на тех, кто первыми выходил из костела на солнечный свет, я обратил внимание, что все они находятся в таком же волнении, как и я всего лишь месяц тому назад. Однако же на этот раз я пахотился в совершенно иной ситуации. Я посмотрел на циферблат часов: где же отец Светозар? Я пошел в сторону приходского дома, скользя взглядом по лицам людей, по стоящим на парковочной площадке автомобилям... Белого "фольксвагена" среди них не было. Вообще-то я уже начал привыкать к тому, с какой свободой отец Светозар относится ко времени: он мог появиться в любой момент.

В 8.30 группа из "Центра Мира" начала усаживаться в автобус, а отца Светозара все так же не было.

"Езжайте, – сказал я сестре Маргарет. – Когда он приедет, я сяду в автомобиль и догощу вас в отеле в Дубровинке, а там уже отдам сестренчонкине рукопись. А потом возвращусь сюда и надеюсь, что смогу провести с отцом Светозаром еще одну неделю".

Сестра Маргарет улыбнулась, сказала мне, что мои намерения – вполне благие, и уехала. Я ждал. Прошло полчаса; потом час; наконец, полтора. Мною начала овладевать паника. Я вспомнил слова отца Светозара о том, что в Копыщ я уже поехал: не смогу, поскольку там стало небезопасно. Мысль об этом лишь ухудшила мое состояние. Я очень четко осознал, что могло случиться все, что угодно... Когда приблизился полдень я был так растерян, что отправился в костел искать Катлин. Помощница отца Славко, Милона, была доброй знакомой Катлин, и я надеялся, что с помощью этих двух женщин я смогу дозволиться до Копыща и спросить, что случилось. Катлин была в костеле. Она сидела на скамье у самой ступи. Я подошел, сел рядом и прошептал: "Катлин, ты должна мне помочь! Прошу тебя, пойдем со мной, мне нужно попросить Милону, чтобы она позволила в Копыщ и спросила, что случилось с отцом Светозаром. Он должен был приехать в восемь..."

Она посмотрела на меня спокойно и улыбнулась: "Успокойся, Уэйп. Не нервничай. Ты же знаешь, сго. Все будет хорошо. Не беспокойся".

Я вытаращил на нее глаза, ничего не понимая.

– Как это "не беспокойся"? Это серьезное дело, – воскликнул я, забыв о том, что в костеле следует пользоваться голосом осторожнее и "регулировать" его громкость. – Я же должен с ним связаться!

Она была все также спокойна.

– Уэйп, ты находишься в Меджугорье и имеешь дело с отцом Светозаром. Доверься Богу, все будет хорошо.

– Похоже, что ты ничего не понимаешь, – сказал я, как отрубил, и вышел прочь из костела.

Я не знал, куда себя деть от волнения. Еще три часа я кружил около костела и приходского дома в надежде, что отец Светозар в конце концов появится. Молитва не шла мне на ум. Что могло произойти? И что я здесь делаю? Чего ради сижу в этой запыленной деревушке на расстоянии семи с половиной тысяч километров от своей родины, семьи и знакомых, беспредельно скучая за ними? Почему мне так одиноко и тоскливо, хотя тысячи людей находятся вокруг меня?.. Опущение Меджугория покинуло меня. Все эти люди мне были незнакомы!..

Я присел на парапете, ограничивающем террасу за восточной стеной костела. Вот когда до меня, как никогда еще до того, дошла суть фразы, преследовавшей Моисея: "Чужой... в чужом краю".

Все это потрясло меня. Где моя вера? Где мое призвание? Где миссия, ради которой я сюда прибыл? Еще и суток не прошло с того времени, как я находился в комнате откровений в присутствии Владычицы Девы... Умиротворение, пришедшее ко мне тогда, совершенно исчезло.

Я видел вокруг себя лишь пыль, грязь, толпящихся паломников, беспорядочно сталкивающихся друг с другом, разбитые стекла в боковых дверях костела и разбросанный повсюду мусор. "Такова истина, – отозвался внутри меня какой-то жесткий голос. – И самое время уразуметь это".

О, да, воистину!.. Я столько месяцев обманывал сам себя, наивно веря в то, что мой романтический мираж, вся эта сказка, обретет плоть, станет реальностью. И как только можно было дойти до такого идиотизма? Я резко тряхнул головой: пора! Решайся: вернись в свою комнату, быстро собери чемодан - и прочь!.. Обратный билет закомпостирован лишь на следующий вторник? Не беда, можно будет звякнуть по телефону в контору "Пап-Американ" в Дубровнике, и дату изменят!

...Я даже не заметил, что кто-то осторожно и ласково положил мне на плечо руку. Это был отец Перван.

– Уэйш! – сказал он, улыбаясь и протягивая мне конверт. – Это от отца Светозара.

– От отца Светозара? Как? Когда?

– Он был не в состоянии сам приехать сегодня, а потому прислал вместо себя одного человека...

– Благодарю, весьма благодарю, – кивнул я ему и отошел в сторону.

Открыл конверт. В нем были чудесные четки Святого Розария с черными бусинками и краткое письмо:

"Уэйш, брат мой, я не в состоянии присхать из-за ряда событий, о которых писать не буду. Все сделано так, чтобы рукопись попала в Америку, поэтому ни о чем не беспокойся. Предоставляю тебе полную свободу, поскольку сам я не смогу приехать в Меджугорье раньше, чем в конце будущей недели. Будем стараться держать друг друга в курсе дел. А пока радуйся Меджугорью столько, сколько еще сможешь здесь быть, а потом возвращайся домой, чтобы радоваться с женой и детьми.

Да хранит Бог тебя и твою семью. О.Свет."

Мне показалось, будто сто пудов свалилось с моих плечей. Я все также

стоял среди галдящего, толкающегося людского месива, но ощущение Меджугорья вновь было со мной. Сердце мое переполнилось радостью – и стыдом. Как я мог так сразу утратить веру? Как я мог позволить, чтобы страх поглотил не только цель этой поездки, но и все Меджугорье сразу, а вместе с ним и мое призвание, и все, все?! Как случилось, что я так быстро сдался и отступил?

Эти минуты научили меня тому, что сохранит свою важность до последнего мгновения моей жизни: никогда не доверяться чувствам больше чем фактам. Чувства обманывают. Пробуждают в нас сомнения, могут завести в ловушку. Сатана играет на струнах чувств, чтобы отлучить нас от Бога. Есть ли против этого какое-то противоядие? Да. Молитва. Когда я бесцельно бродил по околицам, мне нужно было молиться – а я этого не делал. В моем мозгу рождались иллюзии и фантазии, одна смеялась над другой, и я погрузился в созерцание этого калейдоскопа миражей вместо того, чтобы усилить борьбу за сближением с Богом посредством молитвы.

Я принял решение: с этого времени буду стараться "молиться непрестанно", так, как призывает нас к этому Пресвятая Дева в своих откровениях. Речь не идет не о том, чтобы непрерывно шевелить губами; скорее, здесь дело в том, чтобы выработать у себя молитвенную жизненную позицию, чтобы жить в Боге. Сама жизнь должна преобразиться в молитву. Ведь если мы, а не сомнения, страхи и беспокойства. Спасибо за науку: если бы не этот печальный опыт, сделавшийся удачным жизненным уроком духовности, я все также был бы на расстоянии от правды, в отдалении от истинного положения вещей...

Я поднялся, чтобы идти в костел, и подумал: ради одного такого озарения же стоило предпринимать все пышнее путешествие. Отягедвшись вокруг, я заметил Катлин, направлявшуюся в сторону приходского дома. Я подошел к ней, обнял и сказал: "Спасибо". – "За что?" – спросила она меня с удивлением. – "Не важно. Просто – спасибо", – улыбнулся я ей, благодарно глядясь ей в глаза.

Поднимаясь по ступеням, я думал о том, как трудно укладывается в слова обретаемый нами духовный опыт. Катлин всегда пребывала в шершавом мире, которого я так жаждал, в мире, который не мог быть поколеблен даже приходящими иной раз тяжелыми временами испытаний. А что она говорила мне тогда в костеле? "Успокойся. Не беспокойся. Все будет хорошо". Мне тогда ее слова показались глупостью, а ведь она говорила правду. Теперь передо мной свободные дни – пятница, суббота и воскресенье. И я смогу вдоволь насладиться Меджугорьем...

Субботнее утро застало меня на тропке, бегущей к вершине Крижеваца. Это

мое излюбленное место - у подножия креста, вдохновляющего на глубокую сердечную молитву. На минуту останавливаясь около каждого из стаяний Крестного Пути, я еще раз благодарил Бога за то, что Он позволил мне участвовать в этом чуде. Я просил простить мне сомнения, одолевшие меня вчера на какое-то время...

На вершине никого не было, кроме одной единственной женщины, погруженной в глубокие размышления. Когда я уже сел на плоский камень, неожиданно прозвучало радостное: "Добрый день!" Я ответил ей – и начался типичный разговор двух пилигримов. Ее имя было Франческа Лователь, и родилась она в Италии. В Меджугорье она была многократно. Я рассказывал ей о себе и, между делом, вспомнил о том, что ищу место, где бы мог остановиться на несколько ночей. Оказалось, что "случайно" – а на этой святой земле "случайности" происходят довольно часто и всегда вовремя - семья, у которой она снимала комнату, располагает еще одним свободным помещением и сдает его. Отлично! У меня осталась нерешенной только одна проблема – билет: он был закомпостирован на вторник, а я решил выехать в Дубровник в понедельник утром, чтобы выяснить, все ли в порядке. Над моей головой все так же нависал дамоклов меч милицейского надзора, и потому мне не хотелось рисковать. А пока я вполне мог наслаждаться окружающим миром: свободой, временем, едой, каждой встречей. Вчера вечером мы распрощались с Тапей – я провел в разговорах с ней почти всю эту неделю. При прощании она плакала и переживала это всем своим юным сердечком. Я убедил ее в том, что возвращусь еще раз, чтобы окончить работу над книгой и предупреджу ее о своем возвращении письмом.

В понедельник я проснулся в 3.30, как всегда, впрочем, во время моего пребывания в Меджугорье. Накануне вечером я подготовил свой автомобиль к отъезду и попрощался с Фрагической и хозяевами, так что весь день я мог посвятить своим планам. Это радовало. Пейзажи по дороге в Дубровник были так прекрасны, и хотелось иметь немного времени, чтобы ими насладиться.

Неожиданно до меня дошло, что самолет в Нью-Йорк отлетает ежедневно в 7.00. Так что, если я успею доехать и вовремя сдам автомобиль, у меня есть шанс оказаться дома уже сегодня. С мыслью о Терри и детях я выехал в путь и направился в Дубровник с гораздо большей скоростью, чем предполагал.

Прежде, чем я доехал до побережья, начался дождь. Сперва небольшой, капля за каплей, а потом все более и более сильный. Но непогоде не удалось нарушить мое душевное равновесие. Ничто не портило мне настроения: я ехал домой!

Я приехал в аэропорт в начале шестого, быстро припарковался и подошел к кассам. Но в аэропорту не было кассы "Пан Американ"; никто другой не желал изменить дату рейса. Мне сказали, что я должен был бы подъехать в контору "Пан Американ", которая находилась неподалеку от исторической части города. Это означало, что я должен был проехать не меньше 20 километров, а, следовательно, шансов на возможность успеть все сделать вовремя практически не оставалось. Огорченно вздохнув, я все же поехал. Во мне теплилась какая-то надежда на то, что самолет опоздает с рейсом... За этими грустными размышлениями я не заметил в спешке, как усилился дождь, из-за чего брусчатка мостовой сделалась ужасающе скользкой.

Конечно, лучше было бы, если бы я с самого начала не думал о каких-либо попытках возвратиться домой сегодня: теперь я уже не мог смириться с невозможностью осуществить свой план. А мысль о том, что я вынужден буду ожидать своего рейса в Дубровнике еще целые сутки, становилась для меня невыносимой. Я посмотрел вперед и неожиданно увидел на своем пути автомобиль стоящий поперек дороги.

Слишком резко я ударил по тормозам. Задняя часть моего автомобиля начала "танцевать", и неожиданно я потерял управление. Автомобиль, стоящий поперек дороги, приближался с каждым мгновением. "О Боже только не это!" – воскликнул я. "Печальный итог, – подумалось мне, – я или разобьюсь и погибну в Югославии, или разобью чужой автомобиль и милиция узнает, что я есть тот иностранец, разыскиваемый властями Цетлука."

В отчаянии я рванул руль – и мой автомобиль начал крутиться на месте вокруг своей оси: один раз, другой, третий... "Господи Иисусе... прошу... молпо... молю Тебя!" – кричал я. В конце концов левое колесо ударилось о бордюр тротуара, и автомобиль остановился. Мотор заглох, и было слышно лишь, как попискивают "дворники", скользя туда-сюда по ветровому стеклу. Я глянул в окно. Автомобиль, ставший причиной происшествия, исчез, не оставив и следа. Я осмотрелся и увидел, что стою напротив автобусной остановки, в каких-нибудь двадцати пяти метрах от ожидающей транспорта большой группы людей, испуганно глядящих на меня во все глаза. Подойдет ли кто-нибудь из них посмотреть, не произошло ли со мной чего-нибудь? Нет, просто стоят и пялятся... "Вот так, Уэйн, ты вновь вернулся в свой обыденный мир!" – сказал я себе.

Меня бил озноб. Я вышел и осмотрел машину. К своему удивлению я не обнаружил на ней ни одной царапины. Только на дороге виднелся след моих шин, выходящий, как спагетти, в одном месте почти вплотную пробежавший

около ничем не огражденной пропасти. "Благодарю Тебя, Боже", – прошептал я, будучи убежден, что только ангелы Господни могли уберечь мой автомобиль.

Я вновь сел за руль машины, повернул ключ зажигания, и мотор заработал. Не спеша, я поехал в окруженную древними стенами историческую часть города, где принялся расспрашивать о местонахождении конторы "Пан-Американ". В этот день я уже никуда не вылетел, но зато смог подтвердить свою бронь на рейс следующего дня. После этого я нашел для себя достаточно приемлемую гостиницу и весь день просидел там, размышляя о завтрашнем дне.

Когда "Джамбо" линии "Пан-Американ" оторвался от взлетной полосы аэропорта "Дубровник", я с облегчением вздохнул. Мне удалось сбежать от беспокойств и милиции, а вскоре я вообще смогу забыть обо всех неприятностях. Вспомнилась Таня... Я буду всегда молиться о ней, чтобы у нее хватило духовных сил, необходимых для выздоровления и нормального включения в творческую жизнь.

И лишь в одном я был полностью уверен: я знал, что еще вернусь сюда.

20.

Благовествование призыва

Прошло уже восемь месяцев с того времени, как я впервые услышал в своем сердце слова Марии: "Ты посвятишь свою жизнь благовествованию призыва..." Никогда эти слова мною не забывались. Теперь, возвращаясь домой и упорядочивая воспоминания, связанные с только что закончившимся путешествием, я неоднократно о них вспоминал. Я приехал в Меджугорье с надеждой, что буду помогать отцу Светозару в работе над его новой книгой. Для этого я сделал не очень много, и я понемногу начал понимать, что Божия цель этой поездки была несколько иной. Я многому научился за это время, стал более зрелым, более подготовленным к тому, что должно встретить меня в будущем.

Не было сомнений в том, что новое путешествие меня еще только ждет. Где-то в самой глубине моего сознания гнездились понимание этого, даже тогда, когда я отчаялся во всем. Наверняка ждать этого нового путешествия не придется слишком долго: быть может, я совершу его еще в этом году. А в промежутке между моими странствиями в Меджугорье обязана поехать Терри и пережить там то, что начало занимать в моей жизни все больше и больше места, то, что должно было сделаться нашим жизненным заданием. И если мне суждено исполнить все, о чем меня просило Небо, жена должна будет со мною сотрудничать. По всей вероятности, она сможет выехать в августе, перед тем, как дети пойдут в школу. По возвращении домой я сразу же затронул эту тему.

— Ты обязана туда поехать, — сказал я ей после того, как отчитался обо всех событиях и переживаниях моего последнего странствия. — У меня теперь будет слишком много дел, и я не смогу справиться со всем сразу без твоей помощи, а ты не сможешь мне по-настоящему помочь, пока не поймешь, что же на самом деле происходит в Меджугорье.

— Но я ведь читала книжки, — ответила она мне, — и рукопись книги отца

Светозара. И я верю, что все это – подлинно и происходит от Бога. Мне не обязательно туда ездить.

Я покачал головой:

– Никакие посредники не в состоянии открыть тебе путь к переживанию того, чем на самом деле является это место.

Почувствовав сопротивление со стороны Терри, я поспешил сменить тему, хотя и не намеревался вовсе отказываться от необходимости убедить ее совершить путешествие в Меджугорье. Каждый вечер мы разговаривали о Меджугорье, а через неделю я вновь вернулся к прерванному разговору.

– Это действительно захватывающе, насколько ты лично погрузился в эти дела, – призналась она.

– Значит, поедешь?

– Этого я еще не сказала. А почему бы нам не поехать туда вместе? Может быть так и сделаем, ну, скажем, в ноябре?

– Терри, я был там уже дважды! Мне хочется, чтобы ты поехала в августе!

– Я не поеду в августе! Это безумие!

– Все нет, – терпеливо убеждал ее я. – Дети еще не будут в школе, а потому я буду в состоянии присмотреть за ними. Если будет необходимость, найдем еще кого-нибудь, чтобы присмотрели за ними.

Терри поджала губы и сказала жестко:

– У меня нет никакого желания туда ехать – и точка!

Я вынужден был склонить голову. И при этом вполне понятна была причина этого несогласия – дети. Никогда перед тем она не оставляла их без своей опеки, а ведь Кеннеди уже было шесть лет, а Ребекке – два года. Неделью они вполне могут побыть без матери. Однако в тот момент уже не было никакого смысла препираться и настаивать на своем.

Через неделю я возобновил свои "атаки". Я подчеркивал, как важно для нее познать все из самого источника. Терри ответила, что не намеревается оставлять детей одних на произвол судьбы и лететь сломя голову к черту на рога, в коммунистическую страну, чтобы увидеть что-то, в подлинности чего она и без того убеждена.

– Терри, я знаю, что, если честно признаться, – сказал я, стараясь держать себя в руках и не нарушать мирной атмосферы дома, – то дело в том, что дети для тебя важнее Бога.

В голове промелькнула испуганная мысль: все теперь она уже никогда не захочет туда ехать. Да еще и не будет со мной разговаривать неизвестно сколько времени...

Однако я ошибся. Когда она вновь подняла на меня глаза, я увидел, что она признала мою правоту.

– Мы должны научиться отдавать Богу первенство во всем, – сказал я ей самым ласковым голосом, на какой только был способен. – И ставить Его даже прежде собственных детей.

Терри вздохнула:

– Хорошо, хорошо! Я поеду. Но не в августе.

Я был счастлив:

– А когда?

– Не знаю. Поговорим об этом позже.

На следующий день я позвонил из редакции в "Центр Мира" в Бостоне и узнал, что первая после августа поездка запланирована на 9 сентября. Я забронировал место для Терри и сейчас же послал первый взнос. Когда она заглянула ко мне в редакцию, я сообщил ей о том, что сделал. Она лишь посмотрела на меня долгим взглядом и сказала:

– Это значит, что все решено.

...Благовестуй послания... Я все также пребывал в неведении, каким образом буду это делать, однако за прошедшие восемь месяцев я научился одному: если Бог призывает человека к исполнению какого-либо задания, то Сам и ведет его и помогает это поручение осуществить. Нужно лишь внимательно вслушиваться и делать то, что Бог подскажет.

Я чувствовал, что серия статей и заметки для будущей книги исчерпали основные перспективы, связанные с печатным словом. А что же с устным словом? После моего выступления в клубе Сертом один из моих знакомых пригласил меня рассказать о Меджуторье в воскресной школе при костеле, к приходу которого он принадлежал. После этого приглашения поступили и другие. Среди людей ширилось известие о том, что я пережил в Меджуторье нечто очень важное и решающее для своей жизни, нечто подтверждающее деяния Божии. Более того, я рассказывал об этом так, что каждый, без различия вероисповеданий, чувствовал себя ближе к Богу. Всегда, когда ко мне подходили после моих выступлений люди и эмоционально говорили, что я совершил переворот в их сердце, – я указывал им на Бога, как на первоисточник всякого обращения, а сам готов был плясать от радости за каждого из них.

По мере того, как приближалось 9 сентября, мои мысли были сосредоточены на ожидании того, что у Терри появятся хотя бы какие-то признаки радости по поводу предстоящего путешествия. Сам же я с трепетом душевным

ожидал того, что должно было произойти в Бостоне перед самым ее возвращением. "Центр Мира" пригласил отца Томислава Первака, настоятеля костела Святого Иакова, в двухмесячное путешествие по Соединенным Штатам. Началом его деятельности здесь будет субботняя и воскресная встречи в Бостоне, проводимые для людей, жизненным заданием которых сделалось благовествование посланий из Меджугорья. Пригласили на эти встречи и меня.

Наконец, пришел день отъезда Терри. Я старался не подавать вида, как радуется меня ее поездка, поскольку у нее настроение было совершенно иное. Однако же скрыть свою радость полностью я не смог, поскольку уж я – то знал, что ее ожидает. Прежде всего мне было известно, что Бог заботится о ней. Он сделает все для того, чтобы паломничество оказалось для Терри временем приобретения серьезного духовного опыта.

Когда я возвратился из аэропорта в редакцию, моя секретарша Дениз была в совершенном отчаянии. Восьмой, последний, текст о Междугорьи был опубликован незадолго перед моим вторым путешествием, и с того времени непрерывным потоком шли просьбы о присылке дополнительных экземпляров.

– Знаешь, – взорвалась Дениз, – прежде люди просили о статье, которой им недоставало, но теперь они просят прислать сразу всю серию, поскольку хотят поделиться с друзьями...

И я подумал: а почему бы не опубликовать сразу всю серию статей целиком, сделав лишь некоторые сокращения в повторяющихся местах. Это было бы и дешевле, и удобнее при рассылке и переноске. Сюда же можно было бы добавить несколько фотографий из Меджугорья.

Утро я провел в подготовке текстов к печати. Затем позвал к себе Дениз и сообщил ей, что проблема с высылкой статей может быть снята с повестки дня. Она была счастлива до того момента, пока я не вручил ей для переписывания на машинке текст исправленной версии.

– Здесь работы на 2-3 дня, – пробурчала она.

Я улыбнулся: Дениз всегда говорит, что ей нужно два-три дня, чтобы окончить работу, а после делает ее в течение четырех-пяти часов. Так было и на этот раз.

К переработанному циклу я прибавил предисловие, в котором рассказывал, как случилось, что я взялся за это дело, и о том, как услышал в своем сердце четкий призыв, начинавшийся словами "Ты – Мой сын..." Очень долго я не мог набраться смелости, чтобы написать об этом, хотя и делился с друзьями, а также рассказывал об этом паломникам, узанным мною в Меджугорье. Однако же

писать о своем случае в газете и делать доступным для незнакомых людей, которые наверняка будут об этом по-разному судить да рядить, - это совсем другое дело. Но - мой период "журналистской объективности" остался уже позади. И если все это должно сделаться моей жизненной миссией, я обязан говорить правду.

Когда был готов машинописный текст, я приступил к публикации. Через два дня книжечка была напечатана. Счастье Дениз не знало пределов, поскольку все содержание уместилось на восьми листках, а потому можно было вложить несовоиспеченную брошюрку в нормальный конверт и наклеить только одну, а не две марки.

Движимый внутренним импульсом, я уложил в конверт 500 экземпляров, чтобы захватить их с собою на конференцию. Сестра Маргарет просила прислать весь цикл статей для "Центра Мира", и я надеялся, что будет возможность познакомиться с такими людьми, которые захотят приобрести книжечки. Мы все должны были встретиться в аэропорту Кеннеди, чтобы приветствовать прилетающего сюда отца Первака, а потом поехать в "Эфрата-Хаус" - конференц-центр, расположенный в часе езды от Бостона.

Удивление и восторг, которые я увидел на лице отца Первака, когда он заметил нас, были наградой за наши труды. Нас было не очень много - приехали, в основном, лидеры. По дороге в "Эфрата-Хаус" кто-то, занявший место в автобусе позади меня, поинтересовался, как это случилось, что я занялся делами Меджугорья. Я рассказал ему обо всем и завершил свой рассказ уже после нашего прибытия на место назначения. Меня удивило, что некоторые слушали меня со слезами на глазах. Утром, после того, как Джон Хилл представил нам "Центр Мира" и план визита отца Первака в Соединенные Штаты, все начали делиться своим меджугорийским опытом. Было пролито немало радостных слез. Бог звал и притягивал нас к себе, и мы становились людьми - близкими Бога. Мне было хорошо среди людей, чье призвание было подобным моему и которые, подобно мне, проходили через различные испытания.

Во время перерыва на ужин был выставлен стол с разложенными на нем книгами о Меджугорье. Большую часть заголовков все мы знали. Я спросил, не могу ли я поместить на этом столе свою брошюрку, и получил на это согласие. Все экземпляры моей книжечки разлетелись в течение получаса! Тогда-то я познакомился с Петером Крари, адвокатом из Фарго в Северной Дакоте, который никогда не бывал в Меджугорье, но был убежден в истинности и огромном значении того, что там происходило... То, что протестант

лотеранского вероисповедания так крепко связал свою жизнь с откровениями Девы Марии, произвело на него глубочайшее впечатление.

– Когда ты вернешься домой, – сказал он, открывая портфель и вынимая из бокового отделения стодолларовый банкнот, – вышли мне столько экземпляров, сколько можно купить на эти деньги.

– Но погоди же, Петер! Я это не продаю, я раздаю все это даром! Скажи мне, сколько тебе нужно, и получишь...

Он отрицательно покачал головой:

Ты не понимаешь!.. У меня есть немало приятелей среди лотерап, и до сих пор, что бы я не говорил им о Меджугорье, это не доходило до их сознания. Но я не теряю надежду, что твою книгу они смогут воспринять. Так сколько экземпляров ты можешь мне прислать?

Я быстро подсчитал, что печатание и высылка тысячи экземпляров будет стоить около двадцати пяти долларов, а потому пообещал выслать ему четыре тысячи экземпляров, как только они будут отпечатаны.

Прослышав о нашем разговоре, некая дама из Мичигана тоже решила, что ей нужно получить четыре тысячи экземпляров, а Терри Чолефранческо понадобилось две тысячи для Центра Милосердия. Я был приятно поражен. Не пошевелив и пальцем для этого дела, я получил заказ на десять тысяч экземпляров!

На долгие и подробные разговоры у меня не хватило времени: пришел день возвращения Терри. Я знал, что было бы совершенно безрассудно ожидать, что она покажется на пороге самолета с лицом, излучающим те же эмоции, как те, которые испытывал я после двух своих предыдущих путешествий. Но надежда на что-то подобное все же не угасала в моем сердце.

Однако меня ждало разочарование. Меджугорье, безусловно, произвело на Терри огромное впечатление, однако не изменило ее жизни радикально, как это было в моем случае. Путешествие ей очень понравилось, и она хотела бы совершить его еще когда-нибудь, но не слишком скоро. А после она высказала нечто, заставившее меня почувствовать, что усилия и уговоры, предпринятые мной для ее поездки, не были напрасными.

– Когда я была там, то, казалось, забыла о детях, о тебе, о том, где я вообще живу. Впервые в жизни я реально жила, вдохновляемая лишь стремлением к одному единственному – любви к Богу.

Как только Терри попривыкла к смене времени, вернулась в редакцию, Дениз протянула ей свежее отпечатанную брошюрку. Вместе они пришли в мой кабинет. Первой шла Терри.

– Напечатано уже три тысячи экземпляров? – закричала она с порога с ироническим смехом. – И что же ты будешь со всем этим делать?

– Тебе не понравилось?

– Выглядит неплохо, но было вполне достаточно пятисот экземпляров. Того, что напечатано, тебе хватит на два года. Этой бумагой будут забиты все мусорники округа.

Терри хохотала, а Дениз вместе с ней.

– А я ведь и понятия не имела, что ты хочешь печатать столько!

– Послушайте! – сказал им я. – Прежде, чем вы лопнете от смеха, я хочу вам сказать, что получил заказ на десять тысяч таких брошюр!

Смех как рукой сняло.

– Откуда же такой заказ? – недоверчиво спросила Терри.

Я рассказал им обо всем. На минуту обе они онемели, после чего Терри признала, что это производит солидное впечатление, и добавила:

– Не получится напечатать тысячу всего за двадцать пять долларов.

Я вздохнул. Она была права: я и сам уже понял, что просчитался. Однако, поскольку был договор об оплате именно на такую сумму, мы договорились ее держаться, а там уже – как будет. Была напечатана первая тысяча с приложением, где указывалось, что 1000 экземпляров стоит 25 долларов, 500 – 15 долларов и т.д. Вскоре стали прибывать заказы на десятки и сотни экземпляров. Потом позвонил Петер Крари.

– Ты бы не мог прислать мне еще экземпляров 500? Деньги я тебе уже высылаю.

– Петер, ты сошел с ума! Что ты со всем этим делаешь?

– Очень многие просят меня, чтобы я дал им эту брошюрку. А от тех, которые были получены раньше, уже фактически ничего не осталось.

Я не мог в это поверить. Вскоре после этого последовал звонок от Терри Чолефранческо: новый заказ на 10 000 экземпляров. А мы все так же держались на 25 долларах за тысячу. Когда Терри узнала, что я печатаю очередные 10 000 за ту же самую цену, то начала беспокоиться за состояние моего здоровья.

– Если так будет продолжаться и дальше, мы погрязнем в долгах! – простонала она, и была права. Мы уже вложили в публикацию тысячу долларов. Но, по правде говоря, мне это вовсе не мешало, точно так же, как и Терри. Она, в конце концов, пришла к мнению, что это некая форма оплаты всего доброго, что случилось в нашей жизни за последние одиннадцать месяцев. Газеты-то мы продали, а типография все еще приносила доход. Так что жаловаться было не на что!

Однако мы хорошо понимали, что не сможем поступать так до бесконечности. Если заказы будут приходить, следовало бы поднять цену. Когда пришел черед третьего издания, выбора у нас уже не было. Мы подняли цену настолько, чтобы, удерживаясь на все том же уровне распродажи, можно было бы хотя бы компенсировать наши собственные затраты.

— Если мы уже распространяем книжки, не получая от этого никаких доходов, — сказала Терри, — то мы должны, по крайней мере, зарегистрироваться в качестве организации, не приносящей дохода.

Так родилось нечто вроде бездоходного предприятия "Weible Columns, Inc."

И тогда произошло нечто еще более удивительное: люди начали присылать гораздо больше денег, чем было необходимо. Некоторые заказывали тысячу экземпляров, а платили 100 долларов, оговаривая, что оставшуюся сумму мы можем употребить по собственному усмотрению. Я, в свою очередь, получил письмо от человека, содержавшего в Споукане лесопитомник: он выслал чек на 500 долларов, но заказал только 7000 экземпляров. Оговорил, что хотел бы, чтобы оставшаяся часть суммы покрыла расходы на печатание брошюр для тех, кто в них нуждается, но не имеет на них никаких денег. С глубоким почтением я поблагодарил его за этот дар в ответном письме.

— Вы выслали мне 7000 экземпляров!

— Да, я знаю!

— Но я заказывал только 700!

— Минуточку! — ответил я и вытащил из папки его письмо. — Пропу прощения, но вы заказывали именно 7000.

— На самом деле? Мой Боже! А что же я буду делать с этими семью тысячами?

— Знаете ли, в моей жизни, например, наступил момент, — засмеялся я ему в ответ, — когда я перестал верить в случайности. Как видно, Сам Бог хотел, чтобы вы получили в десять раз больше, чем считали нужным. Но прошу вас, не беспокойтесь. Господь укажет вам, что делать со всеми этими брошюрами.

И так и случилось.

Пришел также заказ из Калифорнии: некая женщина просила выслать ей 500 экземпляров и прислала 1000 долларов. Мы послали ей ответное письмо: "Хотелось бы знать, не совершенна ли ошибка. Горячо благодарим, если это - дар, но хотелось бы быть в этом уверенными". И это действительно был дар.

Деньги, которые прежде казались пущенными на ветер, очень быстро вернулись к нам с лихвой.

Просьбы о высылке брошюр шли пескомчаемым потоком. Вслед за ними

начали приходить письма личного характера. Похоже было на то, что Дух Святой воспользовался этими текстами, чтобы проторить дорогу к сердцам людей и преобразить их жизнь. Наиболее впечатляющими для меня были письма, в которых говорилось, например, так: "Сильнее всего взволновало меня та часть, в которой вы пишете о словах "Ты – Мой сын..." Когда я увидел эти строки, еще раз заново перечитал все статьи, и это полностью перевернуло мою жизнь". Я читал такие письма и качал головой: подумать только, ведь я столько времени колебался, не решаясь обнаружить этой правды из опаски, что меня посчитают сумасшедшим...

*Вы забыли о том, что молитвой
можете отворотить от себя призрак войны
и переменять законы природы...*

21.

История Риты

Встреча в "Эфрата-Хаус" была очень серьезной. Огромным благословением был для нас тот факт, что отец Первак имел возможность совершить путешествие по Соединенным Штатам, рассказать о Меджугорье в самых отдаленных уголках нашей страны. Да и сам он теперь лучше начал понимать этих прагматичных американцев, которые после его поездки начали тысячами приезжать в его маленькую деревеньку. Его конференция была существенной еще и потому, что это была первая встреча людей, работавших над распространением информации о Меджугорье. Собравшись вместе, мы получили возможность поделиться друг с другом приобретенным опытом. Во время встречи мои статьи были восприняты, как орудия, служащие благодетельствованию призывов. Наиболее памятным событием оказалось при этом потрясающее душу свидетельство Риты Клаус, учительницы из города Эванс Сити, неподалеку от Питсбурга, в Пенсильвании. История Риты была последним пунктом программы – и очень верным, поскольку после нее сказать уже было нечего.

Когда она начала рассказывать о событиях, которые привели ее на конференцию, все мы буквально присосли к своим местам, слушая, как завороженные. Энн Дэбитс, энергичная молодая женщина, управлявшая "Центром Мира" от имени Джона Хилла, без сомнения придерживала самое лучшее на момент окончания встречи. А свидетельство было таково:

"В том, что касается Меджугорья, я еще совершенно "зеленая". Слух о нем дошел до меня лишь в феврале нынешнего года. Я прочла статью в "Национальном Католическом вестнике", и она меня очень заинтересовала. Вскоре после этого я приобрела книгу под названием "Появляется ли Дева Мария в Меджугорье". Ее автор – Рене Лауреппин. Я прочла эту книгу и сразу во все поверила. с этого времени я гораздо больше

начала молиться и поститься, а детей начала приучать к молитве по четкам Святого Розария.

Но, пожалуй, я должна рассказать все по порядку.

Всего лишь три месяца тому назад я еще была больна. У меня был паралич, который достаточно быстро прогрессировал. Болела я с двадцати пяти лет. А вообще-то мою болезнь врачи обнаружили, когда мне было лишь двадцать лет. Тогда мне страшно трудно было с этим смириться. Всеми способами я пыталась убедить себя в том, что произошла ошибка, что все – неправда и не соответствует действительности. Болезнь развивалась, а я все искала доказательств тому, что со мной происходит что-то совсем иное. А болезнь своим чередом уничтожала меня. Я впала в депрессию. В моем сердце поселились гнев и тоска, изгнав все остальные чувства. Но, вопреки всему, я хотела осуществить свое жизненное призвание.

Пять лет тому назад моя подруга пригласила меня на богослужение, проводимое для больных людей. Я не была горячей сторонницей Движения обновления в Духе Святом, а потому все пыталась как-нибудь от этого отвертеться. Подруга настаивала, а мой муж сказал, что уж коль я испытала все иные средства, то могу попробовать и это.

Богослужение началось молитвой Розария – это было еще не так плохо. Я сидела на скамье в тыльной части костела. Когда начался вход священников, у меня возникло ощущение, будто кто-то подталкивает меня сзади. Я была очень смущена, поскольку еще дома решила, что не буду по собственной инициативе перед всеми людьми просить о молитве. А после произошло нечто удивительное. Я почувствовала огромную умиротворенность. Это было так, как будто все годы страданий, связанных с моей болезнью, вдруг исчезли из моей памяти.

Возвратясь домой, я решила, что начну серьезно заниматься своей духовной жизнью. До этого времени я была обижена на Католическую Церковь. На Мессу я приходила, но присутствовало в костеле только мое тело, а не душа. И вот теперь я решила все изменить. Я поставила в известность об этом моего настоятеля и попросила его о молитве, чтобы наполнившее душу умиротворение не покинуло меня.

Под конец года у меня уже были затронуты параличом обе руки и ноги. Для меня это было тяжело, поскольку по профессии я учительница... Прибавьте к этому еще и заботы, которые упали на голову моего мужа и детей... Но я все-таки принадлежала к хорошему приходу. Соседи

отвозили меня в школу, муж делал уборку в доме, да и дети помогали, как только могли. К несчастью, в этот период мои ноги начали деформироваться и кости стали изгибаться. Правое колено изменило свое положение. Мышцы были до того дистрофичными, что коленная чашечка начала западать вовнутрь сустава. Ноги полностью потеряли чувствительность. На этом этапе развития болезни я вынуждена была лечь в больницу. Самое время было признать себя калекой и переселиться в инвалидную коляску. Мой муж соглашался с пипами и костылями, но мысль об инвалидной коляске приводила его в ужас. Однако и он, и я должны были согласиться с такой жизнью. Как мы любили проводить время на природе, выезжать на большие крокетные площадки!.. Теперь обо всем этом приходилось забыть окончательно.

Правда, происходили и хорошие события. Многие люди приходили к нам с помощью, а власти штата выделили тысячу долларов на установку в школе и дома необходимых приспособлений, которые сделали бы возможной мою дальнейшую работу.

Как я уже вспомнила, мною был послан заказ на книжку о Меджугорье. Чтение ее произвело на меня огромное впечатление, и я сообщила об этом своему мужу, хотя он не католик, а лютеранин. Он пропустил мои слова мимо ушей. Но при этом мы оба старались развивать нашу молитвенную жизнь, а я к тому же пыталась ежедневно проводить час на медитации.

В тот год, в июле, когда я, лежа в постели, заканчивала молитву Розария, я услышала голос, говорящий: "Почему ты не просишь?" Действительно, никогда перед этим я не молилась об исцелении. Со стороны могло даже показаться, что я согласилась со своей инвалидностью. Да. И вот такие слова при этом прозвучали во мне в тот вечер. Я всем сердцем просила Деву Марию, чтобы Она заступилась за меня перед Своим Сыном: пусть Он излечит меня от всего, что было во мне поражено недугом. Во время этой молитвы меня посетило удивительное чувство, как будто бы все тело мое исполнилось стремительно двигающимися пузырьками, как стакан газированной воды, а после я уже ничего не помню – я уснула.

Утром, проснувшись достаточно рано, я и думать забыла о вчерашнем. В то время я старалась участвовать в публичных лекциях по Священному Писанию. Я, как могла, подготовилась к выходу. Потом мой муж усадил меня в салон автомобиля, специально оборудованного для меня, уложил

рядом инвалидную коляску. По прибытии сразу же отыскался кто-то, помогший мне добраться до зала, где проходила лекция.

Я не сразу заметила странные перемены. В какой-то момент, вдруг, когда я вместе с другими погрузилась в лексический анализ какого-то отрывка текста Священного Писания, я ощутила в стопах, а потом во всей ноге сильное тепло и покаявание. Это было совершенно неправдоподобно, поскольку уже много времени мои ноги вообще ничего не чувствовали. Я глянула на свои стопы и убедилась, что они не только горят, – пальцы ног начали шевелиться! Я не могла понять, что происходит!

Что было дальше, я не помню. Не помню даже, каким образом я добралась до автомобиля. Одно желание владело мной: как можно быстрее оказаться дома и рассказать семье о том, что со мной произошло. Помню лишь то, что когда я приехала домой, там никого не было. Перед этим, помню, я пожаловалась, что вот уже сколько времени в доме не было земляники, и просила их, чтобы они пошли на поле и собирали ее, если только у них будет на то время. И вот, кажется, все ушли в поле, и не было никого, кто мог бы помочь мне добраться до дома. Но около крыльца стояли мои костыли. Иногда, когда я хотела почувствовать себя "самостоятельной", то пробовала справиться с ходьбой при их помощи. Это было более чем нелегко.

Я ждала, сидя в автомобиле, около пятнадцати минут. Чувствовала себя ужасно разочарованной, поскольку очень хотелось рассказать семье о случившемся. А потом мне захотелось в туалет. Из-за болезни ни кишечник, ни мочевого пузырь не могли нормально работать. А ведь я все утро пробыла на лекции. Мне нужно было пойти в туалет – и как можно быстрее! Вывалившись из машины, я дотянулась до костылей, стоящих в пределах досягаемости (мой муж Рэй правильно все рассчитал). Совершенно невозможно было справиться с тяжестью левой ноги, пока я не обратила внимания на то, что она попросту опутана ремнями. Потом я несколько минут стояла, опираясь на костыли и думала: коль скоро мои ноги вновь великолепно все чувствуют, то, может быть, мне удастся ими нормально действовать? Попробовала – и без труда поднялась по ступенькам. Лишь сердце от волнения, как молот, билось в груди!

Когда я оказалась уже дома, то направилась в спальню и, опершись о спинку кровати, своими руками отстегнула ортопедические сапоги. Оглядела свои ноги. Мне показалось, что с ними что-то не так. Пригляделась еще раз и поняла, что правая нога совершенно прямая!

Мне делали дважды операцию, чтобы ее выпрямить – и напрасно. В конце концов врачи проделали какие-то манипуляции с коленной чашечкой, чтобы она держалась на месте, после чего заявили, что остальное превышает их силы: деформация происходила годами! А теперь я видела нормальные выпрямленные ноги... И коленная чашечка тоже была на месте.

Я потеряла над собой контроль и начала, что есть мочи, орать о том, что у меня прямые ноги! И все время повторяла: "Благодарение Богородице! Благодарение Иисусу!" Но при этом до меня все так же не доходило, что я исцелена. Трясущимися руками я отстегнула все протезирующие приспособления и впервые за много лет сама стала на собственные ноги. И вновь поглядела вниз: мои ноги выглядели, как ноги всякого нормального человека! Наконец до меня вполне дошло, что со мной случилось чудо.

Я вышла в прихожую, держа костыли под мышкой. Дойдя до лестницы, я подумала о том, что, если я на самом деле совсем исцелена, то смогу взбежать по ступенькам вверх. Костыли были отброшены, и я взбежала по лестнице, а потом сошла вниз – и вновь наверх!.. И при каждом шаге я кричала: "Благодарю!" У меня началась истерика, я смеялась и плакала одновременно... Случился нервный шок. Наверное, точно так же чувствовал себя Апостол Павел, когда упал с коня. В конце-концов я пришла в себя и решила, что обо всем случившемся нужно срочно кому-то сообщить. Я хотела позвонить настоятелю, но все время путала номер его телефона со своим собственным. Однако через какое-то время мне все-таки удалось до него дозвониться, и я сказала: "Отче Бергман! Я исцелена! Я исцелена! Болезни нет!"

– Кто говорит! – спросил он.

– Это Рита, – ответила ему я. – Я совершенно здорова, вы понимаете, отче, я оказалась исцелена!

Последовало минутное молчание, а потом он сказал:

– Рита сядь, прими таблетку аспирина и вызови врача. Обещай мне, что так и сделаешь.

Я не знала, что ему ответить, а потом положила трубку. Позвонила подруге, тоже учительнице. Она узнала мой голос, но теперь уже я не могла слова сказать, из-за чего она подумала, что со мной что-то случилось. Молнией она прилетела ко мне домой, хотя и жила довольно далеко за городом. Я помню, что когда она приехала, я стояла посреди

самой большой из комнат и прыгала, как ребенок. Когда она поняла, что со мной происходит, то начала скакать вместе со мной.

Присутствие подруги меня немного успокоило. Я сказала ей, что необходимо найти остальных членов моей семьи, чтобы сообщить им о случившемся. Мы поехали на загородные поля. По дороге мы не могли миновать приходского дома, а потому решили зайти и показаться настоятельно: пускай и он поймет, что я действительно здорова. Священник был у себя в кабинете, и когда увидел меня, стоящую перед ним, то понял все. Отец Бергман пялился на меня и повторял: "Рита, сядь, ты так давно не упражняла эти мышцы!" На это я ответила ему, что чувствую себя так, как будто вновь мне семнадцать лет!

Мы покинули приходской дом и поехали дальше. Когда мы прибыли на поле, там уже никого не было, и мы вынуждены были возвратиться домой. Как только мы приехали, моя подруга побежала к Рею. Когда он вышел из дома, то был бел, как стена. Он думал, что со мной что-то случилось, поскольку автомобиль, костыли и протезы были дома. Он думал, что меня забрала "Скорая помощь".

Я выскочила из автомобиля и побежала к нему. Старшая дочь стояла рядом и была так потрясена, что не могла произнести ни слова, а только плакала. Ей было двенадцать лет, а двум младшим - десять и семь. Эти, собственно говоря, никогда не видели меня вполне здоровой.

Сцену эту невозможно описать. Старшая плакала, средняя стояла, широко раскрыв рот, а самая младшая сказала: "Ой, хорошо! Теперь уже не нужно будет столько бегать по хозяйству!" А потом добавила: "Как странно ты выглядишь, мама!"

Через некоторое время все успокоились. Позвонили моему врачу. Представьте себе: его не было дома, он пошел играть в гольф! На следующий день, как обычно, я отправилась на лекцию по Священному Писанию, но совершенно не знала, как мне себя вести. Если бы я рассказала обо всем, что со мной произошло, вся лекция пошла бы насмарку, а потому я решила ехать в коляске. Пожалуй, что это была наитруднейшая ситуация в моей жизни - сидеть в инвалидной коляске, зная, что я здорова. После лекции я вернулась домой, и вот тогда-то нам удалось связаться с нашим врачом!

Мы ему рассказываем, а он бубнит: "Невозможно, не случается, так не бывает!" Потом спрашивает моего мужа: "Она ходит?" Рей отвечает: "Нет. Она бегаёт!"

Врач попросил, чтобы меня как можно скорее отправили в больницу.

Когда мы приехали, у дверей выстроился весь персонал, и все ждали меня. Я была в больнице две недели тому назад. Все были потрясены. А мой врач решил, что это розыгрыш, и что я – близнец Риты. После этого он провел множество исследований неврологического характера и подтвердил, что я целиком и абсолютно здорова. После окончания исследований обнял меня и со слезами на глазах спросил, что я для этого сделала. Я ответила, что попросила в молитве о возвращении здоровья. – "Сколько раз?" – "Один раз", – ответила я. – "Но знаю, что очень многие люди в течение долгих лет молились обо мне". На это он спросил, израсходовала ли я всю молитву полностью или для него тоже что-то осталось. Это было прекрасно.

С того времени все в моей жизни изменилось. Я служу своим свидетельством больным людям. Много молюсь. Доверяю себя и весь мир Богу и Богоматери. Прошу вас, молитесь обо мне, чтобы все, делаемое мной, было бы добрым и достойным. Благодарю. Да благословит вас Господь".

Мы сидели потрясенные, неспособные пошевелиться. А потом взорвались аплодисментами. История Риты сделалась венцом всей конференции, которая и без того была впечатляюща. В Рите мне понравилась не только ее история. Я почувствовал в ней родственную душу. У моей сестры Лолы была аналогичная болезнь. Я рассказывал ей о Меджуторье и предоставил думать самой, подлинно ли все, что происходит там. Сперва она сомневалась, поскольку была, подобно мне, лютеранкой. Но когда она прочла несколько книг, когда многократно просмотрела видеофильм и еще раз услышала мои свидетельства, то оказалась убежденной.

Поэтому я не мог дожидаться, когда, наконец, смогу рассказать Лоле о Рите, о ее исцелении, а также не знал, как сказать Рите о Лоле. Когда я смог протиснуться к Рите, со всех сторон окруженной людьми, то предложил ей сесть и неспеша поговорить.

– Думаю, что если бы Лола могла иметь вашу фотографию, – сказал я ей, – то это бы помогло ей верить и надеяться.

Рита позволила себя сфотографировать, а потом мы еще раз сделали общий снимок. А когда мы прощались, я уже знал, что с Ритой Клаус мы больше не встретимся.

22.

Заверши начатое

...Эту книгу мне очень хотелось написать.

О Меджугорье написана масса книг, но в большинстве случаев их авторы – католические священники, которые рассказывают, главным образом, о первых днях откровений, анализируя феноменальные события с богословской точки зрения. До сих пор никто еще не пробовал описать личный опыт человека, пережившего в Меджугорье внутреннее преображение – обращение. Своей книгой мне хотелось восполнить этот пробел.

Однако проходил день за днем, а я все так же сидел, уставившись на пустой лист. Понемногу меня начали одолевать сомнения. Как может протестант, лютеранин, обладающий натурой глубоко эмоциональной, объективно написать о сверхъестественных событиях, происходящих в русле традиции Католической Церкви? Почему национальные средства массовой информации игнорируют столь серьезное событие? И, самое главное, кто мне поверит, что я получил свою миссию непосредственно от Пресвятой Девы?

В конце октября моя абсолютная неспособность написать что-либо начала приводить меня в бешенство. Однажды утром я сидел в кабинете, пытаясь заставить себя начать работу. В руки мне попало Священное Писание. Минуту я разглядывал его обложку, а затем помолился так: "Господи, прошу Тебя, укажи мне, что я должен делать", – и открыл книгу наудачу. Передо мной было второе послание к Коринфянам (2 Кор. 8,11): "Совершите же теперь самое дело, дабы, чего усердно желали, то и исполнено было по достатку".

Мне казалось, что я присидел над этими словами целую вечность, содрогаюсь от сознания того, с какой простотой и прямоотой обращается к нам Бог. Ко мне вернулось бывшее творческое горение и уверенность в себе, не оставляющие и следа от давних сомнений.

"Благодарю", – прошептал я и начал готовиться к тому, чтобы в октябре вернуться в Меджугорье и начать работу над своей книгой.

Садясь в самолет в Нью-Йорке, я уже знал, что нужно делать. Первое – это провести интервью с как можно большим числом людей, в том числе и ясновидящими, а для этого мне понадобится помощь отца Светозара. Я созвонился с ним в надежде, что он сможет свести меня с ними и сам включится в работу в качестве переводчика. Так или иначе, но и я тоже буду помогать ему в написании его книги.

В Дубровнике я снова нанял машину и на этот раз уже без проблем доехал до Меджугорья. Через Розу Финнеган из "Центра Мира" я послал письмо Василию Гро, спрашивая разрешения на съем комнаты в его доме. В доме этого семейства я несколько раз переночевал во время последнего путешествия, и теперь был принят ими, как друг.

Гро, спокойный и задумчивый отец шестерых детей, все дни проводил в тяжелой работе. Был он человеком глубокой религиозности. Для своей семьи он выстроил домашнюю часовенку, в которой вся семья, включая и его собственных мать и отца, собирались на молитву ежедневно утром перед завтраком, в 6.30. Для меня было сделано исключение: они пригласили меня принять участие в семейных молитвах.

Гро был по профессии строительным мастером. Построить домашнюю часовню попросила его дочь, Елена. Спокойная, уравновешенная, с потрясающе красивыми глазами, она в декабре 1982 года получила от небес особенный дар. Как-то в полдень, будучи в школе, она услышала голос Девы Марии. Оказывается, такие явления известны и даже имеют научное название – интерлокация. Ее подруга, Мариана Василий, получила точно такой же дар. В то время и одной, и другой девочке было по 10 лет. С того времени они регулярно слышат тот же голос, что и ясновидящие.

Елена и Мариана не видят Богородицу так, как ясновидящие; видят Ее только лишь в "сердце". То, что они слышат, так напоминает тексты посланий, которые получают другие, что Елена, более смелая из двух девочек, часто бывает называема "седьмой ясновидящей". Она утверждает, что Пресвятая Дева говорит с ними о духовной жизни. В мае 1983 года Богородица сказала Елене, чтобы та настойчиво повторила священнику, что Матери Иисуса хочется иметь в приходе молодежную молитвенную группу. Она Сама будет для этой группы ведущей и укажет им необходимые условия для освящения своих душ: члены молитвенной группы должны будут жить вполне самоотверженно, предоставляя себя полностью в Божие распоряжение. На этот призыв откликнулось пятьдесят шесть молодых людей.

Дар Елены был для меня чем-то очень интересным, поскольку напоминал то, что и я сам пережил и что случается со мной иногда и теперь. Я чувствовал, что это не случайность, что это моя привилегия - жить в доме Гро и молиться вместе с его дочерью.

Елена сперва робела при первом моем приближении. Понемногу она привыкла, почувствовала себя свободнее. Оказалось, что она любит разыгрывать и подшучивать над сестрами. Через два дня она уже отвечала на мои вопросы. Когда я спрашивал ее о том, какого рода послания получает она от Богоматери, она отвечала, что, в основном, они касаются правил духовной жизни и христианского благочестия.

Святость не давалась ей особенно легко (а разве существует кто-то, кому это давалось бы легко?) Часто отец должен был будить ее ни свет, ни заря, чтобы она не опоздала на утренние молитвы. Часто он ворчал на нее, когда дом наполнялся толпами паломников, с которыми она хотела говорить. Елена, которой теперь уже исполнилось 14 лет, со многих точек зрения остается типичной девушкой – подростком. В этом она напоминает других визионеров: она не является идеалом добра, но и ни в коем случае не может быть названа злой. Обычная средняя девочка, которая была избрана Приснодевой, а почему – неизвестно. Ведь Елена не перестала из-за этого любить телепрограммы, все также могла бы предпочесть сладкий сон утренним молитвам и имела слабость к шоколаду "M&M", о чем я стараюсь никогда не забывать.

Радость возвращения в Меджуторье для меня не была полной из-за отсутствия здесь Тани. Я узнал, что два месяца тому назад она выехала в Италию и вернулась к наркотикам. Горький урок: я понял, что никакие молитвы, никакие благожелательные разговоры, ничья помощь не будут иметь никаких результатов, если человек сам откажет себе во внутренних изменениях. Для начала нужны вера и свободный выбор. Мне вспомнилось, как Иисус не смог совершить ни одного чуда в своем родном городе, Назарете, из-за неверия людей, среди которых Он вырос.

Мне не хотелось забывать о Тане. Мои молитвы о ней стали еще более упорными. Я знал, что в этой молодой австралийке происходит борьба добра и зла, и решил молиться горячо и много с надеждой на победу. Таня сделалась для меня примером внутреннего борения человека, который хотел бы удержаться в Божией благодати. Мы можем принять эту благодать и жить, осененные ею, или отвергнуть ее. Выбор принадлежит только нам.

Я вспомнил, как Таня вместе с Катлин сопровождала меня во время беседы с Еленой. На половине интервью, когда Елена рассказывала о первых моментах

общения с Богородицей, Таня неожиданно обернулась ко мне и смачно выругалась по поводу Елены.

– Таня, не говори так! Что с тобой происходит?

– Слушай, я много времени провела с ясновидящими и знаю, что они не обманывают, но эта... я ей не верю!

Я глянул на Елену, которая не понимала, о чем мы говорим, но почувствовала, что здесь что-то не так, и на Катлин, которая лишь плечами пожала, не желая приходить на помощь. Когда я в конце концов смог взять себя в руки, то сказал Тане, чтобы она сообщила Елене, что интервью окончено.

– А еще я хочу, чтобы ты сейчас же сказала ей, что ты ей не веришь, – сказал я твердым голосом.

Таня улыбнулась:

– Ты думаешь, что я испугаюсь?

Она повернулась и, жестикулируя, начала что-то быстро объяснять похорватски.

Я не мог поверить в те изменения, которые тут же произошли в Елене. Она перестала быть тихой и несмелой, стала спокойной и начала легонько улыбаться. Я не заметил, чтобы Танина атака нарушила расположение ее духа.

Я спросил Таню, что ответила ей Елена.

– Она сказала, что мы должны поговорить об этом наедине.

Не зная, что нужно делать, я встал, чтобы уйти. Когда мы поблагодарили Елену, она что-то сказала Тане и взяла ее за руку.

– О, нет! – ойкнула Таня. – Она хочет говорить со мной уже сейчас!

– Добро! – ответил я. – Подожду на улице!

Через сорок пять минут двери дома открылись, и на порог вышли улыбающиеся Таня и Елена. Таня вновь вела себя, как ангел.

– Теперь я ей верю! – сказала она спокойно.

– Почему?

– Я увидела, насколько она искренна и открыта. Когда я слышала о том, что ей говорит Богородица, то поняла, что это тот же голос, который слышат и ясновидящие.

Я был очень доволен: возмутительная ситуация сделалась для неуправляемой девчонки серьезным уроком; однако гораздо больше меня заинтересовала перемена, произошедшая в Елене.

Танин провал был для меня болезненным разочарованием, но это не перечеркнуло полностью моей радости, связанной с возвращением в мой второй дом, как я теперь называл Меджугорье.

... Я заметил некоторые перемены в отношении ко мне: люди начали узнавать во мне автора статей и брошюр. Многие говорили, что приехали сюда после их прочтения.

Терри попросила меня сказать несколько слов ее группе. Я был взбудоражен тем, что мне предстоит говорить в этом месте. Мы пошли в кедровник между костелом и горой Крижевац. Там, в этом чудесном оазисе серьезных размышлений, среди могил, многим из которых было по несколько сотен лет и которые часто были обозначены одним лишь крестом, я рассказывал о своем Меджугорье. Что меня сюда привело, что я увидел и что открыл передо мной Бог, и что – надеюсь – откроет и им.

... От начала и до конца день был вполне удачным. Пополудни за мной заехал отец Светозар, чтобы встретиться со мной после нескольких месяцев разлуки.

– У меня хорошие новости, – сказал он, когда мы отошли в сторонку, – я все устроил, можешь спокойно приезжать в Коньщ и жить в монастыре четыре дня!

– Прекрасно! – я был счастлив, услышав эту новость. – Когда ехать?

– Я должен вернуться сегодня через несколько часов, но ты приедешь завтра. Мы поговорим о твоей книжке, а не о моей, хотя у меня и появилось несколько мыслей, которые я хотел бы записать с твоей помощью.

На трассе, пробегавшей по берегу реки Неретвы, было множество прекрасных пейзажей. У меня не было карты, но отец Светозар уверил меня, что особых трудностей не будет. И действительно, часа через два я уже был на месте.

Я был удивлен. Мне казалось, что Коньщ будет лишь немного больше Меджугорья, но оказалось, что это довольно большой город. Я отыскал костел, в котором служил отец Светозар, – высокое, захватывающе красивое здание с прилегающим к нему монастырем. После традиционных приветствий отец Светозар ввел меня в комнату, и мы начали работать.

– Мне нужна твоя помощь при записывании. Я совершенно теряюсь во всех своих листочках и блокнотиках, но думаю, что когда-нибудь мы сможем их использовать. Или ты уже используешь их в своей книге?..

Начали. Отец Светозар читал и пояснял, а я писал на машинке и давал советы. Временами мы останавливались, советовались. В конце он обычно ударял меня по колену со словами:

– Хорошо-то как!

– Что?

– То, что мы сидим здесь и обсуждаем все эти мелочи, и что ты можешь со мной спорить и не соглашаться.

Он прямо просиял, когда заметил, как я его понимаю. Вот так отец Светозар Кральевич, мой духовный герой, сошел с пьедестала, да и я не смотрел уже на него с боязнью. Он все также оставался в моих глазах серьезной личностью, но теперь уже он был моим другом и братом во Христе.

Этим вечером мы работали более трех часов. Весь следующий день прошел подобным же образом. Перед обедом мы сделали перерыв и вышли к базарным рядам, шумевшим на другой стороне улицы. Там можно было купить все: от еды и до ручной мельницы для кофе. Именно такую мельницу и купил духовный отец.

— Это для Терри, — объяснил мне он.

— О, если бы ты знал, как мало времени моя жена проводит на кухне, — засмеялся я...

В 17.00 отец Светозар совершал Мессу.

Когда он ушел облачаться, я сел под теневой стеной костела. До начала Евхаристии было еще двадцать минут. В костеле было очень холодно, и меня бил озноб. Понемногу начали приходить люди. Их собралось около двадцати человек. Меня немного утешило, что и они выглядят озябшими. Чтобы перестать дрожать от холода, я преклонил колени и начал горячо молиться.

Совершенно неожиданно я перестал трястись и вдруг почувствовал, что зависаю в пустоте. Внутри меня звучали слова. Не было слышно голоса, не было ничего видно. Однако внутри меня звучал мощный голос: "Забери Милку в Штаты".

Какая неожиданность! В этот момент я думал о Милке не больше, чем о прошлогоднем снеге. Я недоумевал. А потом шепотом спросил: "Почему?"

Ответа не было. Осталась лишь сильная убежденность в том, что я обязан это сделать. Нужно будет поговорить об этом с отцом Светозаром... А сам я, кажется, вновь начал получать послания. Да ведь, по сути дела, каждый может быть использован Богом в качестве орудия Духа Святого.

С отцом Светозаром я смог поговорить лишь на следующий день утром, когда мы ехали на место строительства будущего приходского костела. Весь доход от продажи своих книг он передал на строительство и был убежден, что вскоре здесь подымутся стены костела.

Светозар был одет в светский костюм. Как только он снял францисканскую рясу, то сделался каким-то невзрачным. Но в его поступках все также ощущалось благодатное действие Духа, а во взгляде светилась святость.

Он не был удивлен, когда я сказал ему об откровении, бывшем мне о Милке. "Ну, да, — сказал он, — завтра у нас очередная встреча с Марией. Нужно будет

ей сказать об этом. Посмотрим, что она скажет по этому поводу". Вдобавок он согласился поехать со мной в Меджугорье в качестве переводчика.

Когда мы возвращались в монастырь, то, доехав до центра Коньща, услышали гудение множества автомобилей. На перекрестке скопилось множество машин, и никто не желал уступить дороги. Мне бы и в голову не пришло, что в маленьком городке горной Югославии могут образовываться автомобильные пробки, но именно это нас и остановило.

Отец Светозар высунул голову, пожал плечами и вышел из машины. Он вошел в самую сердцевину пробки и начал руководить движением, приказывал одной машине поехать вперед, а другой – податься назад... Я не знал, поняли ли водители, что перед ними монах и священник в одном лице, но всем стало легче из-за того, что кто-то наконец что-то сделал. Гудки затихли. Через пять минут перекресток опустел.

– Иногда, – сказал отец Светозар, возвращаясь, – чтобы что-то изменить, нужно начать действовать.

Я засмеялся и кивнул. Так я и сделался свидетелем того, как мой друг-францисканец воплотил в жизнь молитву основателя своего братства: "Господи, дай мне мужество изменить то, что можно изменить; терпение, чтобы принять то, что изменить нельзя; и мудрость, чтобы отличить одно от другого".

После полудня, когда Светозар перед отъездом делал покупки в городе, я упаковывал чемодан. Сел на кровать и думал обо всем, что произошло с того времени, как ко мне обратилась Богоматерь. Все казалось простым и ясным. Я понимал Меджугорье, его значение и смысл. И моя роль во всем этом тоже была довольно ясной. Я понял, зачем прибыл сюда уже в третий раз за полгода. Все это было временем ученичества. А роль отца Светозара в этом была – вести и направлять. Я тихонько начал молиться по четкам Розария, которые он мне подарил.

Кто-то легонько постучал во фрамугу открытых дверей. Я поднял глаза и увидел стоящего в них отца Светозара с приятной улыбкой на лице.

– Так мне твой приезд и запомнится, – сказал он. – Ты сидишь на диване и молишься по четкам.

Я не ответил, потому что глаза мои наполнили слезы.

– Если ты уже готов, тогда едем, – сказал он. Я взял свою сумку и пошел за ним в машину. Он сел за руль своего автомобиля, я сел в свой. Когда мы въехали в Мостар, он дал мне знать, чтобы я остановился, а сам подошел к моей машине.

– Выпьем кофе.

– Ты действительно хочешь здесь задержаться? Осталось всего лишь 40 километров.

Он настаивал на том, чтобы передохнуть.

Сидя за чашкой густого, крепкого кофе, который я уже успел полюбить, он сказал: "Уэйн, я решил, что некоторое время мы не будем работать совместно над моей новой книгой. Я займусь тем, что помогу тебе написать твою".

Я начал было ему противоречить, но он прервал меня, подняв руку. Я понял, что он в дороге все обдумал и много молился об этом.

– Теперь уже ты должен написать книжку, и ничто не должно тебе в этом помешать. Отдай этому столько времени, сколько будет нужно. Смотри, чтобы она получилась хорошей. Ты обязан ее написать.

Я согласно кивнул головой.

23.

Учение продолжается

Отец Светозар выехал на площадку за приходским домом костела Святого Иакова, а я припарковался неподалеку, думая о том, что уже наступил день прощания с Меджугорьем. Когда я выходил из автомобиля, отец сказал: "Прежде всего перекусим что-нибудь, а потом пойдем к Марии".

Отец Николай, спокойный молодой священник, живущий в Меджугорье уже несколько месяцев, присоединился к нам. Он обязательно хотел сказать отцу Светозару о чем-то, что случилось за последнее время, но, когда он начал говорить по-хорватски, отец Светозар вознес руки и обратился ко мне: "Похоже на то, что пора тебе достать свой блокнот и тщательно все записать. Это как раз для твоей книжки. Я буду переводить".

Я сделал так, как советовал мне духовный отец, и начал записывать историю Миры (имя изменено), женщины старше тридцати лет, живущей в небольшом городке на юге Югославии.

...Мира была воспитана в католической семье, но влюбилась в мужчину, который был ярым сторонником коммунистической партии. После этого Мира начала отходить от Церкви. Священник предупредил ее, но она и слышать ни о чем не хотела. Вышла замуж. Поскольку муж был членом партии, Мира уже не могла нормально ходить в костел на Мессу. Слова священника оправдались: она покинула и Церковь, и семью. Даже рождение ребенка не изменило ситуации. Ребенок родился парализованным и больным мышечной дистрофией. На протяжении следующего пятилетия из-за этой трагедии и все более возраставших жизненных трудностей Мира попросту растеряла все свои силы. Невротические страхи, болезненное состояние, все более возраставшие дозы лекарств... И в конце концов – эпилепсия. Частота и сила припадков

возрастали. К осени 1986 года она уже находилась в больнице в Загребѣ: в среднем на сутки приходилось до тридцати припадков.

В течение трех недель врачи старались помочь ей всеми возможными способами, но все было безрезультатно. Ее состояние с каждым разом делалось все хуже и хуже. В дополнение ко всему, по всей вероятности из-за чрезмерных лекарственных доз Мира ослепла. Наконец, врачи сообщили ее мужу, что не в силах что-либо сделать. Посоветовали, чтобы он забрал ее домой и приготовился к худшему. В течение двух недель их дом был погружен в траур. Мира лежала в постели, муж был рядом – и смерть тоже. Однажды утром, однако, произошло нечто необычное: Мира услышала голос. Этот голос говорил ей: "Ты должна примириться с Богом и молиться". Муж старался ее успокоить, будучи убежден, что это галлюцинация, результат болезни и воздействия сильных лекарств. Женщина настаивала на своем и сказала, что этот же голос повелевает ей выйти из дома. Муж категорически запретил ей это. Врачи посоветовали лежать в постели, и он был убежден, что любая ее активность лишь ускорит конец.

В конце концов, когда он отлучился из дома, едва лишь двери за ним закрылись, Мира поднялась из постели. Понемногу она добралась до дверей, а когда отворила их и сделала шаг, то увидела, что перед ней появилась Дева Мария и сказала: "Ты можешь быть исцелена".

Мира упала на колени.

– Благословенная Матушка, – запричитала она, – прошу Тебя, исцели моего сыночка, ему всего лишь пять лет.

"Твой сын, – услышала она в ответ, – не отвечает за свою болезнь, однако через его страдания множество людей спасется и обратится. Не проси о нем, проси о себе. Езжай в Меджугорье и будешь исцелена".

И это все. Мира вновь была слепа. С трудом она добралась до кровати. Когда муж вернулся домой, она попробовала рассказать ему обо всем, но он не поверил и очень огорчился, думая, что это доказательство ухудшения ее здоровья. Она умоляла, чтобы он повез ее в Меджугорье, но он и слышать об этом не хотел.

Мария еще раз явилась ей, на этот раз – в ее комнате.

– Благословенная Матушка! – стонала Мира, – муж не хочет везти меня в Меджугорье!

– А знаешь ли ты в городке кого-нибудь, – сказала Владычица, – кто может молиться о тебе?

– Нет, – с горечью ответила ей женщина, – все отвратились от Бога.
– И я тоже не знаю здесь такого человека, – подтвердила Богородица и добавила, – поезжай в Меджугорье.

После этого она исчезла.

Мира настаивала на своем. Ни о чем больше она не могла говорить – только о Меджугорье. Когда взбешенный муж решил, что единственный путь спасения заключается в ее возвращении в Загребскую лечебницу, она впала в истерику. В конце концов, только для того, чтобы ее успокоить, он согласился поехать с ней в Меджугорье. 8 ноября они сели в поезд, едущий в Мостар, а на следующий день уже приехали в Меджугорье.

Муж сразу же повел ее в костел. Когда они вошли, было видно, что женщина сделалась намного спокойнее, чем обычно. Во время путешествия с ней случались лишь единичные кратковременные приступы эпилепсии.

Костел был пуст. Мира молилась в течение всего послеполуденного часа. В какой-то момент она ощутила желание поглядеть наверх. Подняла глаза – и едва не лишилась чувств от потрясения: она увидела перед собой статую Девы Марии. Зрение вернулось!

Муж, не менее потрясенный, чем она, глядел на все с крайним недоверием. Мира поднялась и вышла наружу, где в это время исповедовал людей приезжий священник. Долго и очень эмоционально она пересказывала ему свою жизнь и в конце рассказала о том, что произошло минуту тому назад. Он дал ей совет вернуться в Церковь и не переставать молиться, а на следующий день рассказать обо всем кому-нибудь из местных священников.

На следующее утро, когда она искала меджугорийских священников, оказалось, что никого нет на месте. Лишь во вторник утром она смогла рассказать свою историю отцу Перваку и отцу Николаю. Зрение ее было идеальным, и вот уже вторые сутки, как у нее не было ни одного эпилептического припадка. Она была уверена, что полностью исцелилась.

И она, и ее муж обратились, заново приняли веру и примирились с Богом...

Эта история поразила нас. Меня же лично особенно затронула судьба ее ребенка, принявшего страдания за грехи многих других людей. Как часто мы задумываемся над тем, почему в мире так много страдания? В этом случае

страдания маленького человека оказались непосредственно соединены со страданиями Христа, умершего страшной смертью из-за того, чтобы наши грехи были прощены, а все мы были искуплены Его кровью. Молодой францисканец рассказал эту историю в точности так, как она была зарегистрирована в хронике костела Святого Иакова. Все это звучало как сказка.

Я поблагодарил отца Николая и вместе с отцом Светозаром направился в сторону дома Марии. Мы не стали пользоваться автомобилем, поскольку погода была прекрасной, ласково светило солнце, и приятно было прогуляться пешком среди полей.

Мария ожидала нас на ступеньках крыльца. Меня она приветствовала ласковой улыбкой. Было достаточно интересно видеть ее и отца Светозара. Она относилась к духовному отцу с глубочайшим уважением, но в жесте, которым она сняла пушинку с его сутаны, можно было заметить еще и нежность. Я пригляделся к ним, когда они говорили по-хорватски, делаясь друг с другом новостями; для себя я отметил, что Мария очень красива. Не в обычном смысле этого слова, но скорее красива духовной красотой, лучащейся изнутри, той же красотой, которой отмечен облик Матери Терезы из Калькутты.

"А теперь, – сказал отец Светозар по-английски, – примемся за работу. Расскажи Марии о себе. Она немного знает по-английски, но я еще повторю ей все по-хорватски".

Следующие двадцать минут я рассказывал ей обо всех событиях минувшего года, подчеркивая, что у меня по отношению к ней, как к избраннице Девы Марии, нет особых специальных просьб. Хотя, нужно признаться, мое подсознание пыталось заставить меня попросить Марию, чтобы она задала от моего имени Пресвятой Владычице вопрос: хорошо ли я исполняю то, что Она мне поручила? Как и всем людям, мне хотелось получить какой-нибудь особенный видимый знак благоволения... Но, понимая, что это бунтует во мне дух гордыни, я отстранялся от этих мыслей и смирялся...

Я сделал короткую паузу в рассказе. Мария встала, сделала кофе и принесла нам несколько булочек. "Милка испекла их перед выездом в Германию", – сказала она с улыбкой.

Я обратил внимание на то, что на улице необычно тихо: все паломники и туристы куда-то исчезли, не было слышно привычного галдежа и выкриков провожатых; казалось, Сам Бог давал нам время, чтобы мы могли встретиться в тишине и спокойствии.

Подопшло время сказать о самом главном, т.е. о том, что я пережил несколько дней тому назад в Коньще. Как она это воспримет?

Я объяснял все осторожно, мотивируя и объясняя каждую возможную цель поездки, которая, по моему мнению, могла затянуться как минимум на три месяца... За это время Милка могла бы отлично выучить английский, который и здесь мог бы ей еще пригодиться...

Несколько минут Мария молча вглядывалась в мое лицо. Потом улыбнулась, а отец Светозар перевел ее слова:

– Я не могу ответить вам вместо Милки. Не вижу причин, которые могли бы мешать ей ехать в Соединенные Штаты, но ты должен спросить ее об этом сам.

– Как? Она ведь сейчас в Германии?

Мария подошла к конторке и вынула лист бумаги.

– Напиши ей письмо и оставь мне. Я передам его в январе, когда она вернется домой. Потом можешь ей позвонить или написать еще раз. Посмотрим, что из этого получится.

– А ты что думаешь по этому поводу?

Некоторое время она раздумывала, а после сказала:

– Если ты уверен в том, что это велела тебе Владычица наша, то тогда ты должен быть ей послушен.

Я заметил, что ей не хотелось говорить ничего конкретного, но у меня уже не было времени на более долгий разговор.

При прощании Мария пригласила меня посетить их дом еще раз. И добавила: "Благослови тебя Господь".

После этого отец Светозар решил отвезти меня в Мостар, где хотел представить меня Иванке. Ее не было дома, но мы застали ее отца и поговорили с ним. Отец Светозар предупредил меня, что жена этого человека, мать Иванки, умерла незадолго до начала междугорийских событий, а потому я был особо осторожен в своих вопросах. На мой вопрос, каково ему быть отцом дочери-ясновидающей, он ответил: "Я уверен, что Бог дает нам совершенно особенную благодать. То, что Иванка участвует в этом, очень сильно отражается на всей семье, влияет на ее младшую сестру, родственников, близких. В этом есть и свои отрицательные стороны: слишком много людей, слишком много вопросов, слишком много журналистов..."

Я улыбнулся и решил, что остальные вопросы я предназначу уже его дочери. Он предложил нам кофе, а когда мы выпили уже по пятой чашке, пришла, наконец, Иванка вместе со своей младшей сестрой. Увидев отца Светозара она подбежала к нему и крепко обняла его. Потом обратила внимание на меня, увидела блокнот у меня на коленях и начала долго-долго говорить по-хорватски

с отцом Светозаром. Не требовалось переводчика, чтобы понять, что это отнюдь не сердечное приветствие. Отец Светозар тоже ответил ей по-хорватски. Без труда я мог понять, о чем идет речь, поскольку она все время крутила головой и повторяла: "Не, не".

Отец Светозар не смог успокоить Иванку. Более того, она становилась все более и более рассержена. Она начала бегать по комнате из угла в угол, заламывая руки. Я понял, что был последней каплей, переполнившей чашу, и смущенно начал дергать отца Светозара за рукав, показывая головой на дверь. Я совершенно определенно хотел уйти настолько можно спокойней, но при этом как только можно скорее.

Отец Светозар не обратил внимания на мои поползновения и продолжал разговаривать с Иванкой все также спокойно и настойчиво. Иванка не успокаивалась, и мне это все больше и больше претило.

"Слушай, – сказал я тихо отцу Светозару, – я не желаю создавать проблемы. Если она не хочет, то ничего не поделаешь, идем отсюда". И я поднялся, чтобы уходить.

– Нет, – решительно сказал он, усаживая меня в кресло, – имей терпение.

И опять он говорил с нею, все время указывая на меня рукой. В конце-концов, к моему удивлению, Иванка села на стул.

– Все в порядке, – сказал мне отец Светозар. Но во время разговора Иванка продолжала оставаться напряженной и замкнутой, однако нашла в себе силы дружелюбно кивнуть мне и улыбнуться.

Светозар объяснил, что она выбита из колеи фильмом, недавно снятым для Би-Би-Си, в котором она вместе с Марианой давали интервью по его просьбе. Особенно ей не понравились вопросы, касающиеся личной жизни. Иванка вообще была недовольна тем, что, сделавшись ясновидящей, она оказалась в центре общественного внимания. Она очень переживала то, что уже не видела Приснодеву. Я заметил это, когда в день пятой годовщины явлений она сидела с друзьями на траве. Было видно, как в момент явления она с тоской опустила голову. Все это и вызвало в ней такую бурю протеста. Но каким-то образом отцу Светозару все же удалось ее убедить. Иванка рассмеялась и протянула мне руку. Мы наконец-то с радостью смогли поприветствовать друг друга.

В основном я задавал ей самые общие вопросы относительно характера ее жизненного пути и т.п. "Мне хочется как можно глубже узнать тебя как личность, – сказал я ей. – Что ты чувствовала тогда, теперь, и к чему привела тебя твоя судьба ясновидящей?"

Поняв мои намерения, Иванка начала общаться со мной свободнее и даже принесла альбом с photographиями. Я обратил внимание на одну из них, сделанную два года назад, на которой у нее были коротко остриженные волосы (теперь они уже достаточно отросли). Я сказал ей: "Ты мне больше нравишься с длинными волосами. А выглядишь так, как будто вообще ничего не произошло, хотя так много за это время случилось, и теперь тебе уже двадцать один год".

Услышав мои слова, она зарделась и начала рассказывать о приближающейся свадьбе, хотя это и должно было оставаться тайной. Знали об этом лишь ее друзья – а это значит, что об этом событии было известно всему Меджугорью.

Я спросил: "Где вы будете жить после свадьбы? В Мостаре?"

"Нет, – ответила она, – мне бы хотелось вернуться в Меджугорье".

Мне показалось, что в голосе ее звучит беспокойство. Потом она добавила: "Не знаю, что мне делать".

Она глядела мне прямо в глаза, и я почувствовал, что она говорит со мной уже не как с журналистом, а как с другом. И снова она спросила меня:

– Думаешь, что я могу вернуться в Меджугорье и вести там с мужем нормальную спокойную жизнь?

Я поглядел на нее печально и отрицательно покачал головой:

– Нет, Иванка, я думаю, что люди никогда не оставят тебя в покое. Они будут приходить к тебе, а когда ты выйдешь замуж они еще больше захотят тебя видеть.

Иванка огорченно всплеснула руками:

– Что же делать?

Я положил руки ей на плечи.

– Все эти годы ты доверялась советам Благословенной Матушки. Она приходила к тебе и вела тебя Божиим путем. Она благословила твое будущее замужество, хотя и просила тебя раньше избрать жизнь в монашеском целомудрии. Когда ты сказала Ей, что хочешь основать семью, Она сказала, что все решения – за тобой, и благословила то, что ты решила! – я прервался. – Иванка, Она позаботится о тебе.

Иванка сделала ужасно смешное лицо, как будто хотела сказать: да, да, ты прав. Неожиданно я устыдился: да кто я такой, чтобы уверять ясновидящую из Меджугорья в том, что все будет хорошо? Ведь она несколько лет была открыта ежедневным посещением Богоматери! Я сказал все это лишь потому, что эта девушка мне очень полюбилась. Мы посмотрели друг на друга и одновременно рассмеялись, почувствовав юмор этой неправдоподобной ситуации.

Я повернулся к отцу Светозару и сказал: – Я не думал, что делаю, когда говорил ей все это.

Отец Светозар засмеялся и ответил: Все в порядке, ей это пойдет на пользу.

Нам сделалось настолько хорошо друг с другом, что мы все болтали и болтали, пока, наконец, отец Светозар напомнил мне, что семья Иванки еще не обедала. Мы попрощались, а когда Иванка обняла меня, я сказал: "До встречи в Меджугорье".

– Да, хорошо бы, – добавила она, взмахнув рукой на прощание.

Тяжелее всего было расставаться с отцом Светом. Мы нашли тихий ресторанчик в одной из гостиниц Мостара и долго еще разговаривали за обедом. Расстались мы в полночь. Единственно, что служило утешением, – это то, что я еще не раз сюда вернусь.

*Сатана силен и подвергает вас испытаниям
Молитесь, и он не сможет причинить вам зла,
как не сможет воспрепятствовать вам
в стремлении к святости...*

24.

В пути

Путешествие было увлекательным, но и домой возвращаться было тоже хорошо. Так мне, во всяком случае, казалось, пока я через два дня после возвращения не пришел в редакцию. На моем письменном столе лежало такое количество писем, что по их множеству можно было предположить, что я отсутствовал в течение года.

– Дениз! – закричал я. – Что это?

– Почта последних двух недель, – ответила она с невинным лицом.

– Что происходит? Это письма за две недели? Весь кабинет ими завален! Она рассмеялась.

– Ты знаешь, сколько экземпляров твоей брошюры мы высылаем еженедельно? Пятнадцать тысяч! На твоём письменном столе нет писем с просьбами о присылке брошюр, такие мы уже повыбирали. Это личные письма от тех, кто прочел брошюру и захотел тебе написать.

Изумленный, я подошел к столу, сел за него, взял в руки письмо из ближайшей стопки. Оно было написано женщиной из штата Иллинойс:

Уважаемый господин Уэйбл!

В четверг подруга дала мне прочесть ваши статьи. Я слышала о Меджугорье и раньше, но мне все это казалось сомнительным. Теперь же я прочла ваши статьи и совершенно переменила свое мнение. Честно говоря, Бог теперь гораздо ближе к моей жизни, чем когда-либо со времени конфирмации...

Около ста писем было написано в подобном тоне. Я читал их весь день, а когда окончил, мне уже не хватало слов, чтобы высказать то, что я чувствовал. Несколько десятков писем я взял домой, чтобы показать их Терри.

– Знаю, – сказала она, – я их уже читала.
– Как ты думаешь, что я должен с ними делать?
– Напиши еще несколько статей, – ответила он радостно, – и так ты ответишь на большую часть писем. Быть может, это удастся тебе во время путешествия.

Оказалось, что меня ждет немало путешествий. В начале марта меня впервые пригласили выступить за границей нашего штата. В последней группе "Центра Мира" была женщина из Нового Орлеана по имени Летти Биндеуальд. Она внимательно слушала меня, когда я разговаривал с их группой в подвалах приходского дома в Меджугорье, и после Мессы вместе с несколькими знакомыми она взойшла на вершину Крижеваца. Я восходил на гору после полудня и встретил ее группку, когда они уже спускались вниз. Летти была приятно удивлена, увидев меня. Из сумочки она вытащила листок бумаги.

– Я написала это на вершине, – шепнула она, – и хотела передать вам несколько позже. Возьмите. Но, прошу вас, прочтите это наверху.

Я сделал так, как она меня просила. На листочке было написано, как сильно тронуло ее Меджугорье, и что наибольшее впечатление оставило то, что говорил этот протестант. "Я люблю свою католическую веру, – писала она, – но горячо желаю благовествовать эти призывы среди протестантов. До сего дня я не знала, как это делать. Теперь знаю".

Эта запись тронула меня за живое, а потому я ее сохранил. Позднее она написала мне и, отвечая ей, я согласился как-нибудь приехать и выступить. Позже она позвонила по телефону.

– Я не знала, что позвоню вам так быстро, – сказала она, – но здесь есть группа людей, которые прочли вашу брошюрку и хотели бы вложить деньги в вашу деятельность.

Я принял приглашение, отметив, что впервые буду обращаться к людям за пределами Южной Каролины. Честно говоря, я никогда не проводил встреч на расстоянии более 80 - 100 км. от моего дома.

– Великолечно, – ответила она. – Я и Дэвид приглашаем тебя, но если ты хочешь, то всегда можешь нанять комнату в отеле.

– Нет, нет, я охотно остановлюсь у вас, – ответил я быстро и сам удивился своему решению: обычно я жил в отелях. Теперь же все сложилось иначе: я хотел быть рядом с людьми, влюбленными в Меджугорье не меньше моего.

Я сказал Терри о телефонном звонке и о том, что приглашение мною уже принято. Из всех городов на севере США в Новом Орлеане Меджугорье

пробудило самую большую заинтересованность. Я не смогу вполне это объяснить, но буквально все подтверждало такое мое наблюдение. Туда же нами было послано наибольшее количество брошюр.

– Ну, вот, начинается, – сказала Терри, и в ее голосе я не услышал ноток энтузиазма. – Теперь ты будешь проводить конференции за границами штата.

Когда я назвал ей предполагаемую дату, она оказалась еще менее довольна.

– Да ведь это же та самая суббота, в которую мы должны были поехать в Техас на свадьбу Дорис, – ойкнула моя жена. – Я же тебе говорила!..

...И пошла меня честить. Однако я все еще был настроен оптимистически:

– Послушай, езжай в Техас и сразу же после свадьбы сестры купи билет на самолет до Нового Орлеана. Я хочу, чтобы ты была со мной.

Минуту она обдумывала мое предложение, а потом отрицательно махнула головой:

– Детей на столько времени я не оставлю.

Но я был решительно настроен на то, чтобы ее уговорить.

– Может быть, мы найдем кого-нибудь, кто за ними присмотрит? Ну ты же так любишь Новый Орлеан, правда?

В конце-концов она согласилась.

С февраля, когда я выступал в передаче Салли Джесси Рафаэль, со всех сторон начали поступать приглашения. Возросло и число высылаемых по заказу брошюр.

Эта телевизионная передача демонстрировалась на всю страну и была большим шагом к тому, чтобы Меджугорье заняло свое прочное место среди интересов служб массовой информации. Случилось так, что два журналиста, приглашенные на эту передачу, тоже были родом из Нового Орлеана. Когда они узнали об откровениях, то убедили директора телевизионной станции, что передача, сделанная на месте происходящих событий, а затем продолженная в рамках специального телесериала, очень сильно подымет престиж их станции. Тысячи людей, живущих в Новом Орлеане и поблизости, в районе, где влияние Католической Церкви очень велико, либо совершили паломничество в Меджугорье, либо слышали о происходящих там событиях. Люди горячо желали знать об этом как можно больше.

Перед выездом журналисты были заинтересованы этим делом только с профессиональной точки зрения – также, как и я когда-то, искали хорошей темы, а может быть, даже какой-то награды.

– У нас была к тому же надежда, что нам удастся доказать и показать, что все это – "утка": тогда бы нам удалось прихватить специальный приз

разоблачений, – сообщила пристыженная Мери Лу. Эта вполне современная женщина, интересная и интеллигентная, была католичкой, но перед выездом в Меджугорье уже два года, как не приходила на Мессу. Джим Бейли, в свою очередь, считал себя агностиком и происходил из семьи баптистов. Но и он был на богослужении последний раз еще тогда, когда вступал в брак.

Они вернулись из Меджугорья с прекрасными, профессиональными, объективными материалами, благодаря которым популярность их телевизионной станции возросла гораздо больше, чем они ожидали. Кроме того, они вернулись с уверенностью, что Пресвятая Дева Мария действительно является югославским детям. С тех пор их жизнь полностью изменилась. Они ездили по миру, неся послания людям разных вероисповеданий.

В первые дни марта одним субботним утром в аэропорту меня встретили Летти, Дэвид и их четверо детей. Судя по молчанию, которое Дэвид сохранял в течение всей дороги домой, я понял, что он не разделяет восторгов своей жены и не очень рад моему приезду. Этот высокий, спокойный человек слышал меня в Меджугорье и сейчас улыбался, но я почувствовал, что Дэвид Биндеуальд не из тех людей, которые принимают решения, побуждаемые минутными импульсами. О таких людях в штате Миссури существует поговорка: "Если говоришь правду – докажи мне ее своей жизнью".

В этот день у меня были назначены две встречи. Одна – днем, другая – вечером. Терри вылетела в Аустин в четверг и должна была быть в Новом Орлеане около шести, когда я должен был выезжать на вечернюю встречу. Летти просила меня не беспокоиться, так как их знакомая может встретить ее в аэропорту и привезти туда, где у меня будет выступление.

В самолете я старался не думать о встрече, однако не мог сосредоточиться ни на чем другом. Я молился, чтобы Бог через Святого Духа дал мне слова, которыми я сумел бы донести до людей этот призыв. Я знал, что не должен бояться, поскольку это было бы сомнением в Его могуществе, но ничего не мог с собой поделать и чувствовал страх.

Теперь я был в Новом Орлеане, и пришло время моей первой встречи в большом католическом храме, который, когда мы туда приехали, был почти до отказа переполнен людьми, хотя до начала оставалось еще сорок пять минут.

Когда мы подошли к дверям, нам навстречу вышли люди, размахивающие экземплярами моих статей и кричащие: "Уэйн, дайте автограф!.. Могу ли я сфотографировать вас со своим мужем?.. Я видел вас по телевизору ...".

Вскоре около меня собралась большая толпа людей. Я не знал, что я должен

делать, и потому начал давать автографы. Не то, чтобы мне этого очень хотелось, просто я понимал, что не следует отказывать. Я взглянул на Дэвида Биндеуальда и представил, что он думает: "Теперь мне все ясно! Этот парень просто любит быть в центре внимания".

Я начал молиться: "Господи, прекрати все это. Когда я начну говорить, покажи ему, что это говоришь Ты, а не я...". И почувствовал, как ко мне возвращается Его покой.

Проходя между рядами, я заметил, что храм был переполнен. Когда я услышал, как настоятель говорил Летти, что пришло около 1200 человек, я начал нервничать.

Неожиданно зал взорвался аплодисментами. Я был растерян и благодарен этим людям, понимая, что они аплодируют чудесам, совершенным Богом в Меджугорье. Я был только Его посланником. Я ощущал присутствие Пресвятой Девы и чувствовал, что Она принимает тот способ, каким я исполняю благовестия послания, которое Она приносит от Своего Сына.

Начав говорить, я понял, что Бог отвечает на мою молитву и вкладывает слова в мои уста. Я не знал, что буду говорить, но слово за словом говорил то, что было нужно. Потом последовали вопросы. Создавалось впечатление, что каждый вопрос возникал сразу у многих людей. Бог по Своей милости давал мне ответы, которые я предлагал людям.

Наконец настоятель поднял руки и сказал:

– Это будет последний вопрос. У господина Уэйбла на сегодня назначена еще одна встреча, и мы не хотим, чтобы он ехал на нее уставшим или вынужден был опаздывать.

Я удивленно посмотрел на него. Мне казалось, что прошло не более получаса, хотя в действительности встреча длилась уже полтора часа. После того, как мы спели песнь благодарения, я сошел с амвона, скамьи опустели, а люди, теснясь у алтарной части храма, наперебой задавали мне вопросы и просили молиться о них. Я был потрясен, так как никогда ни с чем подобным не встречался. Я чувствовал и стеснение, и радость и в то же время как бы со стороны присматривался ко всему происходящему.

Я старался сосредоточить внимание на каком-то одном человеке. Женщина со слезами на глазах говорила, как важен для нее был сегодняшний вечер, а потом стала рассказывать об очень сложной семейной ситуации. Потом я разговаривал еще и с другими людьми. Через полчаса Летти вежливо, но твердо напомнила мне, что мы должны немедленно выходить, поскольку уже опаздываем. Мы буквально пробивались к выходу.

Следующий храм, также католический, был меньше предыдущего, но и там было очень много людей – около пятисот человек. К счастью, Терри приехала вслед за нами. Я очень обрадовался, увидев ее.

Увидев людей, стоящих в проходах, она оторопела и отступила назад:

– О, Боже! Я не могу поверить в это!

Пробираясь вперед, она взяла меня под руку и шепнула как бы шутя:

– Что ты скажешь всем этим людям?

– Терри, не говори так!

Я размышлял над тем, следует ли говорить все то же, что и на предыдущем выступлении. Чувствовалось такое же напряженное ожидание и Божественное присутствие, что и днем. Едва я начал, как подошел священник со словами:

– Простите, что помешал, но у нас возникла проблема. Несколько машин запарковано в неполюженном месте. Полиция предупредила нас, что не будет этого терпеть. Не хотелось бы, что бы их начали отвозить в участок. Следует их переставить, я продиктую их номера...

Когда чтение списка было закончено и двенадцатый владелец автомобиля вышел, благочестивая атмосфера словно улетучилась. Я вернулся к тому, о чем говорил, но мне чего-то явно не хватало. Я чувствовал себя так, словно поднимал на гору тяжелый камень. Только в конце вернулось ко мне некое особое чувство, связанное с Меджугорьем, уже перед тем неоднократно придававшее мне отваги. Снова из уст моих лились слова, а в глазах стояли слезы. В завершение произошло то же, что и на предыдущей встрече: люди подходили поприветствовать меня, пожать руку, доверить свои проблемы и попросить молиться о них. В этот раз я мог разговаривать дольше. По дороге домой Терри сказала мне:

– Это было лучшее из выступлений, которое я когда-либо слышала.

Я был удивлен, поскольку она не из тех людей, которые щедры на комплименты.

– После ситуации, возникшей с этими машинами, мне было очень тяжело. Сначала было легко, но только в конце знакомое чувство "меджугорийского вдохновения" снова вернулось ко мне.

– Это ты себя так чувствовал, но со стороны я этого не заметила. Все было прекрасно. Не ломай над этим голову, – добавила она, улыбаясь.

На следующий день, в воскресенье, я должен был выступать с утра и после полудня. Трудно поверить, но вторая встреча была также прервана священником, сделавшим замечание владельцам неправильно запаркованных машин. Снова в храме было множество людей. В завершение, как бы на десерт, Летти пригласила меня на встречу в лютеранский храм неподалеку от их дома.

– Мы сделали это специально для тебя. Это новый храм, очень маленький, там будет не более сорока-пятидесяти человек.

– Не важно, – сказал я в ответ. – Пусть будет так, как захочет Бог.

После ужина она сказала мне:

– На каждой встрече ты говорил о молитве Розария и о том, какое значение она имеет для тебя лично. Это было хорошо, но сегодня, поскольку ты будешь выступать перед лютеранами... может быть, следует подумать о возможности обойти эту тему.

– Почему? – удивился я. – Я подчеркивал, что Розарий является молитвой, направленной к Иисусу и...

– Да, я знаю, – перебила она меня, – но это очень деликатный вопрос. Это поймут католики, но не протестанты.

Терри повернулась ко мне и сказала:

– Знаешь, мне кажется, что она права.

– Хорошо, – ответил я, – посмотрим, как все будет разворачиваться.

Когда мы были уже в храме, я радовался тому, что это будет последняя встреча. До сих пор я никогда не говорил так много и не знал, сколько сил уходит на проведение таких конференций. Вместе с интервью для радио это было мое шестое выступление за последние два дня, и я стал сомневаться, сумею ли вообще что-либо сказать. Однако храм был лютеранский, к тому же я вспомнил, что по сути дела мне предстоит не говорить, а передавать Его слова...

Храм находился в метрах пятистах от дома, и мы доехали туда очень быстро. На улице перед храмом было столько машин, что когда мы нашли место, то переход от машины к храму занял у нас больше времени, чем поездка к этому месту из дома. Встретивший нас пастор был необычайно возбужден:

– Пришло около четырехсот человек!

– Помни, – шепнула по дороге Терри, – ты не должен вспоминать о Розарии.

Как раз закончила говорить молодая католичка по имени Евгения, с которой я познакомился в Меджугорье. Она подошла ко мне и, посмотрев вокруг, тихо сказала:

– Уэйн, если ты будешь говорить о Розарии, то имей в виду, что у меня есть около ста четок, – и она похлопала по своей сумке. Я не посмотрел на Терри.

Когда я вышел выступать, то не нашел микрофона, так как никто не ожидал такого количества людей. Это не смутило меня. Я был уверен, что Святой Дух будет действовать. Вначале мы запели гимн, и я осознал, какой великой радостью является для меня возможность обращаться к лютеранам. Я так хотел,

чтобы лютеранская церковь духовно ожила, что начал говорить очень резко, подчеркивая необходимость духовности и открытости к воздействию Святого Духа. Я начал подходить к тому, что происходит в Меджугорье, как вдруг прервался на полуслове и ощутил, что должен говорить о молитве Святого Розария.

Я достал из кармана свои четки, поднял их и сказал:

– Я должен сообщить вам нечто важное: ежедневно я молюсь с помощью этих четок. Многие из вас даже не знают, что такое молитва по четкам Святого Розария. А многие, взглянув на четки, скажут, что этот предмет – исключительно для католиков, – здесь я сделал паузу. – Позвольте сказать вам, что для меня такая молитва не является только лишь католической. Для меня она является молитвой, обращенной к Иисусу Христу. Я молюсь по этим четкам Иисусу. Розарий говорит мне о Его жизни от Рождества до Воскресения – и дальше... Если я молюсь по этим четкам, размышляю над тем, кто Он по сути Своей и что совершил, то это, безусловно, приближает меня к Нему.

Я посмотрел на Терри, которая возмущенно закатила глаза.

– Из всех духовных сокровищ, найденных мною в Меджугорье и проистекающих из духа молитвы, молитвенное богомыслие четок Святого Розария мне по-особенному дорого.

После такого "вводного слова" я сообщил, что недалеко от входа сидит женщина, имеющая около сотни четок, и она охотно поделится ими с теми, кто хотел бы по ним молиться.

Когда я закончил, разразились аплодисменты. Все были приглашены на кофе и чай с пирожными, после чего произошло мини-столпотворение. Все столпились вокруг Евгении, желая получить у нее четки. После она мне рассказывала, что раздала все в течение двух минут.

Я не пошел пить кофе и сбежал во внутренний дворик. Уже три дня мне не удавалось побыть одному. Сердце мое было переполнено восторженными впечатлениями, хотя тело чувствовало усталость. Потом, совершенно неожиданно, меня охватила большая радость. Я чувствовал, что Дева Мария находится рядом со мной, что происходит это именно потому, что я заговорил о четках Розария, и что Она довольна мною. Я пообещал себе никогда не избегать откровенных разговоров о Розарии, разве что Дух Святой будет вести меня иначе.

Поездка в Новый Орлеан оказалась первой из числа многих. После этого я был в Индианополисе, Питсбурге, Филадельфии... Поездки всегда радовали меня, хотя и утомляли безмерно. Я радовался, наблюдая, как Бог вершит дела Свои в народе Своем...

Перед Пасхой 1987 года моя мечта об издании миллионным тиражом книги статей не только исполнилась, но и превзошла все мечтания – мы издали двухмиллионный тираж этих книг. Заказов приходило все больше и больше. Над их реализацией работало три типографии, и однажды Терри сказала:

– Быть может, эти статьи и являются той книгой, которую ты должен был написать. Знаю, что ты уже думал об этом, но...

Я покачал головой :

– Нет, Терри, я должен написать книгу. Может быть не сейчас, но когда-то я должен это сделать.

Это было время, когда на первый план выдвигались поездки и встречи. Это было время идти с посланиями к людям.

Я настаиваю, чтобы любые жертвы вы приносили с любовью. Я хотела бы, чтобы вы, беспомощные, начали верить...

25.

Мери Маргарет

Весной 1987 года я совершил очередные две поездки, которые достойны внимания. Первая была поездкой в Нешвилль в штате Теннесси, куда меня пригласили сестры-доминиканки из Аквинас Юниф Колледжа. Когда я ехал в Новый Орлеан, я сказал себе, что не ожидаю никакого вознаграждения, единственно надеюсь на то, что ночлег для меня будет обеспечен. Такую норму я принял для всех поездок, связанных с благовестием послания из Меджугорья.

Когда я узнал, что билет на самолет до Нешвилля обойдется мне в 500 долларов, то пережил самое настоящее потрясение. Впрочем, как и сестра Мери Льюис из Аквинас. Уже были расклеены афиши с сообщением об этой встрече, арендован зал.

— У нас есть только 250 долларов, но нам очень хочется, чтобы вы приехали, — говорила сестра голосом, полным отчаянья. — Не знаю даже, что можно сделать.

— Вы не беспокойтесь, — пытался я утешить ее. — Мы сами доплатим остальное.

Сестра Мери, ожидавшая меня в аэропорту, оказалась прекрасной и полной смирения монахиней. Вечером я имел честь говорить перед сестрами-доминиканками. Когда я начинал, то недоумевал: что может сказать светский протестант группе женщин, посвятивших свою жизнь служению Богу? Однако мне удалось преодолеть это первое внутреннее сопротивление, и я начал рассказывать о происхождении и благодатности посланий из Меджугорья. Присутствие Святого Духа было едва ли не физически ощутимо, и время, проведенное вместе с этими избранными дочерьми Бога, доставило немало радости как им, так и мне. Позднее я осознал, что и они, как все остальные люди, имеют свои желания, страхи, сомнения и потребность воочию убедиться в том, что чудеса подтверждают Божественную любовь к человеку.

После обеда у меня было выступление в одном из учебных заведений, а на вечер была назначена очередная конференция. Как обычно, аудитория была переполнена. Меня это удивило, поскольку встреча совпадала с "сиестой" – часом послеобеденного отдыха. Когда я закончил свое выступление, через толпу теснившихся вокруг меня людей пробилась женщина и схватила меня за руку.

– Уэйн, ты меня не знаешь, но я вернулась из Меджугорья...

– Это прекрасно! Я рад, что ты могла поехать туда и увидеть...

– Извини, – быстро перебила она, – меня прислали сюда люди из нашей группы. Ты приглашен сегодня на ужин, и никакие отговорки не принимаются. Я приеду сюда за тобой в пять и обещаю, что на вечернюю встречу доставлю тебя вовремя. Хорошо, сестра? – спросила она сестру Мери Льюис, стоявшую рядом со мной и удивленную не меньше моего.

– Решение принадлежит господину Уэйну, – ответила она, улыбаясь и пожимая плечами.

– Согласен, – ответил я. Я чувствовал внутреннюю необходимость принять это необычное приглашение, хотя до этого в моих планах не было и мысли о том, чтобы по какой-либо причине оказаться за пределами территории школы. Меня изматывала постоянная нужда во мне со стороны самых разных людей, мне хотелось закрыться в своей комнате и хотя бы два часа побыть одному.

– Превосходно! – воскликнула женщина. – Ровно в пять я встречу вас у дверей аудитории.

Молли Джевиджен – так звали мою новую знакомую – как и обещала, была на месте ровно в пять. По дороге к ее дому мне удалось немного разузнать о паломничестве, из которого вернулось семьдесят жителей Непвилля.

– Большая часть из нас поехала туда из-за супружеской пары, Джейн и Джино Марчетти, – начала рассказывать Молли. – У них есть двухлетняя дочь, Мери Маргарет, у которой образовалась волокнистая киста. Джейн поехала с надеждой, что Мери Маргарет попадет в комнату явлений и будет исцелена...

Затем она рассказала о том, как с ними решился поехать репортер, а вслед на ним и оператор местного телевидения, чтобы снять специальный репортаж о семье Марчетти и их мечте об исцелении дочери. В рассказе появился и мой друг, отец Светозар. Они встретили его где-то по пути, узнали и просили молиться об исцелении Мери Маргарет. Отец Светозар, со свойственным ему смирением, сказал Джейн, что лучше было бы молиться о счастье для ребенка, чем об ее исцелении.

– Джейн была очень разочарована, – добавила Молли. Она много читала и

слышала об отце Светозаре и была уверена что он может тут же, не сходя с места, совершать чудеса.

За день до выезда семья Марчетти была приглашена в маленькую комнатку в приходском доме и присутствовала при явлении Пресвятой Девы Марии. Когда явление закончилось, Джино и Джейн поняли, что истинным чудом было их исцеление – то, что они примирились с болезнью дочери. Мери Маргарет вернулась домой по-прежнему больной, но семья Марчетти приняла Божию волю, как бы она не проявилась.

– Это прекрасно, Молли, – сказал я, взволнованный тем, что в очередной раз чудо Меджугорья состояло в приятии жизни такой, какой она есть. Как же я желал, чтобы все знали об этом и концентрировались на этом аспекте явлений в Меджугорьи, а не на сверхъестественных событиях и святых тайнах, как, например, то, что четки Розария приобретают золотистый цвет, солнце кружится на небе или крест исчезает с горы Крижевац. Меджугорье попросту является даром бесконечной Божественной любви, данным каждому из нас.

Когда мы приехали к дому Молли и провели несколько минут с Джейн, держащей на руках Мери Маргарет, я заметил, что ей тяжело совладать со своими чувствами. Наконец она не выдержала и заплакала.

– Могла бы я поговорить с вами с глазу на глаз? – спросила она сквозь слезы.

Мы прошли в комнату. Мери Маргарет, составлявшая удивительный контраст со своей матерью, сидела у нее на коленях спокойная и счастливая.

– Прошу вас выслушать меня. Я знаю, что Бог дал мне милость смириться с состоянием здоровья нашего ребенка, и я принимаю это. Но разве есть что-то плохое в том, что я молюсь об ее исцелении? – Джейн посмотрела на ребенка и тихо добавила:

– Может быть, я неблагоприятная. Ведь Бог дал нам так много во время нашей поездки.

Что я должен был сказать этой женщине? Кто поймет страдания матери, как не другая мать? Я услышал свой голос:

– Джейн, нет ничего плохого в том, чтобы желать для Мери Маргарет исцеления. Однако ты должна полностью принять Божию волю, любить свою дочь и благодарить за нее Бога... Несмотря на ее состояние...

Я остановился, неприятно пораженный своими словами. Мне было легко говорить об этом, как всякому, кто не пережил подобного страдания. Однако все представлялось абсолютно простым: следует быть податливым Божией воле и принимать все, что Он подает нам.

Тем не менее, я совершенно ясно чувствовал, что ребенок будет исцелен и услышал, как опять обращаюсь к матери:

– Мери Маргарет будет здорова.

Я достал из кармана свои четки. Они составляли как бы часть самого меня. Четки эти были сделаны специально для меня одной замечательной женщиной, живущей недалеко от Миртл Бич. Подарок этот был предназначен для меня и сделан он был из "слез Иова", зерен, идеально подходящих для бусинок Розария. Я протянул четки Джейн.

– Возьми и молись по ним за Мери Маргарет.

– Ох, не могу...

– Ты должна, – добавил я. – Послушай, я возложу руки на Мери Маргарет и помолюсь сейчас за нее.

Я не мог поверить в то, что действительно делаю это. До сих пор мне никогда не доводилось молиться таким образом, но что-то во мне говорило, что я должен так поступить. Внутри меня происходила борьба. Казалось, что кто-то другой говорит во мне: "Ты что, обезумел? Кем ты себя вообразил, что даешь этой женщине надежду на исцеление ее дочери?"

Завершив молитву, я снова сказал Джейн, что Мери Маргарет будет здорова.

Мы вышли из комнаты счастливые, удивленные, а я, к тому же, еще более испуганный. Что, если состояние Мери Маргарет не поправится? Что, если я дал этой отчаявшейся матери надежду только потому, чтобы потом... Но где-то в глубине души я все же знал, что сделал все, что должно было быть сделано.

Обед удался на славу, а во время послеполуденного выступления в школе было еще больше людей. На следующий день, уставший, но счастливый, я выехал из Нешвилля. По пути с нами произошла забавная история. Самолет, летящий из Шарлотт в Миртл Бич, был перегружен, и желающим предложили вернуть билеты и лететь позже. Была пятница, я не спешил, поэтому согласился отдать свой билет и взамен получил билет "туда и обратно" в любой конец Соединенных Штатов. Только позднее я осознал, что этот бесплатный билет стоил гораздо больше того, что я должен был доплатить на поездку до Нешвилля. В очередной раз Бог дал мне больше, чем я Ему пожертвовал.

Спустя три недели, когда я выезжал из конторы в аэропорт, чтобы лететь в Индианополис, позвонил телефон. Это была Джейн Марчетти.

– Джейн, я очень хочу с вами поговорить, но если я сию секунду не выйду, то опоздаю на самолет, – ответил я ей. – Я позвоню вам из Индианополиса и...

– Уэйн! – услышал я ее взволнованное восклицание. – Мери Маргарет здорова! Она здорова!

Во мне все кипело, когда я сказал ей:

– Конечно, она здорова. Я же вам говорил.

– Откуда вы знали? – Джейн и плакала, и смеялась от радости. – Ведь за нее молился отец Светозар, потом мы были в комнате явлений, а только сейчас...

– Джейн, исцеление началось в Меджугорье. Вы не поняли отца Светозара. Когда он сказал, что следует молиться о счастье, что говорил о том, чтобы принять Божию волю несмотря на последствия. Не знаю, откуда я знал об этом, но Дух Божий действовал так, и мы не сможем этого понять. Я только знал, что за нее следует молиться и что она будет здорова. Я вам еще позволю, а сейчас мне нужно выходить.

Мне было неприятно прерывать разговор, но самолет не станет меня ждать. Я был настолько счастлив, что мне казалось возможным долететь до Индианополиса без самолета. Быть использованным как инструмент исцеления – это превосходное, но и пугающее состояние.

В аэропорту меня ждала Мери Энн Бароси, работающая в прессагентстве. Это она приготовила мою поездку в Индианополис. При встрече она сказала, что отвезет меня в Терре Хаут на короткий доклад в Общине Святой Марии в школе Вудс Колледж. Это уже во второй раз я должен был выступать перед монахинями.

Когда я закончил говорить, то вспомнил, что отдал свои четки Джейн Марчетти. Все еще оставаясь под впечатлением исцеления Мери Маргарет, я рассказал им эту историю и то, что ясно чувствовал необходимость молиться о ней.

– Вот видите, – сказал я в завершение своего выступления, – Бог принимает от нас малые дары, как мои четки, и дает нам взамен много больше. Он дал этому ребенку и его родителям дар счастья. Мери Маргарет будет здорова.

Когда у дверей аудитории, где я выступал, мы прощались с матерью-настоятельницей и еще несколькими монахинями, ко мне подошла одна из них, уже в преклонных летах, и протянула мне рубиновые четки Розария.

– Возьми их, – сказала она, и ее глаза сквозь слезы лучились прекрасным светом. – У меня эти четки уже более двадцати пяти лет. Я хочу, чтобы ты взял их и дал кому-нибудь, кто нуждается в исцелении.

Я был поражен и автоматически достал небольшие деревянные четки, которые Терри перед выездом положила мне в карман, говоря, что привезла их из Меджугорья. При этом она сказала:

– Может быть, ты встретишь кого-то, кому они действительно будут нужны. Я протянул их монахине и сказал:

– Возьмите, сестра. Я даю их в обмен на ваши четки. Пресвятая Дева Мария благословила их в комнате откровений в Меджугорье.

Казалось, что время остановилось, и нас охватило чувство святости, которое невозможно выразить в словах. Оно продолжалось все пять дней, проведенных в окрестностях Индианополиса, и укрепило меня в моем призвании. Бог действительно хочет, чтобы Его послание любви, обновленное в меджугорийских откровениях, стало известно всем.

*Молитесь так, чтобы ваша молитва, чтобы
ваша покорность Богу стали примером
подражания для других людей.*

26.

Полная покорность

Готовясь к четвертой за последние месяцы поездке в Меджугорье, я улыбался про себя. Эта деревня влияет на человека таким образом, что если побывал там хоть раз, то тебя тянет вернуться туда снова. На земле нет другого такого покойного места.

На этот раз мое желание вернуться было не только духовным – хотелось отдохнуть. Шесть месяцев в неустанных разъездах с выступлениями и интервью утомили меня. Я чувствовал себя вымотанным и нуждался в восстановлении сил.

Эта поездка должна была отличаться от предыдущих, поскольку я ехал туда с группой "Глобал Груп Турс" – организацией, осуществляющей поездки университета в Стенбенвилль. До пробуждения всеобщего интереса к Меджугорью я ничего не слышал об этом малом францисканском университетском городке в неизвестном шахтерском городке над рекой Охайо. Теперь я знал, что это место духовной силы, где студенты буквально ставят Бога на первом месте и где неустанно совершается духовное пробуждение. Здесь постоянно собираются различные молитвенные группы, а призвание к монашеской жизни является реальной возможностью реализовать свое жизненное призвание, к тому же оно ни чем не хуже светской карьеры. Еще более важным было для меня то, что университет целиком был отдан делу благовестия посланий из Меджугорья. Одной из форм этой деятельности была организация паломничеств в это селение.

Руководителем "Глобал Турс" был Дейл Кригер, с которым я познакомился в Новом Орлеане, – сперва по телефону, а затем и лично. Дейл, худой и крепкий южанин, оказался приятен в общении. Он вел себя так, словно его ничего не беспокоило, кроме неуверенности и непредвиденных обстоятельств, связанных с организацией поездки. Когда я узнал его ближе, я понял, что этот необык-

новенный покой происходил от непоколебимой веры в то, что, чтобы не случилось, над всем господствует Бог.

Переломным моментом в духовной жизни Дейла явилась смерть в автомобильной катастрофе его восемнадцатилетней дочери. Когда он молился во время долгого ожидания в больнице решения ее судьбы, то понял глубину своей веры. До этого времени он только называл себя католиком, но в его жизни для Бога не было места. Любовь к Иисусу разгорелась в нем заново, когда он приходил в себя после смерти дочери. Позже он включился в организацию паломничеств в Меджугорье.

Мне с самого начала хотелось поехать туда с его группой. Я должен был полететь с ними в конце июня, остаться на неделю дольше и вернуться домой со следующей группой.

Когда автобус "Глобал Турс", в котором находился и я, миновал мост и въехал в Меджугорье, я с трудом узнавал эту местность. По обеим сторонам дороги появились туристические агентства, кафе и киоски с сувенирами, в которых продавалось все: от пластмассовых фигурок Пресвятой Девы до пиццы. Многие из этих вещей не имели ничего общего с Меджугорьем. Удивленный этим, я спросил Дейла, что произошло.

Он объяснил мне, что большинство торговцев – это приезжие цыгане, которых интересует не Меджугорье, а деньги, притекающие сюда вместе с паломниками. Цыгане стали селиться в селении и устанавливать лотки, а затем подошли к костелу на расстояние пятидесяти метров. Священники резко противостояли этому и пытались удалить их, но до сих пор правительство не поддерживало их стараний.

Когда автобус попал в пробку, я увидел выходящую из мерседеса цыганку. С заднего сиденья она достала куклу, обернула ее одеялом так, что та едва была видна, затем посмотрела по сторонам, приняла скорбное выражение лица и протянула руку, которая вскорости наполнилась долларами. Мне сделалось плохо. Когда я рассказал об этом Дейлу, он пожал плечами и ответил, что священники говорят паломникам не давать денег попрошайкам, но не могут сделать ничего более. Люди чувствительны, они слышали о том, что просит Пресвятая Дева, и потому подают притворным нищим.

Я покачал головой. Что произошло с селением, которое я полюбил и считал своей духовной родиной? Толпа разбойников, съезжающихся отовсюду, решила превратить его в приносящий деньги цирк. Находят ли здесь паломники ту святость, что была в прошлом причиной обращения миллионов людей?

Неприятные неожиданности встречали меня и дальше. Я разместился в доме Грегора Василия, где должен был жить эти две недели, и пошел в сторону костела Святого Иакова. Этот храм был для меня всегда оазисом покоя, несмотря на то, что происходило снаружи. Как обычно, на ведущей к храму аллее стояли толпы людей. Вдруг кто-то указал на меня, и со всех сторон ко мне стали подходить люди, задавая вопросы и фотографируя меня.

Я был ошарашен, и мне сделалось неловко. Терри предупреждала меня, что с момента продажи трех миллионов экземпляров моих статей я, наверняка, стал известным. Но я не был готов к этому.

Наконец, мне удалось отойти от них, и я вошел в костел. Там меня увидели другие люди, но я сделал вид, что не заметил их. К счастью, был перерыв между Мессами, а потому было достаточно немногочисленно. Я подошел к скамьям, стоящим перед фигурой Пресвятой Девы Марии, преклонил колени, склонил голову и поблагодарил Бога за то, что смог снова сюда вернуться. Через минуту я почувствовал похлопывание по плечу. Подняв глаза, я увидел средних лет женщину. Она широко улыбалась мне, ее муж стоял рядом.

– Простите, – сказала она, – Вы Уэйн Уэйбл, правда? Протестант, который написал статьи о Меджугорье?

Я утвердительно кивнул и через силу улыбнулся.

– Извините, что помешала, но я должна была поблагодарить вас. Вы очень сильно повлияли на нашу жизнь. Благодаря вам мы сейчас здесь. Моя подруга дала мне ваши статьи, и этого было достаточно. Впервые в жизни вера приобрела для меня практическое значение. Мы должны были приехать сюда.

Я кивнул головой и поблагодарил, после чего вернулся к молитве, просительно глядя на прекрасно выполненную фигуру Девы Марии. " Блаженная Матерь,- начал я тихонечко молиться, - я приехал сюда, чтобы отдохнуть, убежать от мира. Что же случилось с этим спокойным местом?" Я всматривался в фигуру и дерзко просил о каком-нибудь знаке, одной лишь улыбке... Ответ, который я получил, был неожиданным для меня. Я услышал, как Пресвятая Дева сказала мне: "Зачем ты ищешь меня в знамениях? Я – повсюду, где есть ты. Иди к людям и делай, что должен исполнить".

Я поднялся и вышел наружу, чувствуя себя, как Томчио Палух. Я осознал, что быть Божиим посланником – это значит работать 365 дней в году по 24 часа в сутки. Я был им не только тогда, когда публика аплодировала мне или когда я стоял в свете "юпитеров" перед камерой. Работа была повсюду – там, где люди желали услышать послание, вовремя и невовремя, когда это было мне удобно и не удобно. Человеческая жизнь подвержена изменениям, и необходимо

всяческое побуждение, чтобы она не перестала изменяться. Я смиренно пообещал учиться терпимости и всегда внимательно слушать любые, даже самые глупые вопросы, несмотря на свою усталость.

Я вышел из костела. Люди снова столпились около меня, но на этот раз я был внимателен к ним. Здесь были приезжие из Калифорнии, Алабамы, Феникса, для которых важно было сказать мне, какую роль в их жизни сыграли мои статьи и что благодаря им они приехали сюда.

Кто-то спросил:

– Хотите ли вы выступить перед нашей группой, если мы договоримся с руководителем о времени?

– Да, но я только приехал, и вы должны были бы договориться со мной на другой раз.

– Какое время было бы для вас удобным?

– Любое, за исключением утренней Мессы по-английски и хорватской – вечером.

– Где бы вы хотели выступать?

Я вспомнил, что группа "Каритас", перед которой я выступал во время своей последней поездки, выбрала аллею за костелом.

– Знаете ли вы маленькое кладбище у кедровой аллеи, ведущей на гору Крижевац? Давайте встретимся там в четыре часа.

Вскоре разоплась весть о том, что – я в Меджуторье. В течение первой недели я выступал еще шесть раз. Кто-то посоветовал мне поговорить с отцом Филиппом Павичкем – американским священником хорватского происхождения, который живет сейчас в Меджуторье, – о возможности говорить в костеле.

Отец Филипп, высокий человек с седой бородой и карими глазами, учился в Нотр-Дам в Париже. Перед этим двенадцать лет он провел в Израиле, а теперь Пресвятая Дева позвала его в Меджуторье. Он был ответственным по делам паломников, прибывающих из англоязычных стран. Преодолев несмелость, я объяснил свое дело, и он устроил так, чтобы я мог говорить в костеле Святого Иакова в четверг после полудня. Обычно по четвергам из Коньич приезжал отец Светозар, но на этот раз он должен был приехать в пятницу, поэтому все сложилось удачно.

Я был возбужден и испуган. Даже в самых смелых снах я не мечтал о такой привилегии.

Между тем состоялось еще несколько встреч. Я встречался с группой "Сентер фор Пис", которую возглавляла сестра Маргарет. Я с радостью узнал,

что гостьей "Сентер" была в этой группе Рита Клаус со своей семьей. Спустя чуть более года после исцеления от паралича, Рита могла, наконец, приехать в деревню откровений.

Рита согласилась уделить мне немного времени и рассказать о себе побольше для моей книги.

— Я воспитывалась в "очень католической" семье, и уже в восемь лет почувствовала Божие призвание. Когда мне исполнилось шестнадцать, я вступила в монастырь в Омахе в штате Небраска. Пять лет я пробыла в новициате, после чего должна была принести монашеские обеты. Именно в это время я начала болеть, и вскорости врачи признали, что это паралич.

Наихудшим было то, — продолжала она далее, — что настоятельница не верила мне. Я выглядела здоровой, но у меня бывали головокружения, и иногда я даже была не в состоянии подняться по лестнице. Настоятельница думала, что я хочу просто обратить на себя внимание.

Наконец, Рита вынуждена была оставить монастырь. Она была надломлена; не понимала, почему это могло произойти. Ведь она так хотела служить Богу в монашестве. Затем начали появляться и другие проблемы. Из-за состояния своего здоровья она не могла найти работу. Наконец, врач посоветовал ей не говорить о своей болезни. Он считал, что у нее есть в запасе около шести лет более-менее сносного самочувствия и что будет лучше всего, если она поселится где-нибудь на восточном или западном побережье.

— Во время пребывания в монастыре я немного преподавала, и потому решила поехать в Пенсильванию, поступить в школу и получить какую-нибудь научную степень. Затем я нашла работу, так что днем я преподавала, а по вечерам училась.

Затем Рита познакомилась со своим будущим мужем, Рейем, и спустя довольно длительное время они поженились. Казалось, что все в их жизни идет хорошо, но в сердце ее жила обида на Церковь. Она регулярно ходила на Мессу, но скорее по привычке, чем по необходимости. Позже, когда состояние ее здоровья ухудшилось, она впала в депрессию и замкнулась в себе.

— Я искала помощи во всем, только не в молитве. В супружеской жизни у нас все было хорошо, и Рей был замечателен. У нас родились трое детей. Несмотря на все это в сердце моем жила горечь и ощущение, что жизнь не удалась.

Я понимаю, кивнул и подумал, что под этими словами могли бы подписаться многие страдавшие в жизни люди.

– Как ты уже знаешь, перелом наступил в 1981 году, когда подруга пригласила меня на Мессу с молитвой об исцелении больных. Рей сказал, что если я уже перепробовала все средства, то почему бы не испытать и это.

Я покивал головой и подумал: как обычно звучит то, о чем она рассказывает.

– Я поехала с ней. Когда мы оказались в костеле, я тут же пожалела, что приехала. Я видела, как люди уставились на меня, и была готова провалиться сквозь землю. Потом ко мне подошел священник, кто-то коснулся меня сзади и начал молиться. Молился очень долго. Я была поражена и думала: вот ситуация. Потом мною овладело чувство великого внутреннего покоя, и я начала молиться вместе с этим человеком. Я чувствовала себя так впервые за очень длительное время. Я знала, что это наступило духовное исцеление. Я перестала переживать из-за своей болезни и была готова принять все, что Бог захочет послать мне.

– Ночью, – продолжала Рита, – 18 июня 1986 года я просила Бога исцелить меня, и уже на следующий день у меня исчезли признаки паралича...

Я смотрел на нее, широко раскрыв глаза. Потом выключил магнитофон, встал и покачнулся.

– Что произошло? – спросила она с удивлением.

Я лишь взмахнул рукой, поскольку не мог вымолвить ни слова. Эта дата! Дата, записанная на оборотной стороне образа!

Я рассказал ей об образке, найденной нами с Маурином Томсоном на горе Крижевац, о том, что он был абсолютно сух, хотя вокруг все было покрыто росой, и что на оборотной стороне была написана дата: "18 июня 1986", и ничего более. Этот образок мы нашли 7 мая, т.е. за шесть недель до назначенной даты.

Мы с Ритой долго сидели рядом и молчали. Не было сомнений в том, что это имело какое-то отношение к исцелению. Я понимал, что тайна этой даты абсолютно не важна в сравнении с полной покорностью Риты Божией воле. Эта покорность была ключом к началу новой жизни, жизни посланников Меджугорья.

Время, проведенное в Междугорье, было, как всегда, плодотворно использовано. Во время поездки, которая должна была быть отдыхом, пятнадцать раз выступал, в том числе в один из жарких четвергов в костеле Святого Иакова.

За час перед встречей я сел на землю около костела и облокотился спиной об его холодную каменную стену. Я смотрел на цыганские лотки, расставленные вдоль дороги, и чувствовал себя беспокойно. Продавцы громко расхваливали свой товар, что пробуждало во мне чувства, не способствовавшие хорошей подготовке к речи о чуде Междугорья. Когда я сидел там и пытался сконцентрироваться на молитве, подошла нищенка, тянущая за собой троих грязных детей. Она протянула руку, а когда я не обратил на нее внимания, начала пальцем другой постукивать по ладони. Я знал, что священники отговаривали людей подавать попрошайкам, но что, если эта женщина – переодетый ангел? Я достал из кармана все, что у меня было и отдал ей. Там было четыре тысячи динаров (что соответствовало семи долларам).

Она взяла деньги, покачала головой и сказала:

– Нет, не динар! Доллар! – и снова протянула руку.

– У меня больше ничего нет, – ответил я, удивленный тем, что она просит больше.

– Нет! – ответила она. – Дай мне доллар.

Я смотрел на нее с недоверием, а она повернула ладонь, чтобы объяснить мне что ей нужно. В руке у нее была пачка долларов толщиной в три дюйма. Она показала на них и потребовала:

– Ты, дай мне доллар!

Я покачал головой и показал, чтобы она уходила. Но женщина увидела на моей шее золотую цепочку и, протянув за ней руку, закричала:

– Ты, дай мне это!

Я разозлился и поднялся, чтобы оттолкнуть ее. Но дети вцепились в мои руки и стали плакать, похлопывая себя по животикам. Было понятно, что мать – если это была действительно их мать – научила их этому фокусу. Я быстро пошел оттуда, обходя костел, чтобы избавиться от них. Я был огорчен. Быть может, она действительно была переодета, но явно не была ангелом.

Я начал молиться и, наконец, обрел покой. Я был благодарен даже за этот достойный сожаления инцидент и за то, что произошел он именно сейчас, поскольку я ясно увидел, что, несмотря на врывающуюся сюда коммерцию "настоящего" мира, прекрасная духовность, необыкновенное присутствие Иисуса остались такими же, как и прежде. Это составляло основное, а остальное было только поверхностным.

Я вошел в костел через заднюю дверь и, после краткого представления меня отцом Филиппом Павичем, подошел к амвону, повернулся к людям и замер. В этом переполненном до краев костеле я привык быть одним из пилигримов. А теперь в этом святом месте я стоял с противоположной стороны. Что я сейчас...

Не я, вспомнил, взмолился сюда, но Бог поставил меня на это место. Он отворил передо мною двери и заполнил храм людьми. Сейчас через Святого Духа Он даст мне такие слова, какие захочет, чтобы эти люди услышали их. Я должен только открыть уста и говорить.

Я сказал свою самую большую речь. Я был хорошо принят, и в заключение отец Филипп подарил мне кассету, на которую записал мое выступление, чтобы отвез ее Терри. Я поблагодарил его и даже не подумал о том, что, как и статьи, она разойдется в сотнях копий.

Не только я получил кассету. Среди слушателей находилась Мери О'Сулливан из Ирландии. Она также попросила отца Филиппа об одной копии, которую забрала с собой в Ирландию, где в течение нескольких дней размножила ее и пустила на рынок в надежде привлечения в Меджуторье священников. Когда я впервые ехал в Ирландию, там было продано уже более 15000 экземпляров этой записи.

Как и до сих пор, эта поездка не предоставила мне ни минуты отдыха. Однако меня вовсе не угнетало это, поскольку в моей жизни наступило время полной покорности.

*Облекитесь в доспехи веры,
чтобы противостоять сатане,
а в руки возьмите четки Розария...*

27.

Разногласия

В воскресенье должно было состояться исключительное торжество. Это был день совершения миропомазания и, как каждый год, епископ из Мостара должен был приехать в Меджугорье для совершения Евхаристии. Это был один из самых больших праздников в году.

Присутствие епископа особенно волновало людей. С первых дней откровений Павао Занич, епископ Мостара, проводил неустанную кампанию, дискредитировавшую их перед всем миром. Его позиция стала причиной многих замешательств, неуверенности и сомнения в истинности этих явлений среди священников и верующих, что имело влияние на то, как миряне и верующие других исповеданий их принимали.

В Меджугорье происходило так много хороших вещей, что поведение епископа понять было трудно. Для меня и для миллионов других людей откровения были радостным и полным надежды подтверждением послания, возвещенного Иисусом. Как возможно, чтобы церковная власть противопоставляла себя им? Епископ не только не верил в них, но и стал их наиболее горячим противником.

Интересно, что вначале епископ был защитником откровений. Он был так заинтересован ими, что в течение первых недель посетил приход пять раз, к огорчению отца Йозо, настоятеля костела Святого Иакова, у которого в то время было много работы и без визитов епископа, неминуемо связанных с хлопотами. Не смотря на это, настоятель пригласил епископа Занича отслужить Мессу 25 июля.

Во время службы епископ сказал:

– Шестеро простых детей в течение получаса признались бы, если бы кто-то ими манипулировал. Я заверяю вас, что ни один из священников не делает ничего подобного... Более того, я уверен, что дети не лгут...

Очевидно одно: что-то творится в сердцах людей. Исповедание грехов, молитва, примирение врагов - все это очень положительный шаг вперед. Остальное мы должны оставить в руках нашего Господа, Иисуса, и Церкви, которая, несомненно, однажды выразит свое мнение по этому поводу.

Это были смелые слова для человека, который позднее осудил откровения и признал их обманом, спровоцированным францисканцами. Отец Йозо предостерегал епископа от того, чтобы делать поспешные выводы, поскольку, как сказал позднее, почувствовал, что епископ – из тех людей, которые, однажды выработав мнение по какому-либо вопросу, не желают его изменять.

В январе 1982 года епископ создал комиссию, которая должна была объективно и внимательно изучить вопрос явления так, чтобы Церковь могла выразить свое мнение относительно их подлинности, когда они прекратятся. Комиссия эта состояла из четырех человек, которые решили поехать в Меджугорье, чтобы решить этот вопрос и переговорить со всеми заинтересованными лицами. Изначально было известно, что трое из них были противниками явлений. Однако оказалось, что комиссия не сделала много. Только один из ее членов, францисканский священник Иван Дугандзич, регулярно посещал Меджугорье.

Через два года была создана новая комиссия, заменившая первую, которая ничего не сделала, а только рассердила Ватикан своими предубеждениями. Некоторое время спустя Ватикан совершил беспрецедентный шаг, ликвидировав комиссию Занича и создав новую – из всех священников Югославии. Им, и только им, была доверена власть начать новые исследования этих явлений, после чего комиссия должна была дать Папе официальные рекомендации. В то время, как новая комиссия начала собирать материалы (что могло продлиться несколько лет), епископ Мостара получил инструкцию не участвовать в акциях, связанных с явлениями, и не высказываться по их поводу.

Объявления официальной позиции Церкви нужно было еще дожидаться, но неофициально была объявлена поддержка. Все рапорты сообщали, что явления в Меджугорье приносят добрые плоды, и жизнь людей изменяется. По всему миру стали возникать информационные центры, которые организовывали бывшие в Меджугорье пилигримы, знающие, что там происходит и начавшие делать то, о чем просила Пресвятая Дева: возвещать послание.

В свете такого множества положительных доказательств реакция Папы никого не удивила. Во время публичной аудиенции двенадцать итальянских епископов спросили его, могут ли они позволить своим прихожанам ездить в Меджугорье.

Ответ Папы был опубликован:

– Почему вы спрашиваете об этом? Если они обращаются, молятся, постятся, идут к исповеди, то пусть ездят в Меджугорье!

Чем больше приезжало паломников, тем более волновался и злился епископ Занич. Вопреки указаниям Ватикана, он продолжал высказывать обвинения в адрес Меджугорья, а журналисты, ищущие недоброжелательных откликов, знали, к кому следует ехать. Епископ продолжал официально противостоять тому, что в его глазах было францисканским заговором.

Наконец, появилась возможность уладить отношения между епархией и приходом. В последние несколько месяцев епископ не сказал ничего плохого о Меджугорье, а несколько местных священников, бывших у него по каким-то незначительным делам, были приняты в спокойной и доброжелательной атмосфере. Епископ был внимателен и вежлив. Быть может, появилась надежда? Может быть, мир Меджугорья победит и в этой ситуации? Все, с кем я ни разговаривал, разделяли уверенность в том, что это воскресенье будет первым шагом на пути к примирению. Несомненно, епископ скажет приступающим к таинству миропомазания детей самые добрые слова.

В воскресенье, сразу же после Мессы по-английски, я нашел Берна Ханлея, и мы быстро пошли посмотреть на известного епископа Занича, который с детьми, приступающими к миропомазанию, должен был прийти в процессии к священникам в большой кемпинг, где и должна была состояться торжественная Месса.

Небо было голубым, солнце – ясным, а одетые в белое и перевязанные голубыми поясами дети были радостными. Улыбались и священники; можно было сказать, что улыбались все, кроме епископа Занича. Невысокого роста, крепкий, в митре, с епископским посохом в руках, одетый в праздничные одежды, он шел, и было ясно видно, что он не улыбался.

По данному отцом Перваном знаку процессия двинулась в путь. Впереди несли большой крест, за ним шли дети, следом за ними – священники и епископ, потом, на некотором расстоянии, – я и Берне. В кемпинге был устроен полевой алтарь, и там процессию ожидали все жители селения, торжественно и празднично одетые. Было множество гостей из ближайших городов и деревень. Паломники смотрели на все это с большим уважением. Всего в кемпинге собралось более тысячи человек.

Берне поднимал над головой фотоаппарат, чтобы сделать снимки, а я молился, чтобы Господь захотел отворить сердце епископа. Пусть он откроет красоту этого места, пусть увидит, как много людей пришло сюда разделить

радость сегодняшнего дня, пусть его взволнует то, что Господь совершает в Меджугорье.

Месса началась с прекрасной хорватской песни. Когда я услышал ее, то начал верить, что моя молитва была эхом молитв собравшихся здесь людей. После чтения Евангелия стал говорить епископ. Он говорил быстро и решительно. Я не понимал слов, но без труда мог догадаться об их значении. Епископ грозил пальцем и говорил все громче. По реакции людей было ясно, что он говорил. Исчезли улыбки, вместо них появилось выражение равнодушного ожидания. Творилось что-то неладное. Я посмотрел на францисканцев – людей, которых успел немного узнать и которых уважал. Все смотрели в землю, и только отец Перван глядел, не мигая, прямо перед собой. его лицо было лишено какого-либо выражения.

Я посмотрел на Берни, который по-прежнему был занят фотографированием, и шепнул:

– Берни, что-то не в порядке. Все это похоже на похороны, а не на миропомазание.

– Не знаю, что происходит, – ответил он, – но повисла страшная тишина.

Когда епископ остановился, три человека зааплодировали. Я посмотрел на ближайшего ко мне. Когда он сообразил, что, кроме него, только два человека из тысячи делают то же самое, то перестал хлопать.

Епископ закончил. Гомилию? Все уже хотели, чтобы поскорее закончилось само торжество. Когда это произошло, то люди разошлись быстро и молча. Правда, часть родителей, чьи дети приступали к миропомазанию, разозленные тем, что праздник не удался, пошли к епископу и сказали ему все, что думают о нем. Отец Перван прервал их жалобы и отправил их домой.

Позже мы встретили знакомого гида-хорвата, который подтвердил наши подозрения. Епископ сильнее, чем когда-либо, подтвердил, что противится явлениям в Меджугорье. А что же люди?

– Они были "за", – сказал гид. – Некоторые сказали ему просто в лицо, что он лжец и нежеланный гость в нашей деревне.

Я вернулся в дом Гrego Василия. Вся семья в окружении друзей уже сидела за длинным столом и праздновала миропомазание тринадцатилетнего сына Гrego – Андрия. Через Марийку, старшую дочь, говорящую по-английски, я спросил Гrego, что он думает о гомилии епископа. С понурым видом он и все, кто слышали вопрос, показали большим пальцем в землю.

Позже я узнал. почему. В определенный момент он обвинил францисканцев из Меджугорья в распространении лжи: "Те, кто говорят такие вещи о Боге и о Пресвятой Деве людям верующим, заслуживают страшного адского огня".

Отец Павич вспоминал: "Люди стояли тихо. Они не хотели верить собственным ушам, тому, что епископ, в митре и с посохом, одетый в праздничные одежды, стоя у алтаря призывает Божий гнев и грозит нам адом за выдумывание лжи о Иисусе, Марии и о самом Боге". Епископ принял молчание верующих за выражение поддержки и за "знак" того, что люди утомлены явлениями и не верят в них".

Тем не менее, повседневная жизнь людей этой деревни свидетельствовала о противоположном. Истинной трагедией было, по-моему, то, что за шесть лет епископ так и остался равнодушен к добру, творящемуся благодаря явлениям в приходе и мире. Раньше даже пять поселков были не в состоянии договориться между собой, а сейчас все жили в гармонии. Раньше на Мессу ходило сравнительно мало людей, а теперь их было столько, что перед работой следовало служить еще и утреннюю Мессу для тех, кто хотел ежедневно в ней участвовать. Чем епископ мог объяснить увеличившуюся религиозность молодежи? В то время, как в других местах дети отходят от религии отцов, здесь они возвращаются в Церковь. Я вспомнил, что сам он некогда говорил: "Шестеро простых детей в течение получаса признались бы, если бы кто-то ими манипулировал". Как епископ мог объяснить их историю, и тот факт, что все шесть лет они ведут жизнь строгую, даже суровую, и дисциплинированную?

Когда я возвращался после обеда в костел, хорошо уже знакомой дорожкой, ведущей через поля, то вспомнил стих, который, по-моему, наиболее точно определяет явление Марии в этой деревне: "В то время, продолжая речь, Иисус сказал: славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что Ты утаил от мудрых и разумных и открыл то младенцам" (Мф. 11,25).

*Я желаю привести вас к святости,
но не хочу ни к чему принуждать вас.*

28.

Заграничная миссия

Когда мы отъехали от стоянки в аэропорту, Терри сказал:

– Ты выглядишь еще более уставшим, чем перед поездкой. – И добавила, выдавливая улыбку. – Я думала, что во время этой поездки ты должен был отдохнуть.

Я глубоко вздохнул и сказал:

– Я тоже так думал. Все эти две недели я работал тяжелее, чем за время всех своих предыдущих поездок. Мы должны найти время, чтобы спокойно поговорить о моей миссии.

Она улыбнулась и последнюю фразу пропустила мимо ушей.

– Не могу дождаться, когда ты мне обо всем расскажешь. Ты виделся с отцом Светозаром?

– Терри, я хочу действительно серьезно поговорить об этом. Она кивнула головой, но на этот раз без улыбки.

– Хорошо, поговорим вечером, когда дети лягут спать.

С наступлением вечера я вовсе не радовался этому разговору. Все время Терри поддерживала меня и помогала, как могла. Но меня больше волновало то, о чем она не говорила. Когда я говорил ей о планируемых выездах и встречах, либо о том, что хочу посетить Меджугорье, то видел, что она разочарована. Мы прожили вместе одиннадцать лет, и она не должна была говорить мне, что она чувствует, чтобы я знал это. Позже, когда события стали разворачиваться стремительно и я стал выступать вдали от дома, ее неосознанное недовольство стало проступать в как-будто бы невинных комментариях.

Правда, я не всегда был внимателен к ней. Я забывал, что каждый человек приходит к Богу в свое время. Я так страстно желал помочь ей, что иногда становился критичным.

Наша жизнь не изменилась к лучшему, а, скорее, наоборот. Об этом следовало поговорить. Я не продумывал этого разговора, и когда начал говорить, речь началась произвольно. Я начал с того, что за время своей последней поездки лучше понял свое призвание и свою миссию. Я понял, что это для меня значит. Я был решительно настроен выполнить то, что мне было дано для исполнения.

– Я буду все больше и больше ездить по стране и по всему миру. Все чаще буду посещать Меджугорье. В то же время я должен еще и писать книгу.

Я поднялся, так как был слишком возбужден, чтобы сидеть на месте.

– Никогда ранее я не чувствовал столь ясно, как важна моя миссия. Я должен сделать столько, сколько смогу, и к тому же как можно быстрее! – Я посмотрел на жену. – Это потребует большего посвящения и жертвенности от всех нас: от тебя, от меня, от детей.

– Да, – спокойно ответила она. – Только ты должен понять одно: ты всего лишь человек. Ты можешь делать ровно столько, сколько можешь. Мария не хочет, чтобы ты работал из последних сил. Ибо тогда ты негодишься ни Ей, ни нам! Я понимал ее точку зрения, но понимал и то, что должен делать то, что надлежит мне сделать. Я засомневался, а затем возразил самым серьезным тоном, на какой только был способен:

– Я не беспокоюсь о своем здоровье. Мне не кажется, что что-то грозит моему духовному или психологическому здоровью. Я хочу только сказать, что так будет продолжаться какое-то время. Послушай, для меня это – не игра. Я люблю своих детей и тебя. Но не могу проводить с вами столько времени, сколько хотел бы. Вы и так уже начинаете говорить: "Папа сошел с ума, носится по свету и делает странные вещи".

Мы дошли до того, что нас больше всего волновало. Четверо моих взрослых детей шли за духом времени. Они не ходили в костел и придерживались философии, выраженной в словах: "Делай то, что приятно!" Я умолял их понять, что отец их получил миссию непосредственно свыше и хотел, чтобы они также имели от этого пользу. Но всегда, когда я говорил о Церкви, они смотрели на меня как на помешанного.

Линда, старшая из детей, заканчивающая университет, по крайней мере хотя бы разговаривала со мной. Анджела не могла понять, что со мной случилось. Несколько раз она звонила Терри, чтобы узнать, здоров ли я. Мои сыновья, Мишель и Стив, считали, что я – фанатик. Наконец, Терри предложила нам поговорить.

– Послушай, говоря с ними, добьешься немногого. Неси им свидетельство

молитвы. Ведь именно это задание ты получила от Марии. – Уверься, что можешь решать свои проблемы в молитве. Попробуй жить этим!

Помолчав несколько минут, она сказала:

– Давай заключим договор. Я соглашусь со всем этим на двух условиях. Перестань говорить о моей духовности и позволь мне самой решать, что я должна делать, а что не должна, чтобы обрести истинную духовность. Это во-первых. Во-вторых, когда ты приезжаешь домой, помни, что ты отец и муж. Занимайся тогда прежде всего нами, ладно? Тогда я не буду беспокоиться об остальном. Я буду заниматься делом, а ты будешь ездить и быть "святым", если Мария захочет этого.

Говоря это, она скупно улыбалась, и глаза ее блеснули. Она знала, что я не люблю этого определения и употребляла его всегда, когда хотела обратить на себя внимание. Сейчас ей это полностью удалось. Я замаялся:

– Хорошо, только перестань говорить.

Про себя я поблагодарил Бога за столь мудрую и понимающую жену, поскольку она действительно была в полном смысле слова партнершей в исполнении моей миссии. Я вспомнил спену, где Иисус рассылает учеников парами. Так я понял и нашу миссию. В следующие месяцы у нас было много работы. К моему великому удивлению, к началу осени количество разосланных копий моих статей перевалило за четыре миллиона. Ежедневно мы высылали 70 000 экземпляров. Я ездил повсюду: был в Ирландии и даже на Аляске и во всех штатах Америки. Если я думал, что хочу куда-то поехать, то оказывалось, что в течение двух лет обязательно там побываю. Увеличились мои связи с радио и телевидением. Участие в передаче Салли Джесси Рафаэль открыло возможность для новых приглашений. Наиболее радостным оказалось для меня участие в транслировавшейся на всю страну передаче матери Анджелики из Бирмингхем в Алабаме. Я был о ней очень высокого мнения на основании того, что читал о ней и слышал от узнавших ее людей. Эта монахиня услышала призвание принести миру Евангелие Иисуса, открывая телевизионную станцию, что она тут же сделала. Это было тем более удивительно, что она не имела ни денег, ни прямого указания настоятелей ордена.

Эта монахиня, видя в студиях, куда ее приглашали на интервью, различные части телевизионного оборудования, говорила:

– Это именно то, что мне нужно!

Она разговаривала по этому поводу с различными людьми, пока не собрала целую студию. И начала выпускать свои программы. На своем пути монахини встречали множество трудностей, но Бог был с ними, а, кроме того, они умели

молиться. Сегодня, благодаря спутниковой антенне, ее EWNT имеет самую большую из всех христианских передач аудиторию. Это все, что я узнал о ней. Кроме того, я знал одного из ее сотрудников, Джека Сакко, с которым в июне 1986 года познакомился в Меджугорье.

Джек показал мне студию и рассказал о матери Анджелике и о ее связях с Меджугорьем. Сперва она провела внимательное исследование, чтобы убедиться, что явления согласуются с учением Церкви, после чего начала уделять им большое внимание.

Когда я познакомился с ней за полчаса до начала передачи, она не разочаровала меня. Была она открыта и приветлива, и мне показалось, что мы уже много лет были друзьями. Это была образованная женщина, обладающая превосходной памятью. Во время нашей встречи она вспомнила о некоторых вещах, описанных в моих статьях, из чего следовало, что она внимательно их прочла. Она не могла понять, как лютеранин может заниматься такими вещами. Я ответил ей, что то, что происходило в Меджугорье, важно для каждого человека.

– Позвольте сказать, что помогло этому лютеранину, – сказал я. – Однажды вечером я ехал на машине и слушал кассеты с записями ваших передач. Вы произнесли следующие слова: "Никогда не извиняйтесь за то, что говорит Пресвятая Дева".

Она засмеялась:

– Я часто так говорила.

– Меня потрясло это. Я осознал, что всегда, выступая перед протестантами, приуменьшал Ее роль. Я говорил, что мне неважно является ли там Мария или какой-то ангел, ибо так или иначе там происходит нечто необыкновенное. Когда я услышал ваши слова, то понял, что неосознанно отрекался от Нее, поскольку знал, что это Она является в Меджугорье и Она позвала меня.

Мать Анджелика взяла меня за руку и просияла.

– Уэйн, у нас вдвоем получится превосходная программа.

Так и случилось. Студия была переполнена людьми, пришедшими увидеть "того протестанта", что пишет о Пресвятой Деве. Я знал, что гость программы обычно может оценить ее качество в ходе, судя по субъективному переживанию времени: летит ли оно быстро или же тянется еле-еле. С матерью Анджеликой разговаривать было настолько легко, что, когда прошел час, я в это не поверил. Казалось, должно было пройти не более четверти часа. Мать Анжелика говорила о том, что каждый может быть призван, чтобы быть посланником неба, и добавила:

– Бог может играть на любой дудке.

Слушатели захихикали, а мать замолчала и посмотрела на них. Потом повернулась ко мне и быстро добавила:

– Я не имею в виду тебя.

Зрители хохотали, мы тоже.

По записи я понял, что мать может дать мне совет по личным вопросам, и после обеда у нее дома поведал ей все, что лежало у меня на сердце. Я был поражен и напуган некоторыми моментами, имевшими место во время моей чудесной миссии. Я знал, что мать пережила множество даров Святого Духа, и желал получить от нее совет. Везде, где бы я ни был, меня просили молиться об исцелении, после чего люди исцелялись.

Спокойно и с тактом она объяснила мне это.

– Духовные дары Святого Духа являются именно тем, чем являются – дарами. Они были даны затем, чтобы мы пользовались ими тогда, когда они необходимы и когда другие просят об этом. Мы не должны навешивать ярлыков, говорящих: "Здесь совершается исцеление" или "Здесь говорятся пророчества". Когда ты чувствуешь, что Бог ведет тебя, используй дар, а потом жди следующего раза. Ты будешь знать, что дар исходит от Него, не ты совершаешь великие дела.

Она замолчала и посмотрела мне в глаза:

– Величайший из твоих даров тот, что ты стал посланником Марии. Услышав это, я почувствовал благодарность и смирение. И облегчение. Я всегда помню об ее советах.

С этого времени события стали развиваться очень быстро. В конце сентября Милка Павлович, наконец, получила визу и приехала с трехмесячным визитом. Одна из трудностей состояла в том, что она не получила вовремя билета из Дубровника и приехала на неделю позже. Поэтому, едва встретив ее в Нью-Йоркском аэропорту, я должен был вылететь на девять дней в Ирландию. Меня это очень волновало, так как Милка очень плохо разговаривала по-английски. К счастью, ей помогала Терри. После своего возвращения я узнал, что Милка довольна пребыванием в Штатах, и в моей семье чувствует себя как дома.

В это время я влюбился в Ирландию. Перед посадкой нашего самолета в Шенон произошло чудесное событие. Я так спешил встретить Милку, что не имел времени подумать о поездке в Ирландию. Незадолго перед посадкой я стал чувствовать возбуждение. Затем услышал голос Пресвятой Девы: "Поезжай в Кнох".

Смешным было то, что, хотя я и читал о явлении в Кнох (там было только одно явление), но не знал, что город этот расположен в Ирландии! Сразу же после того, как мы с Сином Конроем – ирландцем, с которым я познакомился в Меджугорье, – поприветствовали друг друга, я спросил у него:

– Син, далеко ли отсюда Кнох Шрайн?

Он посмотрел на меня и опустил голову:

– Почему ты спрашиваешь об этом?

– Я бы очень туда хотел поехать, если это будет возможно.

– Удивительно, что ты спрашиваешь об этом. Мы планировали поехать туда, но потом получили такое количество приглашений, что отказались от этой поездки. Это недалеко от того места, где ты будешь спать, – и минуту помолчав, добавил, – знаешь что, оставим твои вещи у семьи, где ты будешь ночевать, возьмем бутерброды и поедем туда прямо сейчас.

Так мы и сделали. До Кноха было около ста километров.

Когда мы приехали на место, я почувствовал себя как дома. Был воскресный день, и большая открытая площадь около места явлений была заполнена людьми. Когда мы приехали туда, как раз начиналась процессия.

– Что происходит? – спросил я у Сина, глядя на огромную колонну людей метров сто в длину и по 6-7 человек в ширину.

– Они обходят крестный путь.

Здесь были люди на инвалидных колясках и старики, поддерживаемые детьми. Я был настолько взволнован, что не мог говорить. Мы вышли из толпы и направились к базилике, откуда выходила процессия. Я сел на скамью и стал молиться. Я почувствовал нисходящее на меня благословение на весь период моего пребывания в Ирландии. Я был убежден, что получил его из рук Марии и что для этого она просила меня приехать сюда.

С этого первого вечера и во все последующие дни, где бы мы ни были, костелы были полны людей. Нигде я не встречал более жаждущих людей, более открытых тому, что Бог, по великой Своей милости к человеку, совершал сверхъестественные шаги, чтобы привлечь людей к Себе. В этот вечер один из священников – рослый, с обветренным лицом, всю встречу простоял на коленях. Когда я закончил, он подошел ко мне, и в глазах его были слезы. Он обнял меня и зашептал:

– Спасибо, спасибо, спасибо.

Потом просил молиться о нем.

Спустя несколько дней мы были в театре. Еще до начала впереди меня сел какой-то священник. Он посмотрел на меня и спросил:

– Это вы тот человек, что приехал рассказывать о Междугорье?

– Я, отец.

– Тогда я вам должен что-то сказать, – сказал он, зашевелившись. – Я сам ужасный скептик. Но я обладаю открытым умом и пришел вас послушать. Поэтому постарайся, парень!

Несмотря на его смех, я понял, что он не шутит. В конце выступления я достал свои четки Розария, поднял их и сказал, насколько они важны для меня. Я сказал, что это молитва к Иисусу принадлежит не только католикам, но и всем, кто любит Его. Когда я закончил, люди стоя аплодировали мне. Разговаривавший со мной в начале священник подошел ко мне и сказал:

– Пусть Бог благословит тебя, парень, пусть Бог благословит. – Потом обнял меня и добавил, – Хочу, чтобы ты знал: в это я могу поверить!

– Это хорошо. Стоило приехать сюда, чтобы помочь хотя бы одному человеку.

– Я хочу попросить тебя об одной услуге, – перебил он меня.

Счастливый от того, что взволновал священника, я сказал:

– Отец, просите меня о чем угодно.

Он замаялся.

– Согласишься ли ... согласишься ли ты поменяться со мной четками?

– Конечно, отец, – ответил я, – пожалуйста.

Он взял мои четки и отдал мне свои. Они были старые и деревянные. Бусинки постирались от частого перебирания их в пальцах.

– Они были у меня более двадцати лет, – сказал он. – Я привез их из Фатимы.

Он посмотрел на четки с любовью, и я понял, что ему так же тяжело расставаться с ними, как мне – с моими. Думаю, что для него это было даже труднее, что-то вроде прощания со старым другом. Но разве не следует согласиться на это? Ведь здесь действует Бог. Мы оба чувствовали это, обмениваясь четками. В ту же минуту меня окружили какие-то люди, и я уже никогда более не встречался с этим священником.

На следующее утро за мной приехали две женщины, которые должны были отвезти меня на место следующей встречи. Не знаю почему, но все ирландки ездят так, словно бы принимали участие в каких-то гонках. Одно дело – ехать со скоростью выше ста километров в час по автострате Штатов, а другое дело – с той же скоростью мчаться по узким, извилистым дорогам Ирландии, с двусторонним движением, между старыми каменными стенами, да еще и по левой стороне! Девушки весело болтали между собой, а я был настолько испуган, что принялся серьезно молиться. Я достал свои новые (хотя и довольно старые) четки Розария

и замер. Тонкая металлическая цепочка, связывающая бусинки, изменила цвет! В Междугорье я слышал о таком явлении, когда четки паломников изменяли свой цвет на золотой, но приписывал это чрезмерному энтузиазму и проявлению благочестивых желаний. Когда несколько таких четок я увидел собственными глазами, я стал верить. И если я был призван к такому заданию, то почему бы мне не получить золотых четок? Теперь я их получил. Я не знал, из чистого ли золота цепочка или нет, и для меня это не имело никакого значения, поскольку вчера цепочка была серебряной, а сегодня приобрела цвет темного золота. Подумать только, что я чуть было не отказался от этого дара!

Вся эта поездка была особым даром. Я должен был тяжело работать, иногда трижды в день выступать. Однако все это время я чувствовал присутствие Святого Духа, вдохновляющего и благословляющего меня. В минуту, когда я сомневался, удастся ли мне выдержать все это, приходил миг сладостного облегчения.

Поездку мы закончили в пятницу вечером в Дублине на стадионе, вмещающем три тысячи человек. По пути Син спросил меня, как я себя чувствую.

– Я чувствую себя опустошенным, – признался я, – мечтаю о возвращении домой и том, чтобы неделю не вылезать из постели.

Потом засмеялся:

– Но думаю, что Святой Дух и так сотворит то, что должно быть сотворено. Так, как обычно.

– Несомненно, – подтвердил Син. – Обратил ли ты внимание, что во все дни твоего пребывания не было дождя?

Теперь, когда Син сказал об этом, я вспомнил, что действительно все эти дни сзатило солнце.

– Разве это необычно?

– Как ты думаешь, почему нас называют Дождливый Островом? Дожди у нас идут почти что ежедневно.

Когда мы оказались на стадионе, все места уже были заняты. Святой Дух не подвел нас. Спустя три часа, когда мы вышли со стадиона и сели в машину, полил такой сильный дождь, что продвигаться мы были вынуждены в черепащем темпе.

Я настолько устал, что в самолете не мог заснуть. Нужно было привыкать, потому что так теперь должна была выглядеть моя жизнь. На текущий год было запланировано несколько зарубежных встреч, два визита в Междугорье и бесчисленное множество встреч в Соединенных Штатах. А прошло только шесть месяцев текущего года!

*Я умоляю вас отдать вашей Госпоже
свое прошлое и все то зло, что годами
откладывалось в ваших сердцах ...*

29.

Милка

Когда я вернулся из Ирландии, оказалось, что Милка довольна и чувствует себя у нас, как дома. За время моего полуторанедельного пребывания в Ирландии Милка Павлович хорошо приспособилась к нашим условиям. У нее сложились хорошие отношения с Терри, а дети относились к ней так, словно она всегда жила с нами. Терри записала ее на курсы английского языка. Милка делала успехи и уже спокойно могла объясняться с нами.

С первой минуты нашего знакомства я знал, что есть в ней что-то необычное. Эта хорватская девушка, получившая благодать видеть Пресвятую Деву в первый день явлений, а потом исключенная из числа шести визионеров, была весьма самостоятельна во всем.

Ее трехмесячное пребывание у нас закончилось невероятно быстро. Мы сделали гораздо больше, чем планировали, и посетили больше мест, чем намеревались. Несмотря на ее занятость, у Милки бывали острые приступы ностальгии. Большая и прекрасная Америка не произвела на нее особого впечатления. Не нравились ей ее стремительность и связанные с ней стрессы.

— Слишком много, слишком много! — говорила она на ломанном английском. — Медленней, спокойней!

Наша жизнь была далека от медительности и покоя. Два раза в неделю Милка ходила на занятия английским, где познакомилась с одной японкой. Хотя ни та, ни другая не говорили хорошо по-английски, они прекрасно понимали друг друга и вскоре стали неразлучными подружками. После занятий они вместе гуляли по Миртл Бич, и нам даже удалось посетить Диснейленд.

Важнейшим событием за время ее пребывания у нас было свидетельство о том, что произошло в Меджугорье. Я решил, что не буду эксплуатировать Милку, и лишь по настоятельным просьбам Терри я забрал ее с собой на две

встречи. Я убедился, что Милка умеет прекрасно говорить о том, что произошло в первый день явлений и какое значение это имело в ее жизни.

Когда люди узнали, что Милка живет у нас, посыпались приглашения. Я долго говорил с ней об этом, подчеркивая, что она не обязана принимать их. Мне показалось, что главной целью ее приезда в Америку было изучить язык и познакомиться с американцами, что могло ей впоследствии помочь служить людям в Меджугорье.

Милка не только согласилась говорить о себе, но и приняла это с радостью. При помощи живущих поблизости хорватов она с подробностями рассказывала о том, что произошло в первый день, когда она была удостоена видеть Марию. Она охотно отвечала также на задаваемые позже вопросы. Слушатели были довольны, что познакомились с ясновидящей. Ибо в моих глазах Милка была ясновидящей. От других ее отличает только то, что Мать Иисуса не посещает ее ежедневно.

Милка ответила согласием на предложение Питера Крери совершить пятидневное путешествие в Фарго в Северной Дакоте, где Питер открыл Центр, посвященный Меджугорью, который при помощи добровольцев распространил два миллиона копий моих статей. Я позвонил к нему, чтобы спросить, не могу ли я взять с собой Милку. Он был в восторге.

– Ты шутишь? – закричал он. – Это превосходно!

Питер попросил Славка Зовко, францисканского священника, живущего в Милуейке, но воспитанного в Меджугорье, чтобы он был переводчиком.

Мы встретились в аэропорту в Миннеаполисе, благодаря чему у нас было немного времени, чтобы поговорить немного о Милке. Мы начали говорить о явлениях и о разнообразных явлениях, происходящих в Меджугорье. Одним из наиболее интригующих феноменов были сделанные людьми снимки, на которых было видно подобие Богородицы. Отец Славко, как и францисканцы из Меджугорья предостерег меня, чтобы я не воспринимал это серьезно.

– Обычно я не смотрю на это слишком серьезно, – уверил я его. – Люди присылают мне различные снимки с ликом Пресвятой Девы в облаках, на стволах деревьев и т.д. Некоторые снимки, связанные с Меджугорьем, оказались фальшивкой, – прервался я и достал фотографии, которые я возил с собой в каждой поездке с тех пор, как получил их от Карен, дочери Джима Стоффеля. – Однако этот, как мне кажется, другой.

Я уже показывал этот снимок Милке, но в день явления она была слишком далеко, чтобы различить черты лица. Теперь я показал этот снимок отцу Славко.

– У этого снимка необычная история, – продолжал я. – Когда я впервые увидел эту фотографию, то ее красота поразила меня, и, несмотря на происхождение этого снимка, она для меня всегда будет образом Марии из Меджугорья. Я хочу использовать эту фотографию на обложке моей книги.

Отец Славко, кивнув, сказал:

– Да, это хороший снимок, – после чего он посмотрел на меня. – Нужно прежде всего сконцентрироваться на послании, которое легко можно сравнить с Писанием. Боюсь, что с твоим снимком это сделать невозможно, – и он с улыбкой вернул мне фотокарточку.

Я стал рассказывать отцу историю этого снимка. В соответствии с тем, что гозорила мне Карен, монахиня из Ватикана приехала в Меджугорье в паломничество и была приглашена в комнату явлений. Во время явления Марии она сделала снимок висящего на стенке распятия, на который смотрели визионеры. При проявлении и увеличении на пленке появился образ молодой женщины. Карен сделала фотографию с этого негатива перед выездом из Меджугорья. После встречи ее группы с Иваном она имела возможность спросить его, так ли выглядела Пресвятая Дева.

Иван, как и остальные визионеры, не любил таких просьб. Взглянул на нее, отвернулся, отошел, но через минуту вернулся.

– Да, – медленно произнес он, присматриваясь к фотографии. – Она похожа на нее, только в реальности Божия Мать намного прекрасней!

Я согласился с отцом Славко, что не имеет смысла доверять фотографии, но эта навсегда осталась для меня образом Марии.

В аэропорту Фарго нас встретили Питер и его мать, которые сказали нам, что в доме Питера для нас приготовлен прием.

– Люди, которые сегодня будут у меня – это добровольцы, которые много работали над распространением твоих статей и приготовлением твоего приезда сюда. Посвяти им, пожалуйста, немного времени.

– Не беспокойся, – успокоил я его. – Я охотно сделаю это.

Однажды я был приглашен на встречу в один монастырь. Как всегда в таких случаях, я ужасно волновался. Теперь это было еще сложнее, так как я должен был выступать перед затворницами, а, следовательно, не мог видеть их лиц.

Все время, пока я говорил, я думал о том, каким совершенным образом они посвятили свою жизнь Богу. Затем, при помощи отца Славко, который переводил свидетельствоваала Милка.

Затем мать настоятельница пригласила нас остаться с ними немного

дольше. Мы сидели с одной стороны большого открытого окна, а сестры были с другой. Меня удивило, что одна из них спросила об изображениях на снимках Пресвятой Девы, которые, будто бы, появляются на снимках пилигримов по возвращении домой. Я посмотрел на отца Славко и спросил:

– Могу ли я показать им мой снимок?

Он ухмыльнулся, но сказал:

– Да, почему же нет. Разве это может повредить?

Я достал фотокарточку, рассказал ее историю и передал матери настоятельнице. Сестры передавали ее из рук в руки, после чего вернули мне эту фотографию. Они были поражены. Я попытался положить ее обратно в карман. Она почему-то не помещалась туда. Я положил ее на парапет с мыслью, что заберу ее в конце этой неформальной встречи.

Мы говорили с сестрами около часа. Когда мы стали собираться, я снова попытался положить фотокарточку в карман, но она не помещалась туда. И я услышал знакомый голос: "Дай им этот снимок..."

– Отдать им снимок? Снимок, который так много значит для меня? – Я не хотел этому верить, но был послушен.

– Мать настоятельница, прошу принять вас этот снимок на память о нашей встрече.

Сестры были счастливы. Они не могли поверить, что я действительно подарил им эту карточку. Впрочем, и отец Славко тоже.

– Ты любил этот снимок, – шепнул он мне, когда мы шли к машине. – Зачем ты его отдал?

– Честно говоря, не знаю. Мне показалось, что меня попросили об этом, – сказал я и добавил, – жена убьет меня.

Терри также была привязана к этому снимку и даже не хотела, чтобы я брал его в поездку.

Вечером мы были приглашены на ужин в семью, организовавшую встречу с монахинями. Когда мы сидели за столом, хозяйка передала мне конверт и сказала:

– Я хотела бы подарить это вам. Это – удивительное чудо Меджугорья.

Я открыл конверт и нашел в нем два снимка идентичных тому, что я подарил сестрам.

– Один вы можете взять себе, а второй подарите Милке. Я всегда представляю, что так выглядит Мария. Этот снимок был сделан ...

– Не нужно рассказывать, – улыбнулся я. – Я знаю его историю.

Я рассматривал фотографии. Снова получилось так, что дар от чистого сердца вернулся ко мне умноженным.

Поездка закончилась в Миннеаполисе в базилике Пресвятой Девы Марии, где собралось более тысячи человек. После встречи все участники были приглашены на прием. Я обратил внимание на то, что моя хорватская подопечная очень напряжена. Со времени своего первого "выступления" в Штатах Милка говорила о том, что не любит похвал, которые обычно имели место после встреч. Здесь, в Миннеаполисе, это было заметно более, чем где-либо в другом месте. Каплей, переполнившей чашу, оказалась одна женщина, которая подошла и поцеловала ей руку. Милка вырвала руку и попросила женщину больше не делать этого. Но та никоим образом не прореагировала на это. Более того, она сунула в руку Милке 20 долларов.

Это было уже слишком. Милка бросила деньги и убежала.

– Милка, подожди! – кричал я ей вслед, но она не пожелала остановиться. Я был со всех сторон окружен людьми и поэтому не мог выбраться отсюда, но, наконец, мне это удалось, и я побежал искать ее. Она ждала у машины.

– Поедем, поедем! – говорила она. – С меня достаточно! Эти люди сошли с ума!

– Извини, Милка. Эта женщина ...

– Дело не только в ней, но и в других тоже. Они хотят фотографироваться со мной, просят об автографе. Я не кинозвезда!

– Хорошо, поедем, – старался я успокоить ее. – Я поищу тех, кто привез нас сюда, и поедем.

Через пятнадцать минут мы уже сидели в машине. Милка успокоилась, и мы решили съесть где-нибудь пищу. Это было ее любимое блюдо. Я вскоре забыл о том досадном событии, которое происходило на приеме. Через какое-то время Милка даже смеялась, рассказывая об этом.

В октябре я отвез Милку в Меджугорье. По ошибке мы вышли из самолета в Загребе и потому оказались в Меджугорье лишь в час ночи. Милка тут же разбудила старшую сестру, Марийку. Когда она стала вкратце рассказывать о трех прошедших месяцах, Марийка была возбуждена не менее Милки.

Вдруг мы с Милкой почувствовали колоссальную усталость. Милка чуть-чуть поела и сказала, что идет спать. Я тоже хотел пойти к себе, но Марийка пожелала, чтобы я остался, потому что хотела поговорить со мной. Она стала говорить о президенте, но я не мог понять ее.

– Твой президент звонил сюда, ко мне домой! – прокричала она.

Я был уверен, что ослышался.

– Ты имеешь в виду президента Соединенных Штатов, Рейгана?

– Да! Он позвонил, но не мог говорить, – сказала она, подыскивая английские слова. – Я разговаривала с его канцелярией, с его секретарем.

Я был удивлен.

– Зачем он звонил?

– Я посылая ему письмо о Меджугорье, о приходе Пресвятой Девы, и что она просила о мире. Он встречается с Горбачевым, и они подписывают мирный договор. Поэтому я хотела, чтобы он знал о нашей Госпоже.

Я стал расспрашивать о подробностях. Но Марийка, понимая свои языковые проблемы, сказала, чтобы я обо всем расспросил Катлин. Утром Катлин сказала, что президент Рейган был взволнован простым и непосредственным стилем письма, переведенным для него на английский.

– Альфред Кингтон, посол США при ЕЭС, был здесь с женой с частным трехдневным визитом, после чего полетел на подписание Горбачевым и Рейганом мирного договора, – объяснила Катлин. – Явления произвели на него колоссальное впечатление. Марийка пригласила его на обед, и за столом родилась идея, что, поскольку он знает президента, то мог бы вручить ему личное письмо от нее.

Вспоминая это, Катлин улыбалась.

– Я села с ней, чтобы помочь ей с английским. Главное то, что когда посол отдал президенту письмо и рассказал обо всем, тот был очень растроган. Поэтому он пробовал поговорить с Марийкой по телефону. Но сам знаешь, как здесь все работает, – и она засмеялась. – Дважды разговор прерывался. Наконец, 8 декабря секретарь президента дозвонился и сказал, что президент очень благодарит за письмо.

– Невероятно, – только и мог произнести я. Вот как просто и непосредственно действует Бог. Молодая хорватка, утверждающая, что видела Богородицу, взволновала наиболее серьезное лицо мировой политики.

– Но самое замечательное то, что когда президент входил в зал для подписания договора, он обернулся к послу и сказал, что послание из Меджугорья поразило его и что он хочет, чтобы "те две девочки" узнали об этом.

Наконец, пришло время моего отъезда. Я выезжал из Меджугорья в полночь, поскольку рано утром должен был вылететь из Дубровника. Я обнял Марийку и поблагодарил ее родителей. Подошел попрощаться с Милкой, которая все это время держалась в стороне. Она формально протянула мне руку и сказала:

– Спасибо, – и через минуту добавила. – Тихонько, спокойно.

Я пожал ее руку и быстро пошел прочь, чтобы эта сдержанная девушка не увидела в моих глазах слезы.

30.

Последнее жниво

Все шло на удивление хорошо, с одним исключением: я не написал книги, которую должен был написать. В течение двух лет исследований я собрал, наверное, тонну записей и магнитофонных пленок, которые лежали теперь в одном месте. За все это время мне удалось написать только тридцать четыре страницы рукописи. Всегда, когда я входил в свою контору, я избегал смотреть на гору материалов, лежащих на полке рядом с печатной машинкой. Однако Бог дал мне решение и этой проблемы, подобно всем прочим проблемам.

Вера Мак-Феден, которая должна была отвести меня из аэропорта на встречу в Северной Ирландии, вела автомобиль по красивой дороге, вдоль которой стояли старые каменные ограждения и росли огромные кусты. Когда мы отошли от впечатлений, произведенных британскими солдатами, которые проехали с нацеленными на нас автоматами, мы снова вернулись к разговору о связи посланий из Меджугорья с ситуацией в Ирландии.

– Люди принимают тебя с распростертыми объятиями, поскольку много знают о тебе, – сказала она с северным акцентом.

Я был удивлен этим. Вера объяснила, что знают меня только как американского протестанта, который свидетельствовал в костеле в Меджугорье. Я понял, что кассета, записанная Мери О'Сулливан, все еще ходит по стране.

– Мы получили также некоторые твои статьи, – добавила она, – но не много. Хотелось бы, чтобы кто-то их здесь распространял. Это – замечательное послание!

Вскоре мы приехали на место первой встречи, которая должна была состояться в гостинице. В нанятом для этого зале собралось около пятидесяти человек. Я стал сомневаться, стоило ли приезжать в Северную Ирландию.

– Мы остановились здесь ненадолго. Сейчас день, поэтому не стоит ожидать, что придет много людей, – сказала Вера, словно читая мои мысли.

Я говорил о Меджугорье и его влиянии на мою жизнь точно так же, как если бы передо мной были тысячи слушателей.

Вечером мы поехали в Дерри. И там слушателей было немного. Но атмосфера была прекрасной. Это было замечательное время: протестанты и католики делились свидетельствами веры. На следующий вечер пришло очень много людей. Желая, чтобы атмосфера была легкой и открытой, я спросил:

– Есть ли здесь еще протестанты, кроме меня?

Никто не поднял руки. Я немного растерялся и сказал, что коль скоро я здесь – единственный протестант, то отдаю себя на их милость, после чего стал говорить то, что обычно. После встречи я спросил у одного из спонсоров моей поездки:

– Почему здесь не было протестантов? Мне кажется, ты говорил, что они интересуются явлениями.

Он ответил после короткой паузы:

– Уэйн, здесь были протестанты, но они не хотели открыться. Никогда не известно, не пробрался ли сюда кто-то из непорядочных людей.

Это приоткрыло мне глаза на некоторые проблемы Северной Ирландии. Послание из Меджугорья было лишь каплей мироединства, но повседневная жизнь этих людей была под угрозой экстремистских группировок обеих сторон. Страх стал частью их повседневной жизни.

Я также никогда не забуду встречи с женщиной, которой являлась Пресвятая Дева в костеле в Бессбрук. Из того, что она говорила, следовало, что это были явления, подобные тем, что происходили в Меджугорье. После встречи с ней и ее священником, отцом Геральдом Мак-Джинити, я был уверен в истинности этих явлений. Этой женщине были присущи та же простота и покорность, какую я видел у Марийки и других визионеров из Меджугорья. Дух этого послания был тот же, что и в Меджугорье: пост, молитва, покаяние, обращение и стремление сделать центром своей жизни Христа.

Эта женщина сказала мне нечто, чего я никогда не слышал. Пресвятая Дева открыла ей, что миру остается около десяти лет на то, чтобы обратиться к Богу. Это значит, что времени у нас осталось не более, чем до 1997 года. Это послание нужно было не для того, чтобы запугать людей, но, скорее, для того, чтобы быть свидетельством милости для как можно большего числа людей. В том, что говорила эта ясновидящая, я не почувствовал ничего ложного.

Очередное "маленькое чудо" произошло за несколько дней перед отлетом

из Ирландии. Я позвонил Терри, чтобы сказать ей, что все идет хорошо и что я вернусь вовремя. Я тут же добавил, что рад возможности провести десять дней дома перед поездкой на Тринидад и что надеюсь, что в отношении моей предполагаемой поездки в Меджугорье уже все прощено и забыто. Затем с неуверенностью спросил:

– Кстати, не звонила ли ты Давиду (он должен был помочь мне в написании книги), чтобы сказать ему от моего имени, что я не поеду в Меджугорье?

Наступила пауза, и я услышал глубокий вздох.

– Нет, но я заказала тебе билет до Чикаго.

– Терри, я не еду в Меджугорье, Давид едет сам. Я тебе уже говорил, и больше нечего к этому возвращаться...

– Знаю, но, думаю, Мария хочет, чтобы ты был там, поэтому я забронировала место до Чикаго.

Я остолебенел. Что произошло? Почему она изменила решение? Это было первое, о чем я спросил ее при встрече в аэропорту. Терри ответила со слабой улыбкой:

– Скажи, что Мария хочет, чтобы ты что-то сделал, и я постараюсь, чтобы ты смог сделать это.

Я засмеялся. Убеждения Терри, наверняка, не были идентичны моим, но мне стало ясно, что она научилась в молитве приносить все к престолу Божию и реагировала на полученные от Него ответы.

Несколько дней спустя я летел в Чикаго, чтобы совершить седьмое паломничество в Меджугорье. Мы должны были поехать туда под опекой Луиз Мелик, руководительницы "Пис Сентер Турс" ("Путешествий Центра Мира") – организации, которая, наверно, организовала в Меджугорье паломничество больше, чем какая-либо другая. Луиз была как неотшлифованный алмаз. Имевшая большой опыт в туризме, когда речь шла о ее подопечных, она была строга, как сержант во время муштры, что было очень важно во время неизбежных замешательства, всегда сопутствующих групповым поездкам. Под ее чутким руководством посадка на самолет, летящий в Югославию прошла быстро, и вскоре мы уже летели над Атлантикой и могли начать знакомиться.

Мы с Давидом были ровесниками, но на этом заканчивалось наше сходство. Мы воспитывались в совершенно различных домах: он закончил Йель и жил на северо-востоке. Работал редактором "Даблдей". Когда впервые он почувствовал волну духовного пробуждения, прошедшую через "Харизматическое обновление" ("Харизматик Ренеуел") в 1970 году, он стал во главе одного из

отделов издательства "Логос", первого официального харизматического издательства. Чем дольше мы говорили, тем больше я понимал, что не настолько уж мы не похожи, как мне сначала показалось. Оба мы отдали жизнь служению Богу и верили, что если мы будем верить и жить в послушании, Он будет, благословляя, вести нас.

Отличались мы единственно в вопросе о Марии. Похожее происходит со многими протестантами.

Я не впервые встречал людей с таким сопротивлением. Мой пастор придерживался по-прежнему своих взглядов, хотя не противился ни тому, что Бог творит в Меджугорье, ни тому, что во всем мире это приносит добрые плоды. Мой пастор хотел бы, чтобы ко всему этому не имела отношения Пресвятая Дева. Все евангельские христиане чувствовали глубокую неприязнь к тому, что называли католическими попытками возведения Марии в ранг Бога. Они видели в этом желание возвысить Марию вместо Ее Сына.

Это печально, поскольку это очень далеко от правды. Большинство католиков почитает Марию как женщину и мать, получившую специальную миссию и ставшую образом, той, Кто всегда ведет нас к Сыну. Это совпадало с моим опытом и с тем, что я переживал в Меджугорье. Мать Иисуса всегда будет для меня Необыкновенной, ибо во время каждой поездки благодаря ей я приближался к Иисусу, стремился жить для Него и быть все более послушным Ему.

Мне было интересно, какое впечатление произведет Меджугорье на Девида. Если его жена, Барбара, вернулась домой с другим представлением о Марии, то почему это же не могло произойти и с ним? У меня была эта надежда.

К костелу Святого Иакова мы добрались до сумерек, чтобы успеть на вечернюю Мессу. Как обычно, костел был переполнен. Мы стали в конце костела. Собравшиеся люди и прекрасное пение ошеломило Девида.

– Я не могу в это поверить, – шепнул он мне, – они поют "Военный гимн республики" по-хорватски!

– Это одна из любимых песен Пресвятой Девы, – ответил я.

После окончания мессы мы пошли к дому Марийки, где должны были жить. С того времени, как Марийка услышала о моем обращении, она хотела, чтобы я всегда останавливался у нее. Сейчас она была в Италии с большой молитвенной группой. Но Милка была дома и очень сердечно приняла нас в комнате, где обычно жила вместе с Марийкой.

Рано утром Милка и ее родственница Маша приготовили нам завтрак: кофе,

апельсины, овечий сыр и свежее выпеченный хлеб. Когда мы ели этот простой, но вкусный завтрак, в столовую комнату вошла женщина, которой я никогда не видел. Она заговорила с Милкой по-итальянски. Милка вытерла фартуком руки и улыбнулась. Женщину это разозлило, и она стала говорить командным, требовательным тоном. Я не знаю итальянского, но во мне закипела злость на этого тирана. Однако Милка не переставала улыбаться. Женщина вышла, даже не поблагодарив.

– Что она хотела? – спросил я у Милки.

– Она переводчица и ищет Марийку. Она разозлилась из-за того, что Марийки нет. Потом спрашивала, где живет Иван.

– Часто ли происходит подобное? – спросил Девид. – Часто ли посторонние люди входят в кухню?

– Да, постоянно.

Девид посмотрел на нее с недоверием.

– Я не понимаю этого, – говорил он позже. – Если бы это была моя кухня, то я бы выставил эту женщину.

– Пресвятая Дева сказала людям этого селенья, чтобы они открыли свои сердца и дома для паломников.

– Да, но ...

– Милка не преувеличивает. Подобное происходит здесь ежедневно.

Над нашими головами стал крутиться вертолет.

– Власть? – спросил Девид.

– Да, показывают, кто имеет власть. По пути можем прочесть Розарий и забудем об этом неприятном инциденте.

– Начни ты. Я не знаю Розария, предпочитаю молиться непосредственно к Иисусу.

Я ничего не ответил. Эти слова я слышал от протестантов много раз. Я даже начинал сомневаться в том, действительно ли я могу сотрудничать с ним.

Было прекрасное утро. Мы увидели мужчину, складывающего сено с помощью вил. Какая-то женщина вела на веревке корову, а около сеновала пел петух. Девид засмеялся:

– Давно я не видел ничего подобного. Честно говоря мне здесь нравится.

– Не каждый так думает, – сказал я, пожимая плечами. – В Ирландии я видел интервью одного космополитичного редактора. Так она была здесь и запомнила только вонь деревенского двора. Интересно, как пахнет деревенский дом.

– Таковую бы раздражал запах помета в Вифлеемских яслях, – сказал Девид.

– Ты прав, – вздохнул я. – Многие люди не понимают, что здесь происходит.

Они сосредотачиваются на внешнем, поскольку на самом деле не хотят ни слушать, ни видеть ни в чем Божиего Промысла.

Потом я подумал, что наш разговор может быть хорошим поводом для того, чтобы сказать о просьбе Марии читать Розарий, поскольку он является мощным шагом к обращению. Поэтому я добавил:

– Девид, эта женщина не увидела в Меджугорье самого главного. Может быть, и ты тоже, пренебрегая просьбой Марии читать Розарий, не увидишь этого.

– Послушай, я всегда молился, обращаясь просто к Иисусу, либо к Богу Отцу, и если мое сердце не лжет мне, то Они выслушивают меня. Я не собираюсь изменять этому правилу.

– Хорошо, но веришь ли ты в то, что здесь является Мария?

Девид был недоволен.

– Конечно, иначе бы я не предложил тебе сотрудничество в написании этой книги.

– Веришь ли ты в то, что эти послания исходят от Ее Сына?

– Мне кажется, что да. Ну и что дальше?

Я посмотрел на него и, помолчав, сказал:

– В таком случае, почему тебе тяжело принять Розарий, если Она просит, чтобы мы молились на нем?

Девид покраснел.

– Знаешь, ты больше католик чем сами католики. А я знаю их много.

Я засмеялся.

– Быть может. Повторяю только то, что читал в писаниях.

Мы подходили к костелу.

Затем поднялись на гору Крижевац, остановились у отметок из меры стояний Крестного Пути. Почти у каждого стояния стояли группки паломников, молящихся или тихо поющих. Мы впервые услышали пение по-немецки и по-французски. Нас поразил тот факт, что люди некогда враждовавших народов примирились на Крестном Пути.

Восхождение не было легким. На вершину нужно было идти около часа, но если останавливаться у стояний Крестного Пути, то это занимало в два раза больше времени. По пути мы встретили несколько пожилых людей и человека, идущего на костылях. Поднявшись на вершину, мы сели около креста и выпили бутылку минеральной воды. На вершине было несколько паломников. Одни молились, другие пели, некоторые медитировали.

– Знаешь что, – сказал Девид, – я ощущаю полную покоя радость. Я

почувствовал ее, когда мы стали подниматься, и с тех пор я чувствую, что она увеличивается во мне.

Такое количество паломников молилось здесь, что, кажется, вся природа была полна ими.

Где-то позади нас группа итальянцев начала молитву Розария. Когда я раньше предлагал Давиду помолиться по четкам Розария, то он отказывался, утверждая, что это бессмысленное повторение. Теперь же, когда он слушал спокойную, с чувством совершаемую молитву этой группы, его лицо приобрело умиротворенное выражение.

– Я вижу здесь много такого, что проникает прямо в сердце, чего не следует пропускать через интеллект. С одной стороны, Богу абсолютно все равно, какую форму приобретут наши молитвы, а, с другой стороны, их содержание очень важно. Он смотрит в наши сердца и не слушает слов, произносимых устами. Розарий может быть бессмысленным повторением, а может быть открытием сердца для Бога. То же самое можно сказать и о Молитве Господней. Кто я есть, чтобы осудить состояние сердца молящихся людей?

Я согласился. Мне многое хотелось еще сказать, но я ждал, пока он закончит.

– Я как и прежде буду молиться непосредственно к Господу, поскольку это проверено. Он слышит меня, и если в моем сердце нет лжи, то и я слышу Его. Я не буду говорить, что другие заблуждаются, потому что молятся иначе. Только Он видит глубину их сердец, и для Него важно то, что Он там находит. Я снова согласился и признал, что добавить нечего.

После обеда приехал из Кошиц отец Светозар, чтобы произнести проповедь. После Мессы он принял нас у себя. Давид достал диктофон и попросил отца прокомментировать перемены, которые произошли в округе в связи с событиями в Меджугорье. Охватили ли эти изменения всю Югославию?

Отец Светозар, задумавшись, ответил:

– Перемены эти вышли за пределы Югославии и охватили весь мир. В этой стране вы не услышите о Меджугорье не по телевидению, ни в костелах. Но слова эти пишут на бамперах автомобилей, автомобили ездят и здесь, и там, – засмеялся отец Свет.

– Какое значение имеет Меджугорье для вас?

– Это как вторичное рукоположение. Оно является для меня призывом и дает мне новое понимание моего священства и новую цель. Это было легко. Меджугорье дало мне также призвание к святости. Это неустанный поиск и каждодневная борьба за то, чтобы обрести свою душу и облик Бога в

искушениях, которые посылает мир. Прославление Его, жизнь в святости и удовлетворение требований священнического призвания, помимо телевизионных программ, различных препятствий и множества различных занятий, временами мучительно.

Девид улыбнулся:

– Легче бы было стать отшельником.

– О, да! Насколько проще быть святым, заключенным в монастыре, находясь в какой-то замкнутой среде! – засмеялся он. – Теперь же я вынужден жить в двух мирах. Я должен нести свидетельство монастырской жизни людям, далеким от него. Я словно почтальон, несущий письмо о внутренних переживаниях духа, о жизни с Богом...

– Это является призывом к подражанию для всех, кому тяжело, – продолжал он, – поскольку мне это удается, то, может, удастся и тебе. Я всегда подчеркиваю то, что мы совершаем свой путь вместе. Это не Господь пришел ко мне и не я к Нему, но мы вместе несем крест на Голгофу.

Отец спросил, как движется работа над книгой, и я сказал ему, что эту поездку мы совершаем с целью проведения дальнейших исследований и рассчитываем на то, что Святой Дух покажет нам все недостатки рукописи.

– Отец, я хотел бы попросить вас о помощи в одном деле. Я долго работал над вашей рукописью и нашел в ней большую беседу с отцом Йозо, но лично не имел счастья познакомиться с ним. Могли бы вы в один из дней поехать с нами в его приход?

Отец Светозар хлопнул себя по коленям и ответил:

– А почему бы нам не поехать прямо сейчас?

Через пять минут мы уже сидели в его маленьком "Фольксвагене" и ехали в Тихашпи, что находится в каких-то 35 километрах от Меджугорья. Я напомнил Девиду, что отец Йозо был настоятелем костела Святого Иакова, когда начались явления и что сначала он имел сомнения, но защищал детей, а позже был подвергнут заключению за то, что не хотел помочь покончить с явлениями. До сегодняшнего дня епископ запрещает ему совершать Божественную Литургию в Меджугорье. Поэтому автобусы с паломниками ежедневно приезжают к нему. Для многих его слова составляют главную цель поездки.

Мы приехали на место при заходе солнца. Нас привели в канцелярию отца Йозо. Это был высокий мужчина с темными, пронизательными глазами и широкой улыбкой, которая была в состоянии растопить даже лед. Через отца Светозара я сказал, кто мы и чего хотим.

Я спросил о том, как было в тюрьме. Он улыбнулся и стал быстро говорить по-хорватски, иногда останавливаясь, чтобы отец Светозар мог переводить.

– Я всегда хотел войти с Евангелием в тюрьму, но не думал никогда, что это произойдет таким образом. Из подробностей не хочу ничего рассказывать кроме того, что этот опыт помог мне избавиться от гордыни и обрести простоту. Когда человека постигают всевозможные несчастья, преследователям кажется, что он побежден и с ним покончено. В действительности же они готовят почву для зерна веры.

– Сожалеете ли вы, что не можете посещать Меджугорье?

Он покачал головой.

– Меджугорье не связано с местом. Оно прежде всего дух, а дух может возрастать повсюду.

– В каких словах вы могли бы сконцентрировать все послания Божией Матери? – спросил я.

– Когда Давид стал перед Голиафом, Бог велел ему взять пять камней и сражаться во имя Его. Теперь такие камни в наших руках и Наша Госпожа сказала, что написано на каждом из них: молитва, пост, исповедание грехов, Библия и Евхаристия... Пресвятая Дева плакала, когда говорила о Евхаристии, являющейся символом жертвы ее Сына. Она напоминает нам то, что наша жизнь должна быть жертвой для других людей. Она понимает, что Он должен был умереть на кресте. Не смотря на боль, которую Она переживала, Она не удерживала Его от этого шага. Она приняла Божий план, что Он должен умереть, чтобы все люди могли возродиться и жить.

Давид тряхнул головой.

– Я знал, чего стоило Ей послушание, когда должна была родить Его, но никогда не думал о том, чего стоила Ей Его смерть.

В конце встречи отец Йозо помолился о нас: "Сложите ваши жизни под крест с открытым сердцем, с открытыми руками, под открытым небом, откуда слышен глас: "И Сын мой возлюбленный". Вы услышите это. Благодарим Тебя, Иисусе, за открытое сердце. Благодарю за то, что из Твоих рук приходит всякое благословение. Благодарю, что из Твоего сердца истекают мир и милость. Возложи на нас Свои руки и благослови нас".

Не помню, чтобы какое-то благословение произвело на меня такое большое впечатление.

Когда вечером мы были в своей комнате, Давид, готовивший на следующий день кассеты для магнитофона и фото пленку, сказал:

– В противоположном конце коридора стоят четыре пары ботинок. Знаешь, о какой комнате я говорю?

– Да, это комната Антония Маха.

– С тех пор, как мы приехали, она была закрыта. Только сегодня утром кто-то оставил открытые двери. Когда мы выходили, я заглянул вовнутрь. Знаю, что это не мое дело. На полу лежало четыре матраца. – Он остановился. – Уэйн, там четыре человека спят на полу, чтобы мы могли спать на кроватях и имели собственную комнату.

Я утвердительно кивнул и еще раз вздохнул.

– Когда мы будем выезжать, они не возьмут у нас денег. Я знаю, потому что в прошлый раз было точно так же.

– В голове не уместается.

– У меня тоже, – ответил я. – Однако об этом их просила Богородица: принимать паломников, как членов семьи, чтобы в них видеть Ее Сына.

– Ну да, – буркнул Девид, – я Его вижу.

На следующее утро мы сидели за столом, пили горький кофе и наслаждались свободным временем, поскольку до Мессы у нас не было работы.

Вдруг неожиданно Девид воскликнул:

– Знаешь, то, что здесь происходит, можно назвать настоящим духовным пробуждением!

Эта тема волновала меня.

– Все великие пробуждения, имевшие место в Англии и Америки, пришли абсолютно неожиданно. Вдруг люди начали понимать, что у них есть Спаситель и что их грехи прощены. Жизнь людей изменялась, а отношения, разорванные много лет тому назад, не изменялись. Дела Божии заняли в их жизни первое место. – И после паузы он добавил. – И здесь происходит то же.

Я улыбнулся и долил в чашки кофе.

Девид относился к Богу совсем иначе, чем я, но с тем же результатом.

– Некоторые держаться от этого подальше, – сказал я, – но ты прав. Почти каждый в селении вовлечен в это дело. Восемь лет тому назад пропорции были противоположными. В долине жили циничные люди, соседи обманывали друг друга, молодежь жила надеждой на приход дня, когда она сможет оставить селение. Старики ходили в костел, но было их немного. И хотя религия подвергалась репрессиям, вера в этом регионе Югославии была по сравнению с другими более крепкая. – Я посмотрел в окно на гору Крижевац. – Они поставили этот крест, а в 1967 году костел, намного больший, чем того

требовали их нужды. Жила в них вера, что, по мнению визионеров, стало одним из поводов, из-за которых Бог выбрал именно это место.

Девид выпил кофе и протянул чашку, чтобы я наполнил ее еще раз.

– Я тоже подумал об этом, – сказал он.

– Я даже молился утром об этом. Почему из всех стран Бог выбрал именно Югославию? – улыбнулся я.

– Знаешь, о чем я подумал. Когда Бог послал в мир своего Сына через Марию, Он родился в яслях. Теперь, когда Он снова являет миру Своего Сына, то творит это через народ, который можно сравнить с яслями.

– Звучит. это логично, – сказал я, понимая, что Девид каким-то своим образом открывает для себя послания Меджугорья.

Девид поднялся и подошел к окну.

– Здешний путь к обращению немного отличается от того, к чему я привык, но плоды те же, – сказал он.

– Обращение, к которому призывает Пресвятая Дева, понимаешь по-старому, – сказал я. – Она не шутит. Когда говорит о посте, то имеет в виду жизнь на хлебе и воде. Если говорить о молитве, то знаешь, сколько молятся люди из различных молитвенных групп? По три часа ежедневно. Перед приездом сюда я молился не более пяти минут ежедневно, а может, и менее того.

Девид согласился со мной.

– Я видел такое изменение в моей жене, – сказал он тихо. – Она с шестнадцати лет любила Бога. Здесь она влюбилась в Него по-настоящему. В этом вся разница.

До Мессы оставалось около двадцати пяти минут. Мы вышли и пошли быстрым шагом.

– Искры, носимые Божиим ветром, зажигают леса, – говорил Девид. – Так сказано в Библии. Написано, что в последние дни изольет Бог Духа Своего и многие обратятся. Как ты думаешь, мы живем в последние времена?

– А ты? Думаешь, что нет?

– Уверен, что да, – сказал он.

Я согласился.

– Это последнее жниво, – сказал я, стараясь не слишком драматизировать, – последний шанс. Если мы упустим его, то следующего не дождемся.

Остальную часть пути мы прошли молча.

*Я призываю вас к полному обращению...,
вложите свою жизнь в руки Бога...*

31.

Голоса из Меджугорья

– Расскажи мне, какая она, мать Тереза, – попросил Девид, когда мы присели на землю на пригорке за костелом. Прежде чем отец Джек Спаулдинг стал говорить, магнитофон уже работал.

– Она имеет всего лишь метр шестьдесят роста и едва достает мне до плеча. Она такая маленькая, что когда входит в комнату, то сначала этого никто не замечает. Через какое-то время воцаряется тишина. Никто не хочет пропустить ни единого ее слова, а говорит она едва слышно. Об абортах она говорит, что это двойное убийство: ребенка и совести матери. Единственным способом решения этой трудной проблемы является таинство примирения, поскольку великим даром этого таинства является прощение самому себе.

– Я понимаю, что ты имеешь в виду, – сказал я. – Я воспользовался ее примером, когда говорил о том, о чем просит Иисус через Марию в Меджугорье. Она буквально живет посланиями Евангелия. Что вам больше всего запомнилось?

– Наибольшее впечатление произвело то, – сказал отец Джек, – что она не хотела благословить меня. Все преклонили колени и она возложила руки им на головы и благословляла их. Когда подошла ко мне, сказала: "Ты – священник. Это ты должен благословлять".

– Ты благословил ее? – спросил Девид.

– Конечно. Потом она сказала: "Вы, священники, не знаете себе цены. Иисус присутствует здесь ради вас. Вы подаете Его нам в Евхаристии".

Я должен был знать, спросил ли он ее о явлениях в Меджугорье и что она думает по этому поводу.

Отец Джек ответил:

– Она сказала: "Конечно, она там является!" Потом добавила: "Там – мой

дом". Я забыл, что она родом из той части Албании, что сейчас принадлежит Югославии. Она сказала: "Я не хотела бы туда ехать, чтобы не отвлекать внимания людей от того, что делает там Бог. Я выслала письмо визионерам с просьбой передать его Марии, и просила ее, чтобы Она пришла в Калькутту. Я сказал ей: "Но она не придет туда, поскольку действует там через вас!" Мы вместе смеялись по этому поводу.

– Что вы чувствовали, совершая сегодня Евхаристию?

– Совершение Евхаристии здесь – это приближение к дому, в который я войду, когда придет за мной Господь. Я начинаю понимать, что значит, что мы – странники. Здесь человек так близко к дому, что начинает тосковать за ним.

– Ты говоришь, как моя жена, – сказал Девид.

Я спросил его, когда он впервые понял, что это место примирения и обращения.

– Впервые я приехал сюда с группой подростков. У нас было столько работы, что я не имел времени на молитву и медитацию. Однажды, когда мы возвращались в костел из дома Вицки, мой товарищ предложил прочитать по пути Розарий. Читая Розарий, я впервые пережил, что значит молитва, исходящая из самого сердца. Это и было мое истинное обращение.

Отец Джек расстроился, и я, чтобы разрядить атмосферу, пригласил всех на обед в ресторан.

– Знаешь, – сказал отец Джек, когда мы садились за столик на свежем воздухе, – некоторые священники не хотят приезжать сюда, потому что боятся обратиться. По профессии они "духовные", но так ли это на самом деле?. Им и так хорошо, и они боятся того, что Бог начинает требовать от них изменить их жизнь.

– Вчера мы как раз говорили об обращении. Что это есть нечто большее, чем второе рождение. Это – освящение, – сказал Девид.

Джек усмехнулся:

– Обращение является личным опытом. Не одноразовым, но каждодневным опытом. Марийка перед своим выездом в Италию сказала мне: "Отец, прошу вас молиться о моем обращении".

– Марийка? – воскликнул я. – Я думал, что если кто...

– Я тогда понял насколько важно молиться друг за друга о взаимном обращении, – сказал священник. – Это дар, который я получил в этой поездке. Однако я перестал говорить об этом потому, что люди повторяли: "Отче, если и ты нуждаешься в обращении, то для нас тогда нет никакой надежды!"

Мы засмеялись, но я хорошо его понял.

В этот же день я дал интервью телевизионщикам из Бетон Руж в Луизиане. Они приехали сюда снять документальный фильм о Меджугорье. Когда интервью закончилось, я спросил ведущего Джона Пасторека и оператора Роберта Чандлера о их первом фильме о Меджугорье.

– Когда мы вернулись домой, то все спрашивали нас, видели ли мы пляшущее солнце, вращающийся крест и т.д. Мы видели такие вещи, но в фильме своем сосредоточили внимание на людях, чья жизнь изменилась и вера окрепла.

Он рассказал мне об одной женщине из Апалуса в Луизиане, приехавшей в паломничество со своей матерью. Женщина эта была частично слепа, частично парализована, частично утратила слух, пережила шестьдесят операций и, в принципе, не должна была уже жить на свете. Как и многие другие, она приехала сюда с надеждой на чудесное исцеление, но, хотя ее и пустили в комнату явлений, ничего подобного не произошло. Но она получила в дар нечто совершенно иное.

– Когда я увидела людей, которые не могли ходить, – рассказывала эта женщина, – людей, которые были абсолютно слепы всю свою жизнь, я подумала: "Мой Боже! Я молилась не о том, о чем следовало бы. Я просила о чуде, а нужно было просить о прощении моей неблагодарности". После возвращения домой мы проводали ее. После очередной операции она могла сойти с инвалидной коляски и ходить даже без палочки. Но истинным чудом была перемена в ее сердце.

На следующий день мы с Джоном и Робертом пошли в дом Вички, чтобы побеседовать с ней. Я задал вопрос, который давно мечтал задать:

– Явления начались шесть-семь лет тому назад. Имеешь ли ты время подумать о том, с кем ты беседуешь?

– Я счастлива, что Пресвятая Дева выбрала меня, и очень рада, что могу передавать ее послания другим. Иногда я думаю и об этих людях и знаю, что большинство из них приходит сюда по религиозным причинам, а некоторые – просто из любопытства.

– Когда у тебя было последнее явление?

– Вчера вечером. Было явление, но не было ничего особенного, не было послания и, как обычно в таких случаях, мы вместе с нашей Госпожой молились о паломниках.

– Что ты можешь сказать о Пресвятой Деве?

- Она иногда грустна, иногда – счастлива.
- Как ты реагировала, когда впервые получила откровение?
- В первый раз я не могла этому поверить. Я не верила, что она может являться людям. Не помню, была ли тогда счастлива или испугана.
- Откуда ты знаешь, что это Пресвятая Дева, а не кто-то другой? – спросил Роберт.
- Потому что никого на свете нет подобного Ей. Кроме того мы видели Ее уже накануне и знали, что это Она.
- Какое из Ее посланий важнейшее?
- Молиться о мире.
- Почему?
- Потому, что Пресвятая Дева говорит, что молитвы обладают такой силой, что могут предотвращать войны. Однако перед тем, как мы будем молиться о мире во всем мире, мы должны иметь мир в своем сердце и в своей семье. Если мы будем обладать миром в своем сердце, то поймем все послания, переданные нашей Госпожой.
- Многие люди считают, что все это является обманом. Что думаешь ты по этому поводу? – спросил Роберт.
- Мне нечего сказать по этому поводу. Пресвятая Дева сказала когда-то: "За этих людей можете молиться".
- Изменилась ли твоя жизнь благодаря откровениям? Стала ли ты лучше, более религиозной?
- Я стараюсь изменяться, но не знаю, насколько мне это удастся.
- Джон закончил интервью, спросив, что Благословенная Дева сказала бы людям, которые не могут сюда приехать?
- Послания нашей Госпожи касаются, прежде всего, молитвы, поста, покаяния, обращения и покоя. Она просила нас читать Розарий. Она желает, чтобы один день в неделю мы постились на хлебе и воде и имели крепкую веру. Она просит нас молиться, но и просит также, чтобы ежедневно мы открывали свои сердца, чтобы ощущали радость, чтобы мы думали о каждом слове, произносимом в молитве. Наша Госпожа говорит, чтобы молитву мы начинали с "Отче Наш". Мы должны оставить то, что нас отвлекает и рассеивает, отдать это нашему Спасителю и позволить Ему вести нас. Мария является для нас Матерью и смотрит на нас глазами Бога. – Вдруг Вичка задумалась, и через минуту продолжала. – Молитесь так, и тогда ежедневное чтение Розария не будет для вас трудным. Когда вам тяжело, то вам кажется, что Бог и

Мария далеки от вас, но это неправда. Они всегда близко. Она просит, чтобы мы отрелись от некоторых вещей, отрелись от грехов... Она говорит, что дьявол теперь силен и хочет нам во всем помешать. Поэтому Она просит, чтобы мы более подвизались в молитве, тогда он будет держаться от нас далеко...

Это было просто и непосредственно, как большинство посланий из Меджугорья, исходящих из уст Пресвятой Девы в течение последних семи лет. Этот последний ответ произвел на меня большое впечатление. Вичка вложила в него больше энергии, чем когда-либо во время прошлых интервью. Она улыбнулась мне той улыбкой, благодаря которой человек полностью верит ей.

– Ну видишь, – засмеялась она, – выдавила из тебя слезы.

Я засмеялся и помотал головой.

Я был действительно взволнован. Слушать это послание мне никогда не надоест.

Прощаясь, я попросил ее:

– Скажи нашей Госпоже, что я люблю Ее и благодарен Ей за то, что она выбрала тебя.

Около четырех нас разбудил гром. Начался ливень. Слушая, как барабанят по крыше капли, я думал о том, что сегодняшней ночью нам вряд ли уже удастся заснуть.

– Кстати о тайнах, – неожиданно произнес Девид. – Почему они называются тайнами? Ничего, что они знают о Ней, не является тайной.

– Так было в прошлом. В Лурде и Фатиме были объявлены тайны. В Фатиме было предсказано, что Россия обратится к Богу и вернется к христианству.

Девид засмеялся.

– Если бы не наступила "перестройка", я бы в это не поверил. Однако, похоже, что все к этому идет. Расскажи мне еще что-то о тайнах, поведанных в Меджугорье.

– Первые три – это предостережения для мира и неуничтожаемый знак. Четвертая, пятая и шестая тайны относятся к жизни визионеров и сестер, а остальные – это тайны, касающиеся последнего Суда. Седьмая тайна не будет реализована благодаря молитвам и постам миллионов людей, приезжающих в Меджугорье. Конечно, – добавил я, – это только мои мысли. Никто, кроме ясновидящих, не знает наверняка ни их очередности, ни их значения.

– Чего же нам ожидать? – спросил мой приятель.

– Когда все ясновидящие получат десять тайн, тогда явления прекратятся. Все начнется вскоре после этого.

– Кто уже получил все тайны?

– Иванка и Мариана. Пресвятая Дева приходит к ним только в годовщину первого явления, в дни их рождения и в минуты крайней необходимости.

– А что же с остальными четырьмя ясновидящими?

– Они получили уже все тайны, за исключением одной.

Повисла тишина. Потом Девид сказал:

– Значит ли это, что конец близко?

Я ответил не сразу.

– Год тому назад я сказал бы, что да, теперь у меня нет такой уверенности. С одной стороны, все получили девятую тайну уже 3 года назад, а явления продолжаются. Все стараются указать, когда же придет конец. Честно говоря, думаю, что это продлится еще несколько лет. Такое множество молитв и Божий приход вызвали такую положительную реакцию, что, скорее всего, время откровений продлится. Конечно, это только мое личное мнение.

– Раньше было иначе?

– Да. И Лурд, и Фатима оказали положительное влияние на людей, но это нельзя сравнить с Меджугорьем. Здесь зерно упало на хорошую землю. Миллионы людей обратились. Я считаю, что это величайшее событие в царствии Христовом с тех пор, как существует Церковь.

– Бог обратил на Себя внимание людей, и что теперь? – спросил Девид.

Я сказал ему, что когда последняя тайна будет явлена ясновидящим, тогда Мариана, первая получившая все тайны по разрешению Пресвятой Девы, откроет первую тайну выбранному ею священнику. Она уже выбрала себе отца Петара Любича. После того, как он узнает от Марианы эту тайну, он будет поститься 7 дней, после чего откроет тайну миру. Тайна исполнится три дня спустя. Это будет продолжаться до тех пор, пока не исполнятся все тайны.

– Не знаешь, как долго будут продолжаться явления? – спросил Девид.

– Не имею ни малейшего понятия. Возможно, до тех пор, пока не приедут сюда все те, кто должен приехать, или не услышат об этом все те, кто должен услышать. Однако я не удивлюсь, если явления закончатся завтра или же будут длиться еще девять лет. Одна визионерка, с которой я познакомился в Северной Ирландии, сказала мне, что во время откровения, которое она имела год назад, она услышала, что мир имеет еще девять лет, чтобы обратиться к Богу, что указывает на 1997 год.

– Тогда Мария придет в последний раз?

– Так она мне сказала. Однако одновременно говорится о Ее явлениях в разных местах: в Японии, в России, в Ирландии. А затем все закончится...

– Вернемся к тайнам. Что она говорила о карах?

– Очень немного. То, что они будут большие и что не следует по их поводу спекулировать.

– Я не буду спекулировать по их поводу, – сказал Девид, – но люди, ищущие сенсации, будут. Когда эти факты станут известны всем, люди все преувеличат и назовут, например, католическим апокалипсисом!

– Так уже и сделали, – ответил я.

– Большинство моих верующих знакомых надеется, что наше поколение переживет большую катастрофу.

– Правда, однако, такова, что верующие со времен апостолов постоянно пророчат апокалипсис.

– Что говорят, как это произойдет?

Девид вздохнул.

– Многие думают, что это будет атомная катастрофа, но я – иного мнения. Я думаю, что это будет естественная катастрофа.

Я ничего не ответил, но согласился с Девидом. Когда средства, данные нам Богом, исчерпываются, люди, как обычно, пускают в ход машину самоуничтожения. Народ будет воевать с народом...

Утро было солнечное, и после вчерашнего дождя все выглядело свежо. Мы договорились о встрече с Иваном. Встреча произошла дома. Недавно ему исполнилось двадцать три года.

Я спросил через переводчика, есть ли у него свободное время.

– Если хочешь, то всегда можно найти для себя время. Я отдыхаю, занимаюсь спортом... Однако это не является дорогой к небу. Поэтому я часто отказываюсь от спорта. Пресвятая Дева не просила меня об этом. Я сам это делаю.

Я сказал, что меня огорчают перемены, происходящие в Меджугорье. Речь не только о ларьках с сувенирами, но и о людях. Кажется, что в костеле уже не так много людей из селения, как было раньше. Связано ли это с наплывом туристов? Существуют ли молитвенные группы?

– Да, их три. Но мы вынуждены конкурировать с другими развлечениями. Мы работаем, прежде всего, с детьми и добились уже некоторых успехов.

Я спросил его о ежемесячном послании, которое Мария передает

всему миру 25 числа каждого месяца. Я заметил, что октябрьское послание было длиннее обычного.

Иван ответил:

– Это послание приходит через Марию, его слышит только Марийка. Каждое послание дается по конкретному поводу. Оно должно быть для нас понятно.

– Иван, много людей, которые будут читать мою книгу, не являются католиками. Например, протестанты не знают Марию и не верят, что можно молиться Ей. Быть может, они послушают протестанта. Можешь ли ты сказать что-нибудь, что поможет протестантам?

– Важно подчеркнуть, что Пресвятая Дева пришла ко всем людям. Послания Марии обращены ко всему миру. Она с самого начала говорила, что мы должны молиться за все религии, поскольку мы сами разделились из-за религиозных поводов. Это не Бог разделил нас. Войны не происходят от Бога.

Я хотел вернуться к теме молодежи, живущей в Меджугорье. Во время своего последнего приезда я обратил внимание, что многие молодые люди проводят много времени в кафе, не приходят на Мессу.

– Да, мы можем говорить о богатых и бедных. Есть много бедных, но их семьи счастливы. Глядя на других, я вижу, что в семье нет единства между мужем и женой. У родителей нет времени заняться детьми. Они не молятся вместе с детьми. Их больше волнуют деньги, чем дети...

За последние два года Иван очень изменился. Он возрос духовно и чувствовал себя более свободно, давал интервью. Помог ему и год, проведенный в армии.

– Последний вопрос: когда-то ты думал о пути священника. Думаешь ли ты об этом теперь?

– Это глубоко личное дело. Когда Мария начала приходить к нам, она принесла с Собой свободу и сказала, что нам принадлежит право выбора того, чем мы хотим заняться в этой жизни.

Это был хороший ответ и хорошая возможность закончить интервью.

В последний день нашего пребывания в Меджугорье мы вышли на Подбрдо, чтобы посмотреть, как встает солнце над спящей долиной.

– Не умещается в голове, – говорил Девид, – что кто-то считает будто дети все это выдумывают. Достаточно посмотреть, как они живут. Они не получают денег. Они известны, но кто хотел бы такой славы? День за днем они

выслушивают те же вопросы, сталкиваются с тем же отсутствием такта, тем же напором. Я познакомился только с Вичкой и Иваном, провел с ними по часу, но могу сказать, что в них нет фальши.

Девид сфотографировал расстилающуюся под нами долину.

– Это нормальные дети, они не могли бы лгать так долго. Ученые проводят с ними во время явлений энцефалогические исследования. Это невозможно.

– Некоторые говорят, что ими манипулируют священники.

– Не нужно даже часа провести с отцами Светозаром или Йозом, чтобы понять, насколько абсурдно это обвинение. Это абсолютно нормальные монахи. Я слышал о них разное. Честно говоря, если бы люди о них ничего не говорили, то я бы подозревал, что здесь что-то неладно. То, что они обычные люди, а не герои в коричневых одеждах, делает их более притягательными.

Мы пошли на Мессу по-английски, а затем ходили по кедровой аллее за костелом, которую он полюбил так же, как и я. Я видел, что в течение этой недели он становился все более тихим и задумчивым.

– Я всю эту неделю, – сказал Девид, – мог сосредоточить свое внимание на Боге! Могу поспорить, что многие из тех, кто приезжает сюда, впервые в жизни имеют возможность так много думать о Нем.

Я пошел на кладбище и нашел Девида, молящегося со слезами на глазах. Увидев меня, он покраснел, а затем сказал:

– Я не знаю, как отсюда уеду. Иисусово послание любви, мира и обращения, переданное через Благословенную Деву Марию, Святейшую из посланников, завоевало еще одну душу.

Любимые дети, сегодня Я призываю вас к жизни, согласной с посланиями, которые Я передавала вам в течение восьми лет. Это время благодати, и Я желаю, чтобы благодать эта для каждого из вас была щедра. Благославляю вас и люблю вас особой любовью. Благодарю, что вы ответили на мой призыв...

Заключение

Это послание, как и фрагменты, помещенные в начале каждой главы, взяты из посланий, полученных ясновидящими из Меджугорья.

Эти послания продолжают и по сегодняшний день. Послание Богородицы, переданное вечером 25 июня 1989 года, в восьмую годовщину первого явления, подтверждает, что деревня Меджугорье является местом особой Божией милости. Послание это слышало более двухсот тысяч паломников со всего мира. Это было наибольшее количество людей за всю историю явлений. Плод этой милости возрастает и умножается.

После того, как я был в Меджугорье с Давидом Мануэлем, мне удалось побывать там еще три раза. В последний раз я был там в начале июня 1989 года. Многое изменилось. Жители строят дома, чтобы принять как можно большее количество паломников. Исправлены и расширены дороги, ведущие к деревне и к костелу. Рядом с костелом вместо утопанной земли и дикорастущей травы появились скамейки и палисадник. Это уже не тот приходской костел маленькой деревушки, о котором знали только жители прихода. Это место особой благодати, известное во всем мире.

Милость более всего проявляется в жизни людей, которые побывали здесь. Для меня вершиной этой милости является жизнь и смерть Розмари Стоффель.

Джим и Росси играли в моей жизни большую роль в то время, когда я стал интересоваться Меджугорьем. Я подружился с ними, и мне было очень тяжело, когда рак горла, с которым боролась Росси, все-таки победил. В феврале 1988 года она слегла и вскоре после этого умерла.

Я навещал ее в больнице, когда в перерыве между поездками бывал дома. Это было нелегко, поскольку, несмотря на принадлежность к церкви, две поездки в Меджугорье и участие во многих богослужениях с молитвами об

исцелении, Росси овладела апатия и разочарование. Когда она, наконец, поняла, что не выздоровеет, то в гневе оставила молитву и надежду. Каждый визит к Росси был для меня болезненен до наступления одной среды в начале марта.

Как обычно, я стоял у дверей, собираясь с силами, чтобы суметь перенести отчаяние и разочарование, которое словно излучала больная. Однако когда я вошел, она встретила меня слабой улыбкой и легким взмахом руки.

– Я должна тебе рассказать, что сегодня произошло, – прошептала она. – Я обрела покой!

Я с удивлением посмотрел на Джима, сидящего с другой стороны постели. Росси продолжала:

– Сегодня утром после работы ко мне пришла одна из санитарок. Она принесла миску воды и сказала, что хочет умыть мне ноги. Представляешь себе? Она хотела умыть мне ноги! – Ее глаза блеснули. – Она сделала это специально для меня. Не знаю зачем. Я начала плакать, а она подумала что мне больно. А я плакала потому, что Божия любовь вернулась ко мне. Я увидела, как сильно любят меня люди и Бог.

Она схватила меня за руку и медленно произнесла:

– Я снова чувствую Его. Это так, словно бы я вернулась в Меджугорье. Разве это не чудесно?

– Да, Роси, – ответил я. – Это замечательно.

Будучи не в состоянии найти хоть какие-то слова, я стал читать молитву Ангела Господня, сжимая руку Росси. После второго предложения она присоединилась ко мне и помолилась впервые за много недель.

Четыре дня спустя, в воскресенье вечером, мы всей семьей сели, чтобы помолиться. Кеннеди попросил, чтобы я прочитал ему какую-то историю из Библии для детей. Когда я спросил его, какую, он сказал, чтобы я выбрал сам. Я открыл книгу как раз на истории о том, как Иисус мыл ноги Своим ученикам!

Пораженный этим, я взглянул на Терри и стал объяснять Кеннеди то, что несколько дней тому назад произошло с Росси в больнице, обращая его внимание на то, что небольшие деяния любви могут значить столь много, в особенности когда мы не думаем о том, что делаем что-то сверхъестественное. Я был уверен, что санитарка, оказавшая внимание Росси в прошлую среду, не имела понятия о том, какое значение имел ее поступок.

Спустя полчаса, когда я читал в своей комнате, ко мне пришла Терри.

– Я звонила в больницу, – сказала она, – чтобы справиться о состоянии здоровья Росси. Она умерла спокойно во сне около тридцати минут тому назад.

Милость, полученная Росси Стоффель, является лишь примером того, что я видел на протяжении последних четырех лет. Видимая милость в повседневной жизни многих людей является для меня доказательством истинности явлений Марии в Меджугорье, доказательством большим, чем сами явления.

Недавно ранним утром нас разбудил телефонный звонок. Из Австралии звонила Тэшиа, чтобы сказать мне, как она счастлива. Она живет теперь с родителями. Ее жизнь возвращается в нормальное русло. Когда мы прощались, я помолился, благодаря за нее Бога и радуясь тому, что Он не пренебрегает ни одной душой.

Чудесная милость!

Что дальше? Думаю, что ответ дает послание, которое год тому назад в день своих именин получила Мириана. Оно является как бы подведением итогов этих восьми лет милости, которые были даны нам благодаря явлениям Матери Иисуса:

– Мои возлюбленные дети, Я пришла, чтобы привести вас к чистоте души, а значит – к Богу. Как вы приняли Меня? Сначала с недоверием, страхом, не веря тем, кого Я выбрала для себя. Затем большинство приняло Меня всем сердцем и стало исполнять Мои материнские просьбы. К сожалению, это продолжалось недолго. Где бы ни появилась Я – и со Мной Мой Сын – туда же приходит и дьявол. Не отдавая себе в том отчета, вы позволили ему управлять собой. Иногда вы осознаете, что поступаете против Божьих заповедей, но старайтесь об этом не думать. Дети, не поддавайтесь этому. Отрите слезы, которые текут из Моих глаз, когда Я смотрю на ваши поступки. Посмотрите, что творится вокруг вас!

Посвятите время тому, чтобы молиться всей семьей и просить Бога о милости... Не осуждайте бедных, просящих о корке хлеба. Не отказывайте им ни в чем, что едите сами. Помогайте им, и Бог поможет вам... Не обманывайте самих себя, думая, что вы добры, а брат, живущий рядом с тобою, зол. Это неправда.

Я – ваша мать и потому остерегаю вас. Существуют тайны, которых вы, Мои дети, не знаете, но когда узнаете их, то будет уже поздно! Вернитесь к молитве! Я хотела бы, чтобы Господь позволил Мне освятить вас хоть немного; относительно же тайн, которые Я вам передала, Его милость уже достаточна. Подумайте об этом! Сколько вы даете Богу от себя? Когда вы в последний раз дали что-то рзди Господа?

... Еще раз хочу призвать вас к молитве, посту и покаянию. Если вы хотите в посте получить Божию милость, то пусть никто не знает, что вы это делаете.

Дети, размышляйте в молитве о послании, которое Я вам передаю...

Пусть это замечательное послание Марии, Матери Иисуса, и послание этой книжки приведет вас к миру ... и милости Нашего Господа.

Уэйн Уэйбл.

Как я стал католиком

8 декабря 1991 года, в праздник Непорочного зачатия Пресвятой Девы, я и моя жена соединились с Католической Церковью. Во время Божественной Литургии, завершающей конференцию о Меджугорье и происходившей в Новом Орлеане, были совершены обряд инициации и таинство миропомазания. Это было самое значительное событие в нашей жизни. И чудесное. Даже слова Пресвятой Девы нельзя сравнить с чувством, которое испытываешь, принимая в Евхаристии Иисуса Христа.

Теперь уже нет нужды отвечать на частые вопросы типа: "Когда ты уже обратишься?" Я не должен буду объяснять, что Пресвятая Дева из Меджугорья просит нас об обращении сердец и что мне кажется, что я должен в то же время оставаться в Лютеранской Церкви.

О принятии католицизма я стал впервые думать во время первого паломничества в Меджугорье в мае 1986 года. Я молился к Пресвятой Деве, прося Ее быть моей водительницей. Тогда я приобрел уверенность, что Она хочет, чтобы я стал католиком.

Однажды вечером, незадолго до того, как я стал готовиться к принятию католицизма, во время молитвы я услышал, как Пресвятая Дева говорит, что еще не следует этого делать. Я был удивлен и спросил: "Почему?" Но ответа не последовало. Я пытался объяснить себе, что, наверное, речь идет о моем первом браке и разводе и что следует сперва выяснить этот вопрос.

Потом произошло нечто, заставившее меня посмотреть на эту проблему с другой точки зрения. Я понял, почему я должен еще подождать с соединением с Католической Церковью и быть послушным словам нашей Госпожи.

Я пошел посоветоваться обо всем с отцом Майком. Перед этим я молился, чтобы совет, который он даст мне, происходил непосредственно от Иисуса. Я рассказал ему обо всем.

– Уэйн, – начал он с улыбкой голосом, полным сочувствия. – Как ты думаешь, что люди говорят о том, что ты называешь себя лютеранином, а здесь, в Католической Церкви, принимаешь Святые Дары? Некоторые из моих прихожан недовольны тем, что ты приступаешь к Причастию. Это противоречит церковному праву, но если ты чувствуешь, что должен это сделать, то всегда можешь у меня приступить к Причастию.

Священник ждал ответа, а я уже знал, что я должен сделать.

– Отец Майк, – ответил я спокойно. – Пока я не стану католиком, я не стану принимать Иисуса в Евхаристии.

– Хорошо, – обнял он меня. – Именно это я и хотел услышать!

В течение следующих двух лет я совершал свои поездки. Все чаще я посещал Божественную Литургию и, стоя на коленях у скамьи, с болью в сердце смотрел, как беззаботные католики приступают к Святым Дарам, не слишком задумываясь над тем, что происходит. Я неустанно спрашивал Иисуса и Марию, когда же я стану католиком.

Ожидая ответа на этот вопрос, я часто переживал гнев и желание отказаться от своего замысла. Что-то в этой Церкви не в порядке. Почему меня не принимают с распростертыми объятиями? Ведь я так много времени посвящаю благовестию послания из Меджугорья, так тесно связанного с католицизмом.

Наконец я понял, что мною руководят желания, а не благодарные мотивы послушания и смирения, на которые нам указывает Пресвятая Дева. Однажды во время Евхаристии я со слезами на глазах молился такими словами: "Иисус, если Ты не желаешь, чтобы я стал католиком..., то пусть так и будет. Я хочу того, что является Твоей волей".

В январе 1990 года во время поездки по Техасу я оказался в маленьком городке Уэслэйко. В нем живет францисканец Девид Лопез, возглавляющий конференционный центр. Я хотел познакомиться с ним, поскольку слышал много хорошего о его духовной зрелости.

Когда мы с ним сели в тихом уголке, я сразу почувствовал, что брат Девид – это святой человек. Ему было не более тридцати лет, но болезнь так повыкручивала ему конечности, что он выглядел старше своих лет. Глядя на меня спокойными, карими глазами, напоминавшими глаза Иисуса, он спросил:

– Что я могу для тебя сделать, Уэйн?

Глядя ему в глаза, я открыл перед ним свое сердце и рассказал, как мне больно оттого, что я не могу принимать Иисуса в Евхаристии.

– Я знаю, что должен быть терпелив, но временами мне ужасно тяжело...

– Наша Госпожа говорит, что это продлится еще два года.

Он говорил медленно и с трудом. Несколько минут его слова оставались для меня непонятными. Наконец я понял: еще два года! Я почувствовал облегчение, что наконец стану католиком.

Меня ожидал долгий урок послушания и терпения. Мы молились о том, чтобы я имел силы выстоять. Наша Госпожа, как обычно, опекала меня и ласково, с любовью вела к Своему Сыну.

После встречи с братом Давидом я много думал об этом деле и, наконец, смирился с тем, что должно было произойти. У меня было время, чтобы приготовить себя и всю свою семью, оказывая послушание Божией воле.

В апреле 1990 года мы с Терри впервые поехали в Рим. Позже мы поехали в Ассиз, на родину святого Франциска и святой Клары. Для Терри это была самая приятная часть путешествия.

Когда мы возвращались в Рим с загородной прогулки, Иоланта, моя приятельница из Австралии, велела водителю автобуса остановиться. Мы остановились у монастыря, где вот уже несколько лет живет Бруно. Иоланта сказала:

– Уэйн, я знаю, что это звучит глупо, но ты должен сейчас пойти встретиться с Бруно.

Мы стояли посреди поля, и по неосознанной причине я не хотел знакомиться с этим человеком.

– Иоланта, мне вовсе этого не хочется. И как мы потом попадем в гостиницу?

Иоланта была непоколебима.

– Ты должен это сделать. Джо и Винс пойдут с тобой. Наверняка вам удастся потом перехватить автобус до Рима.

Винс, приятель Иоланты, был дружен с Бруно. Вместе с Джо он вышел из автобуса и махал мне рукой. Иоланта потянула меня за рукав и тихонечко вытолкнула из автобуса. Когда автобус отъезжал, удивленная Терри помахала мне на прощание рукой.

– Ну, – сказал я, понимая, что другого выхода у меня нет, – идемте посмотрим на этого Бруно.

Винс убеждал меня, что все будет в порядке, и что Бруно, у которого проблемы с голосом, поскольку его мучает сатана, будет не в состоянии разговаривать со мной дольше, чем несколько минут.

– Когда к нему приходят епископы и кардиналы, он говорит с ними 15-20 минут, – сказал Винс. – Все хотят с ним познакомиться.

Когда мы стояли у монастырских ворот, ожидая, пока нас впустят, Винс рассказал мне немного о его жизни. Ранее, изучая различные явления, я встречал это имя, но только сейчас я узнал, что в основе откровения, полученного этим итальянцем, было послушание. Когда-то он был человеком, полным ненависти, и принадлежал к протестантской группировке, враждебно настроенной по отношению к католикам. В молодости с ним случались частые приступы злобы, он избивал жену и детей. Своей жизненной миссией он считал убийство папы. Чудесным образом в это дело вмешалась Пресвятая Дева. Она явила Бруно истину об Иисусе Христе и Его Церкви. Сперва Она явилась его детям, с которыми он приехал на пикник в парк Тре Фонтан. Когда он сам, пытаясь вывести детей из состояния чудесного транса, увидел Ее, его жизнь изменилась. Бруно смирился и совершил покаяние. Вскоре он стал одним из героев католической веры, а теперь является символом послушания Католической Церкви.

Когда мы вошли в монастырь, то присоединились к братьям, читающих молитву Розария. Я молился о том, чтобы встреча, которой я не желал, окончилась как можно быстрее. Последнюю десятку вел кто-то с невыразительным и высоким голосом.

— Это Бруно, — шепнул Винсент.

Когда молитвы закончились, Винс довольно долго говорил с Бруно, после чего они подошли к скамье, где сидели Джо и я. Я надеялся, что у Бруно нет для меня времени.

Винсент представил нас и сказал:

— Бруно будет говорить с тобой, но недолго. Я буду переводить.

Мне сделалось легче. Мы вошли в небольшую комнату, и я стал рассказывать Бруно о себе и о Меджугорье. Он с самого начала прерывал меня и сказал, что не уверен в истинности явлений в связи с сомнениями местного епископа.

В заключение я сказал, что хочу стать католиком, но встречаюсь с трудностями. Вначале Бруно считал, что сможет помочь мне, но изменил свое мнение, когда узнал, что я был разведен и женился вторично и что мы с женой ожидали признания недействительным первого брака.

Решительно, хотя и деликатно, Бруно сказал, что если я хочу полностью подчиниться Божией воле, то мы должны принять послушание Церкви, сохраняя цембат, и жить с Терри как брат и сестра до того времени, пока мы не получим окончательного ответа по нашему вопросу. А если мы не получим признания недействительным предыдущего брака, то до конца жизни мы не сможем жить как супруги. Я остолбенел. Я понял, что это совершенная истина,

что я не послушен вере, которую так жадно желал принять. Но как сказать об этом Терри?

После встречи оказалось, что мы разговаривали полтора часа. В гостиницу мы вернулись к началу ужина. Когда Терри увидела меня, у нее на лице появилось выражение облегчения. Она хотела знать, что произошло.

– Поговорим об этом позже, – ответил я, думая, как рассказать о своей встрече с Бруно.

На следующий день мы должны были ехать в Ассиз. Мне казалось, что это подходящее место, чтобы обо всем ей сказать.

Я надеялся, что она поймет меня, поскольку в течение последнего года она немало возросла духовно. Я очень удивился, когда увидел, что она сильно разозлилась. В глазах у нее задрожали слезы. Зачем я сказал об этом именно в Ассизе – городе, который она давно мечтала увидеть, – сказала мне она. И добавила: "Ты испортил мне этот день".

Я даже не пытался что-либо объяснять. Оставил ее и два часа беспечно блуждал по улицам.

Когда я нашел ее, она сидела у могилы святого Франциска. Она была уже спокойна. Я молчал, не желая сердить ее. Мы вернулись в гостиницу молча и держась за руки. Вечером она изменила свое мнение. Мы долго разговаривали и решили, что коль это исходит от Бога, то мы будем Ему послушны. Мы будем стараться жить, как брат с сестрой и ничего не будем друг другу обещать.

По возвращении в Миртл Бич, после долгих молитв и бесед мы решили сложить обет чистоты. Удивительно то, что через несколько месяцев наша любовь была еще крепче, чем до того.

25 июня 1990 года, в годовщину первого явления в Меджугорье, мы получили письмо из трибунала епархии в Чарлстоне, в Южной Каролине, информирующее, что по вопросу Терри приняло решение о признании недействительным предыдущего брака. Теперь нужно было ждать решения моего вопроса.

В декабре мы получили из трибунала очередное письмо. Я открыл его и в первом абзаце прочитал, что получаю разрешение на повторный брак. Я бросил письмо и стал прыгать от радости, но тут же услышал голос разума:

– Не радуйся, пока не дочитаешь до конца.

Я стал читать дальше, и вместо радости меня охватил гнев. Я получал разрешение на повторный брак, но при условии, что "в течение какого-то времени" буду находиться под опекой психолога.

– Разве возможно столько ждать! – воскликнул я.

– Уэйн, ты забыл, что наша Госпожа сказала в Техасе? Помни, что она говорила о двух годах, а между тем не прошло еще и года.

– Да, я знаю. Быть может, речь идет о том, чтобы иметь больше времени на благовестие Ее послания? – сказал я неуверенно, чувствуя, что это не точное объяснение ситуации.

Когда я вспомнил, что менее чем через месяц должен буду ехать в Меджугорье, то был еще более взволнован. Я мечтал быть принятым в общину католиков именно в Меджугорье. Моими крестными родителями должны были стать Марийка и Иван, а отцы Светозар, Йозо и Филипп должны были совершить обряд. Сейчас оказалось, что я не могу реализовать свою мечту.

Я согласился на наблюдение психолога, будучи готов ожидать два года. Я не имел ни малейшего понятия о том, что мне предстоят еженедельные собеседования в течение десяти месяцев и что Терри тоже должна будет в них участвовать. В конце октября 1991 года собеседования закончились. Консультант сказал, что по прошествии столь длительного времени и столь тяжелой работы, зная так много, может дать свое согласие на наш брак.

На июньской конференции я впервые сообщил, что не желаю, чтобы меня называли протестантом, возвещающим послание из Меджугорья, поскольку я и моя жена в ближайшее время собираемся принять католицизм. Присутствующие отреагировали взрывом радости.

Когда я вернулся домой из поездки по континенту, Терри сказала:

– Хорошо выспись, потому что завтра вечером мы выходим вдвоем. Это специальный сюрприз!

– Терри, я слишком устал. Давай отложим это на другой день.

Терри не сдавалась.

– Нет. Это следует отпраздновать. Это – нечто исключительное.

На следующий день, в воскресенье, мы поехали в итальянский ресторан. После обеда я попросил:

– Теперь скажи мне, что это за сюрприз, который не может подождать, пока я высплось.

Терри открыла сумочку и протянула мне письмо из трибунала. В нем сообщалось, что без каких-либо дополнительных условий я очищен и могу войти в общину Католической Церкви в любое время в местном приходе или любом другом выбранном мной месте. Я долго читал это письмо, а затем, спустя какое-то время, сказал Терри:

– Знаешь, мы так долго ждем, что я почти не чувствую радости. Сейчас праздничный период, через неделю у меня встреча в Новом Орлеане. Быть может, подождем месяц или два и только тогда сообщим всем о нашем решении? Я не могу поехать в Меджугорье из-за войны. Быть может Пресвятая Дева хочет, чтобы это торжество произошло тихо, без шума.

Терри согласилась, что, быть может, это самый лучший план, но быстро добавила:

– Хорошо, но помолимся об этом еще во вторник, после встречи молитвенной группы.

Помню, как во вторник я говорил Пресвятой Деве:

– Мне кажется, что Ты хочешь, чтобы так было, и мне кажется, что так будет лучше.

Я был счастлив, что, после пяти лет ожидания, я через несколько часов смогу принять Тело и Кровь Иисуса.

Вдруг внутри себя я услышал знакомый голос Пресвятой Девы:

– Я хочу, чтобы ты был принят в общение с Церковью в Новом Орлеане. Люди оттуда нуждаются в этом.

Я вскочил с колен и воскликнул:

– Нет!

Невозможно, чтобы Она хотела этого. Тогда я снова услышал те же самые слова. В глазах у меня стояли слезы. Терри почувствовала, что что-то произошло, посмотрела на меня и спросила:

– Ты получил ответ?

– О да, я получил ответ, – и я повторил ей все, что услышал.

– Давай молиться дальше! – сказала она. – Этот ответ мне не нравится. Я не хочу этого при таком скоплении народа.

Я стал убеждать Терри, что если она не захочет ехать в Новый Орлеан, то, вероятно, нам удастся устроить все таким образом, чтобы она была принята в общину Церкви еще сегодня, в Миртл Бич. Я знал свою жену и то, что она робеет при большом скоплении людей. Я не хотел ее ни к чему принуждать, но, если говорить обо мне, то послание было ясно: я должен сделать это перед людьми из Нового Орлеана.

Спустя несколько минут она сказала:

– Ты прав, ты должен сделать так. Это подходит к тому, что происходит в течение последних пяти лет. Я спросила отца Келии, сможет ли он принять меня во время Святой Мессы в 7.30. В это время не бывает слишком много людей.

Когда мы вернулись домой, я тут же позвонил к Мими Келли, организатору конференций в Новом Орлеане, и сказал ей, что со мной происходило. Она начала плакать.

– Уэйн, несколько месяцев тому назад я написала тебе письмо, в котором спрашивала, не мог бы ты войти в общение с Католической Церковью во время конференции. Но потом я порвала это письмо, потому что посчитала эту просьбу безрассудной.

Мы договорились обо всем в течение нескольких минут. Мы объявим мое решение во время Мессы по окончании конференции, чтобы не отвлекать людей от их содержания. Отец Кеннет Робертс совершит обряд инициации, а находящийся уже на отдыхе архиепископ Филипп Ханнах совершит миропомазание. Мой одиннадцатилетний сын будет министрантом.

Терри договорилась о встрече на следующий день со священником в Миртл Бич, молясь о силе, чтобы пережить все, что он ей предложит.

– Терри, я охотно приму тебя у себя в воскресенье, но считаю, что ты должна поехать с Уэйном в Новый Орлеан.

По возвращении домой Терри с дрожью в голосе сказала, что едет со мной и надеется не потерять сознания во время торжества.

– Прекрасно, – засмеялся я, – но ты спасена. На этот рейс уже нет свободных мест. Я проверил это.

– Позвони еще раз. Если есть на то воля Святого Духа, то свободное место будет.

Через полчаса на самолет, летящий в Новый Орлеан, у нас было забронировано три места.

Так 8 декабря, в праздник Непорочного Зачатия, около 13.00 мы приняли прекраснейший из всех даров – Евхаристию. Это было исполнением моей мечты и надежды. Это было стократным вознаграждением за долгое послушания.

Хочу закончить эту историю словами Терри:

– Сперва, приняв Святое Причастие в Новом Орлеане, а затем в Миртл Бич, я не почувствовала ничего необычного. Я была слишком напряжена, вслушиваясь в то, что Иисус будет говорить мне, ожидая каких-то необычных переживаний. Я знала, что Он во мне, но Он казался мне очень маленьким. Сейчас я гораздо лучше понимаю, что означают слова о том,, что человек не может увидеть Бога и остаться

живым. Я понимаю, почему великие христианские мученики столь охотно и мужественно переносили пытки, преследования и непонимание со стороны других. С того дня, когда я в третий раз приняла Святое Причастие, я чувствую, что остановить войну или перенести гору – сущие пустяки. Его присутствие было столь явственно, что мне хотелось, чтобы так было всегда. Я утратила чувство времени, в расчет принималась только эта минута: ни прошлое, ни будущее не имело значения...

Уэйн Уэйбл.

Оглавление

Предисловие	7
Пролог.....	9
1. Посланник.....	13
2. У истоков.....	17
3. Послание.....	31
4. Ты – Мой сын.....	35
5. Пиши о Меджугорье.....	45
6. События развиваются стремительно.....	53
7. Все быстрее.....	60
8. Отец Скопци.....	72
9. Верую.....	81
10. Прийди и увидь.....	90
11. Деревня.....	98
12. Птицы в полночь.....	102
13. У врат небесных.....	108
14. В гостях хорошо, а дома – лучше.....	119
15. Рассказываю о Меджугорье?.....	125
16. Возвращение.....	132
17. Время ученичества.....	140
18. В комнате откровений.....	151
19. Минуты сомнения.....	159
20. Благовествование призыва.....	167
21. История Риты.....	176
22. Заверши начатое.....	183
23. Учение продолжается.....	191

24. В пути.....	199
25. Мери Маргарет.....	208
26. Полная покорность.....	214
27. Разногласия.....	222
28. Заграничная миссия.....	227
29. Милка.....	235
30. Последнее жниво.....	241
31. Голоса из Меджугорья.....	252
Заклочение.....	261
Как я стал католиком.....	265

Подписано к печати 9.03.94. Формат бумаги 60×84¹/₁₆. Объем 17,5 п. л.

Тираж 10 000 экз. Заказ 200.

Отпечатано в ГППП-3 с оригинал-макета.
191104, Санкт-Петербург, Литейный пр., 55

Все началось со встреч в лютеранском приходе. Там Уэйн Уэйбл, автор этой книги, впервые услышал о Меджугорье. Потом был видеофильм, взволновавший его до глубины души. Тогда Уэйн, по вероисповеданию протестант, впервые услышал слова: "Ты – Мой сын, и я хочу, чтобы ты исполнял волю Моего Сына..."

Так начинается полная тайны история о Меджугорье. Пишутся первые статьи об этом месте. Их автор передает необыкновенную атмосферу этой хорватской деревни, в которой с 25 июня 1981 года шестерым молодым людям является Божия Матерь. Наконец, Уэйн посещает это исключительное место и... Оно уже не дает ему "покоя". Очарованный "духом" Меджугорья, он утверждает, что человек не может увидеть Бога и оставаться таким, каким он был в "старой жизни". Это было истинным началом его обращения, о котором рассказывается в этой книге.

Она является не столько попыткой оценить события, происходящие в этой маленькой горной деревушке в Герцеговине, сколько свидетельством веры всех тех, кто позволил Святому Духу вести себя. Сам автор выступает здесь как "свидетель" особенный. Благодаря Меджугорью он обрел не только покой и смысл жизни, но и Бога, с Которым в полноте встретился в Евхаристии.

Эта книга – свидетельство наряду со многими важными истинами особенно выделяет одну: Мария не является целью, Она – лишь путь к Иисусу. Это подтверждают и те, кому Божия Матерь является ежедневно.

"Меджугорье не связано с местом, – пишет Уэйн Уэйбл. – Оно – прежде всего дух, а дух может возрастать повсюду". И, быть может, именно поэтому эта книга является столь исключительным свидетельством...